МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ РЕСПУБЛИКИ ДАГЕСТАН
РЕСПУБЛИКАНСКИЙ ДОМ НАРОДНОГО ТВОРЧЕСТВА

РЕПЕРТУАРНО-МЕТОДИЧЕСКОЕ ПОСОБИЕ ДЛЯ НАРОДНЫХ ТЕАТРОВ РЕСПУБЛИКИ, ПОСВЯЩЕННОЕ 70-ЛЕТИЮ ПОБЕДЫ В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ

МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ РЕСПУБЛИКИ ДАГЕСТАН
РЕСПУБЛИКАНСКИЙ ДОМ НАРОДНОГО ТВОРЧЕСТВА

РЕПЕРТУАРНО-МЕТОДИЧЕСКОЕ ПОСОБИЕ ДЛЯ НАРОДНЫХ ТЕАТРОВ РЕСПУБЛИКИ, ПОСВЯЩЕННОЕ 70-ЛЕТИЮ ПОБЕДЫ В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ

(репертуарный сборник для КДУ-
Центров традиционной культуры народов России)

Махачкала 2015

Издается по инициативе Главы Республики Дагестан
Р.Г. Абдулатипова в рамках реализации
приоритетного проекта «Человеческий капитал»,
подпроекта «Культура и культурная политика Дагестана»,
Государственной программы РД «Развитие культуры в Республике Дагестан
на 2014-2018 годы».

«Нынешний год – особый для нашего Отечества, это год укрепления единства и сплоченности российского общества, народов Советского Союза, народов России. Приближается великий праздник – 70-летие Победы советского народа над немецко-фашистскими захватчиками. Мы все – дагестанцы и русский народ – знаем, что эта Победа досталась немалой ценой. В условиях, когда страна подвергается огромному давлению, нам надо поднимать экономику, сплачиваться как единому народу».

27 февраля 2015 г.
Р.Г. Абдулатипов

Уважаемые коллеги!

В предлагаемом методическом пособии для народных театров республики представлены произведения различных авторов, из разных регионов и разных времен на тему Великой Отечественной войны. В пьесах показаны не только события войны, но и раскрыты образы советских людей, для которых любовь к Родине и защита Отечества превыше всего. Освобождая родную землю от фашистов, вероломно вторгшихся в нашу страну, они боролись с врагами не на жизнь, а на смерть, – и это было для них священным долгом.

Рассказать последующим поколениям правду о войне – это долг каждого патриота и гражданина нашей великой Родины. Еще более впечатляет искусство, оно проникает в душу, сохраняется надолго в памяти, когда через сценическое воплощение и выразительные языковые средства передаются подлинные события совместно с участниками войны, – так осуществляется связь поколений.

Авторы в своих пьесах показывают, что патриоты – обыкновенные люди, труженики сел, рабочие, представители интеллигенции, которые, отчаянно переживая тяжелые годы войны, становятся настоящими героями.

Пьеса А.В. Сулейманова «Айбике» рассказывает о судьбе молодых дагестанцев, встретившихся на дорогах войны и нашедших свое счастье в послевоенной мирной жизни.

Участник итальянского сопротивления Джамал, в пьесе Наримана Алиева, – образ, созданный на основе реальной исторической личности Гасана Камалова, жителя селения Читур Лакского района, школьного учителя, ставшего героем Италии. Памятник герою стоит и в Италии, и в родном селе Гасана Камалова. По жанру пьесу Н. Алиева можно определить, как лирико-героическую балладу.

Пьеса украинских драматургов А. Бодарыкина, С. Челки «Амет-Хан Султан» посвящена дважды герою Советского Союза, дагестанцу, и названа его именем. В ней показана драматическая судьба талантливого летчика, на счету которого множество сбитых самолетов противника. После войны он испытывает истребители нового класса и в очередном испытании погибает. Такова сюжетная конва пьесы, в которой отражена драматургия времени и судьбы как главного героя, так и всех участников военного и послевоенного времени. Но главное в этом сценическом формате, что и читатель, и зритель не просто сопереживают, но и откликаются на увиденное, давая свой собственный ответ.

Театр должен увидеть и показать, что каждая победа над врагом и награды герою доставались в тяжелых сражениях и с большим риском для жизни. Они все сделали для того чтобы одержать Победу!

Пьеса народного писателя Чечено-Ингушетии Ахмета Бокова «Мы вернемся, Нана» о войне, которая убивает сыновей и невестку героини Айши, рожденных для жизни, для счастья, о том, как растила она своих детей, и как все они добровольно ушли воевать с врагом, героически погибая ради свободы своей земли.

Осетинский драматург В. Гаглоев создал патетическую трагедию о войне, отнявшей всех сыновей у матери, убившей ее надежды, оставившей вдовами молодых, цветущих невесток. Пройдя через беды, несчастья, кровопролития, лишения и трудности, нечеловеческие потери, мать Госема осталась сильной, способной понять и принять решение. Она отправляет их в новую жизнь, чтобы дети обрели счастье в личной жизни. Такова сила человеческого духа, щедрость и доброта материнского сердца.

Во всех пяти пьесах собраны по крупинкам жизни людей в довоенное и послевоенное время. Каким духом и верой обладал советский народ, и насколько сильно участники битвы любили Родину, самоотверженно спасая ее от возможной гибели, можно прочувствовать в каждой строчке написанного и понять, что, несмотря на высокую ценность человеческой жизни, люди спасали в первую очередь своих соотечественников, родных, друзей ради любви, чести и доброй памяти.

Рекомендованное методическое пособие дает возможность в Год литературы использовать его в КДУ-Центрах традиционной культуры народов России для народных театров республики, на тематических праздниках, посвященных 70-летию Великой Победы.

Желаем всем вам мира, добра, радостного настроения, творческого подъема и удачных театральных постановок.

Будьте здоровы, уважаемые коллеги!

Нариман Алиев

ИТАЛЬЯНСКАЯ БАЛЛАДА

Героическая драма в десяти картинах,
с прологом и эпилогом

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Джамал Гасанов, Кара, Луиза – его жена

Беатриче – племянница луизы, Эртолли – командир партизанского отряда, Энрико, Винчи, Сарти – бойцы, Шмуцке – немецкий офицер,

Мать Джамала, бойцы отряда Эртолли.

Время действия – 1943-1944 годы. Место действия – Италия.

ПРОЛОГ

В наплыве – горы. На переднем плане – дерево. Издалека доносится автоматная стрельба, видны вспышки разрывов гранат. На сцену выбегают бойцы отряда Эртолли, залегают, отстреливаются. Выбегает Джамал.

Джамал. Почему залегли?

Кара. Слышите, наши уже в Бергамо!

Винчи. Левый фланг уже прорвался в Бергамо.

Джамал. Слушай мою команду! Немедленно идти на соединение с отрядом имени Гаррибальди через южную окраину города! Джузенис, Альфредо и я будем прикрывать ваш маневр. Винчи!

Винчи. Я!

Джамал. Возьмешь на себя командование группой.

Винчи. Есть! Отряд, за мной!

Группа бойцов поднимается и уходит за Винчи. Джамал остается с двумя бойцами. Все трое отстреливаются. В темноте сверкают каски немецких солдат. Стрельба усиливается. Один за другим падают Джузенис и Альфредо. Джамал остается один. Отступая, он становится у дерева.

Джамал. Ну! Чего медлите? Все равно живьем не возьмете. Стреляйте же!

Вытаскивает гранату, но в это время раздается автоматная очередь. Джамал, пошатнувшись, продолжает стоять, держась одной рукой за ветку дерева.

В наплыве, на вершине горы – Мать.

Мать. Тебе больно, сын мой?

Джамал. Мама?

Мать. Больно тебе?

Джамал. Нет, не больно.

Мать. А мне почему-то сразу стало больно. Я только что рассматривала твои фотографии. Помнишь карточку, ты снят со своими учениками?

Джамал. Помню.

Мать. Ты сидишь посередине и улыбаешься.

Джамал. А рядом со мной, слева, Эльдар с надутыми щеками.

Мать. Он ждет тебя, мой любимый ученик. Что передать ему, мальчик мой?

Джамал. Что передать? Передай …

Мать. Джамал! Почему ты замолчал? Джамал!.. Убили?! Убили!

Музыка.

После мгновенного затемнения зритель читает кинотитры:

Герою итальянского движения Сопротивления, кавалеру Золотой Звезды, капитану Советской Армии, учителю, дагестанцу Гасан-Гусейну Камалову посвящается эта баллада.

Картина первая

Фашистский застенок. Шмуцке беседует с пленным Джамалом.

Тут же и Сарти.

Джамал (*не сразу*). Нет.

Шмуцке. Я полагал, что имею дело с человеком рассудительным.

Джамал. Не тратьте попусту время.

Шмуцке. Значит, нет?

Джамал. Нет.

Шмуцке. Даже у попугая словарный запас богаче вашего. И потом, неужели вы полагаете, что упорство, с которым вы три дня произносите одно и то же слово, вызывает у меня бурю восторга?

Джамал. Не полагаю.

Шмуцке. Стало быть, вы отчетливо представляете последствия вашего отказа.

Джамал. Можете расстрелять меня хоть сейчас.

Шмуцке. Расстрел – примитивная процедура. Примитивная и нежелательная. Должен вам заметить, капитан, что в вашем стане бытует весьма ложное представление о моем народе. Мы никогда не были кровожадны. Более того, созидание — первооснова нашего образа жизни, нашей культуры! Гете, Гейне, Вагнер...

Джамал. И Тельман в концентрационном лагере. Бросьте, майор, заниматься пропагандой. У вас это не очень хорошо получается.

Шмуцке. Да поймите вы, наконец, что это глупо! Мы не воюем против кавказских народностей. Более того, мы хотим видеть в вас своих идейных единомышленников. Фюрер всегда воздавал должное вашим национальным лидерам, четверть века боровшимся против российского угнетения. Вам есть над чем подумать, капитан. Вам есть, с кого брать пример. Здесь, в Италии, формируются эмигрантские части из числа национального меньшинства России. Вы будете командовать батальоном мотопехоты, получите «мерседес» в личное пользование, офицерское снабжение. Не исключены и награды фюрера за доблесть и героизм, проявленные на Восточном фронте. Неужели вам не ясно, что это ваш единственный шанс остаться в живых?

Джамал. Я понимаю, майор. Командовать батальоном мотопехоты?

Шмуцке. Да.

Джамал (*про себя*). Командовать батальоном мотопехоты...

Шмуцке. В вашем распоряжении будет служба связи.

Джамал. Служба связи?

Шмуцке. Состоящая из молоденьких девиц.

Джамал. Один вопрос.

Шмуцке. Прошу.

Джамал. Вы бы изменили своей стране?

Шмуцке. Я?

Джамал. Да, вы.

Шмуцке. Видите ли, в этом вопросе нужна точность. Изменить России... Разве Россия ваша страна? По существу, вы изменили своему родному краю... Традиционная борьба кавказских народностей против русского угнетения должна занимать все ваши помыслы и дела. С нашей стороны вы найдете своих союзников. А пока что мы считаем вас изменником своей родины, которой мы глубоко симпатизируем.

Джамал. Я – изменник?

Шмуцке. Изменник Кавказа! За одно это стоило вас приставить к стенке. Но на вашей стороне – смягчающее обстоятельство – вы в глубоком заблуждении. Скажите, где молится ваш отец?

Джамал. Отец?

Шмуцке. Ему негде помолиться за своего сына, потому что они уничтожили ваши мечети или, в лучшем случае, превратили их в колхозные зернохранилища. Разве с этим можно мириться, капитан?

Джамал. Дайте закурить.

Шмуцке (*подносит Джамалу портсигар и зажигалку*). Не в моей манере попрекать куском хлеба, но у нас вы не имеете недостатка в еде. Уверяю, даже военнопленные рангом повыше не едят того, что предлагается вам.

Джамал. Вы рассчитываете на благодарность.

Шмуцке. Я рассчитываю на ваше скорое прозрение, капитан. Кроме того, вам представляется возможность очистить свою, совесть, искупить вину...

Джамал. Сила на вашей стороне.

Шмуцке. И правда тоже. Правда!

Джамал (*не сразу*). Я согласен.

Шмуцке. Так скоро?

Джамал. Мы с вами беседуем третий день. Я готов приступить к делу.

Шмуцке. Не пытайтесь только выиграть жизнь! Она не принадлежит вам!

Джамал. Понимаю...

Шмуцке. Для начала и это неплохо. Все остальное поймете потом, когда научитесь отличать друга от врага и врага от друга. Хочу особо подчеркнуть, что только круглый идиот может рассчитывать на отсутствие контроля.

Джамал. Понимаю.

Шмуцке. Я удовлетворен. Кстати, вчера мне пришлось выполнить пренеприятную миссию – расстрелять троих русских и одного чеха, пытавшихся бежать из лагеря. Точно так же я поступаю с каждым, капитан!

Затемнение.

Картина вторая

Сцена разделена на две части. Слева – комната Беатриче, справа – дворик. Вечер. Слышится шум остановившейся машины и громкий смех Беатриче. Входят Беатриче, Шмуцке и Джамал. Беатриче заметно пьяна.

Бетриче. А я говорю – нечестно! Разве можно спаивать бедную, беззащитную девушку?

Шмуцке. Помилуйте, фрейлин! Я не задался целью...

Беатриче. Знаю, какой вы задались целью. Знаю. У всех мужчин – одна цель. Все они задаются одной целью. (*Джамалу*.) А вы как считаете?

Джамал. Я не знаю, что вы имеете в виду.

Беатриче. Знаете! Что же мы стоим? Могу предложить чашечку кофе.

Все входят в комнату.

Две минутки – и кофе будет готов. (*Уходит*.)

Шмуцке. Нравится?

Джамал. Красивая девушка.

Шмуцке. Ну, девушка или...

Джамал. Я чувствую себя здесь лишним.

Шмуцке. Ни в коем случае. Помимо всего прочего, вам были обещаны и женщины. Эта танцовщица – первая, но не последняя. Желаю успеха, капитан! (*Выходит во двор, закуривает и наталкивается на Сарти*.) Господин комендант!

Сарти. Добрый вечер, господин майор.

Шмуцке. Вы – деликатный человек, господин комендант, не спрашиваете, что я здесь делаю.

Сарти. Вы были у Беатриче.

Шмуцке. У нее остался капитан Гасанов. Не следует огорчаться, господин комендант. Могу предложить общество других женщин. Поехали?

Сарти. Извините, но я не так воспитан, чтобы...

Шмуцке. Я это давно заметил. Вы, итальянцы, смотрите на женщин, как на нечто божественное. Мы же к этому вопросу относимся чисто по-деловому. Женщина должна способствовать поднятию духа солдата фюрера и рожать для него новых граждан.

Сарти. Какую же роль вы отводите Беатриче, господин майор?

Шмуцке. Разумеется, не роль матери. Итак, едем? (*Не сразу*.) Виноват. Вы сказали, что не так воспитаны. Вам следовало бы жить в девятнадцатом веке, господин комендант. На фоне сегодняшних событий ваши сентименты выглядят по меньшей мере архаично. Доброй ночи, господин комендант. (*Уходит*.)

Слышится шум отъехавшей машины.

Сарти. На фоне сегодняшних событий...

В комнату входит Беатриче с подносом.

Беатриче (*смотрит в окно*). Не попрощался даже. (*Увидев Сарти*.) Одну минуту. (*Выходит во двор*.) Сарти?

Джамал наблюдает из окна.

Сарти. Добрый вечер, Беатриче.

Беатриче. Заходи, Сарти.

Сарти. Спасибо.

Беатриче. Заходи же.

Сарти. Разве можно так прожигать жизнь, Беатриче?

Беатриче. Ты уверен, что я ее прожигаю?

Сарти. Я вижу все. Ты постоянно бываешь в офицерском клубе.

Беатриче. Где, впрочем, бываешь и ты. Мне холодно, может, зайдешь?

Сарти. Ты ведь не одна. (*Уходит*.)

Беатриче входит в комнату.

Беатриче. Почему вы не пьете кофе?

Джамал. Вы так быстро отрезвели.

Беатриче. Быстро пьянею и быстро трезвею. А вы наблюдательный.

Джамал (*пьет кофе*). Насколько мне известно, ваш возлюбленный ушел к партизанам и воюет против своих соотечественников.

Беатриче. Да. Я этого не скрываю. С Энрико все кончено.

Джамал. Это вам еще следует доказать.

Беатриче. Мне ничего никому не хочется доказывать. Обычно ко мне приходят с одной ясной целью. Я не способна вести серьезные разговоры.

Джамал. Предпочитаете серьезное дело?

Беатриче. Вы не оригинальны, капитан. Я ужасно устала от этих бесконечных прощупываний.

Джамал. Раздевайся!

Беатриче. Что?

Джамал. Раздевайся! (*Наступает на Беатриче*.)

Беатриче (*вытащив пистолет*). Не подходите! Не подходите.

Джамал. Не способна вести серьезные разговоры...

Беатриче. Уходите! Уходите и будем считать, что ничего этого не было.

Джамал (*поднимаясь*). Вы плохо конспирируетесь.

Беатриче. Зато вы не пытаетесь скрыть своих скотских чувств.

Джамал. Вы не боитесь последствий?

Беатриче. Уходите!

Джамал. Спокойной ночи! (*Изловчившись, выхватывает из рук Беатриче пистолет*.) Ну, вот вам и последствия. Теперь не надо раздеваться. Я прошу об одном.

Беатриче. О чем вы еще просите?

Джамал. Поверить мне.

Беатриче. Я постараюсь.

Джамал. Я слежу за тобой вторую неделю. Кто ты?

Беатриче. Офицерская шлюха, с которой можно обращаться как угодно.

Джамал. Это неправда.

Беатриче. Нет, это правда.

Джамал. Зачем же тогда пистолет?

Беатриче. Потому что вы – предатель. Надели немецкую форму, воюете против своей страны.

Джамал. А ты?

Беатриче. Мужчина! С пистолетом в руке разговаривает с женщиной.

Джамал (*возвращает пистолет*). Возьми его.

Беатриче. И вы не боитесь?... Я могу... (*Берет пистолет*.)

Джамал. Ты поможешь мне бежать к партизанам.

Беатриче. А если не помогу?

Джамал. У тебя — пистолет.

Занавес

Интермедия

На просцениуме Джамал. Слышится лязг остановившейся машины, фары ее освещают лицо Джамала. Выходят Шмуцке и Сарти.

Шмуцке. Это вы?

Джамал. Я.

Шмуцке. Вы уже возвращаетесь?

Джамал. Да.

Шмуцке. Так скоро?

Джамал. Больше я к ней не пойду, господин майор.

Шмуцке. Почему?

Джамал. Ни в моем вкусе вульгарные женщины. Больше одной ночи она не заслуживает.

Шмуцке. Вы такдумаете? У вас определенная склонность к коллекционированию. В наше время это похвально и просто необходимо. (*К Сарти*.) Вы не разделяете нашу точку зрения, господин комендант?

Сарти. Позвольте мне не отвечать на этот вопрос.

Шмуцке. Воля ваша. Уверяю вас, вам не повезло. Вам следовало родиться и жить в эпоху Ренессанса.

Сарти. Вы, наверно, правы, господин майор. Двадцатый век явно мне не по душе.

Шмуцке. Прискорбное заявление. Прискорбное и преждевременное. Двадцатый век еще не спел свою лебединую песню. Поехали, господа. У нас много дел. Послезавтра прибывает эшелон с русскими пленными.

Затемнение
Интермедия

На просцениуме Винчи. Появляется Беатриче.

Беатриче. Винчи?

Винчи. Как ты меня узнала? Я такой незаметный.

Беатриче. Ты все шутишь?

Винчи. А что делать? Время веселое. Беатриче принесла новости?

Беатриче. Завтра ночью прибывает эшелон с русскими военнопленными.

Винчи. В котором часу?

Беатриче. Этого я не знаю. Передай Эртолли, что русский офицер – наш.

Винчи. Ты в этом уверена?

Беатриче (*уходя*). Передай привет Энрико!

Картина третья

Часовая мастерская в доме Кары. Большое окно-витрина.
Кара ремонтирует часы. Входит Луиза с кошелкой.

Кара (*напевая*). Ай, хинкал ты, мой хинкал! Каждый день у нас хинкал! Это ты, Луиза?

Луиза. Я. А кто же еще? Ничего себе, союзники! Рыщут по улицам, трещат своими мотоциклами, на каждом шагу проверяют документы.

Кара. Ищут кого-то...

Луиза. Русские пленные, говорят, бежали.

Кара. Ну! Куда?

Луиза. Чудак! Ты так спрашиваешь, будто я знаю, где бы они могли спрятаться. И вообще, нужны они мне, как мои болячки! Ты бы лучше спросил, что мне сегодня предложил наш дорогой лавочник.

Кара. Что тебе предложил наш дорогой лавочник?

Луиза. Убираться ко всем чертям.

Кара. Вах! Почему ко всем чертям?

Луиза. А тебе не все равно – ко всем чертям или к одному? Святая мадонна! Если так будет продолжаться, то я скоро подам своему мужу на обед его запасные части от часов – разные винтики, шпунтики, стрелочки, циферблат и звонок от будильника... на десерт.

Кара. А что, разве не звучит – спагетти из часовых пружинок. Или, или вот – омлет из циферблата...

Луиза. Звонок на вертеле.

Кара. Вот, вот...

Луиза. Хинкал из часовых колесиков.

Кара. Баллах, это тоже неплохо.

Луиза. Но ты представляешь – лавочник посоветовал и завтра положить зубы на полку!

Кара. Так и сказал – зубы на полку?

Луиза. Представь себе!

Кара. Вай, вай, вай!

Луиза. Вай, вай, вай! От твоего вай, вай, вай сыт не будешь. Проклятая жизнь! Когда все это кончится?!

Кара. Не знаю, когда все это кончится. А хинкал ты все-таки приготовишь.

Луиза. Удивительный человек! В желудке пусто, в доме шаром покати.

Кара. Хе-хе!

Луиза. Вот тебе и хе-хе. Во всем Бергамо люди забыли тот день, когда последний раз ели макароны.

Кара. Хе-хе! Милая моя старуха! Когда ты шла на учебу, я уже ученым возвращался. Сходи на кухню. За буфетом с левой стороны спрятан бязевый мешочек с мукой.

Луиза. С ума сошел! Использовать муку, которую я оставила на черный день...

Кара. Хм, неужели может быть день чернее сегодняшнего?!

Луиза. Пожалуй, ты прав...

Кара. Пожалуй, это единственный случай, когда ты со мной согласилась.

Луиза. А как же не согласиться! В городе хозяйничают немцы, мальчик наш давно не подает голоса с фронта, в желудке пусто, ты ничего не зарабатываешь.

Кара. Что поделаешь. Я стараюсь, но мне мало платят. Народу сейчас не до часов. Свари, дорогая, хинкал. Ты спрятала немного муки, а я кусок сушеной баранины,

Луиза. Где она?

Кара. Что – где?

Луиза. Баранина сушеная.

Кара. В кладовке, на стене, за медным тазом.

Луиза. Что же ты до сих пор молчал, разбейся молния о твою лысину!

Кара. Держал на черный день.

Луиза. У меня в доме целая баранья туша, а я, дура старая...

Кара. Какая туша? Разве я сказал – туша? Килограмма два, не больше...

Луиза. Пресвятая мадонна! Да мы с тобой богаче самого мясника! (*Убегает*.)

Кара. Давай, давай, богатая хозяйка. (*Работает, напевает*.) Ай, хинкал ты, мой хинкал. Каждый день у нас хинкал...

Входит Сарти.

Сарти. Какая интересная мелодия...
Кара. О, господин комендант! Проходите, господин комендант. Садитесь. (*Сарти садится*.) Снова часы испортились.

Сарти. Вы пели оригинальную песню.

Кара. Вы любите песни, господин комендант!

Сарти. Я происхожу из семьи музыкантов. Каждую субботу вся наша семья собиралась в гостиной. Отец играл на виолончели, покойная матушка была неплохой пианистской, сестры мои недурно пели дуэтом.

Кара. А вы, господин комендант?

Сарти. У меня была скрипка. Я брал уроки у лучшего педагога Турина. Он готовил меня в консерваторию. Но...

Кара. Но дуче призвал...

Сарти. Недавно я вытащил из чехла свою скрипку, пальцы мои вышли из повиновения. Такое впечатление, будто я впервые взял в руки мой инструмент.

Кара. М-да... а время идет, господин комендант.

Сарти. Прошло уже. Ну, а часы действительно испортились. Только не мои, а майора Шмуцке. (*Протягивает часы*.)

Кара. Ага.

Сарти. Можно будет получить их к утру?

Кара. Постараюсь, господин комендант.

Сарти. Вот и прекрасно. Да, один вопрос.

Кара. Пожалуйста, господин комендант.

Сарти. Из окна вашего дома хорошо просматривается улица.

Выходит Луиза с мукой и со стороны наблюдает.

Кара. Хорошо просматривается, господин комендант.

Сарти. Может быть, вы заметили кого-либо из подозрительных, не из нашего города?

Кара. Когда?

Сарти. Ну, скажем, сегодня.

Кара. Баллах, не замечал. А вы кого ищете?

Сарти. Постарайтесь к утру починить часы.

Кара. Постараюсь, господин комендант. (*Работает*.)

Сарти. Тетушка Луиза!.. Я.. я о Беатриче хотел с вами...

Луиза. А, что говорить! Пропала девка! С немцами крутит.

Сарти. Немцы – наши союзники, тетушка Луиза.

Луиза. Да. Но это никого не обязывает лежать на их простынях. Святая мадонна! Мне уже стыдно выходить на улицу! А ты тоже хорош! Нравится она тебе, так нечего мямлить.

Сарти. Она любит Энрико.

Луиза. Да никого она не любит – ни Энрико, ни тебя, ни себя, ни черта, ни дьявола. Я тоже боюсь за Беатриче, Сарти. Чего доброго, принесет тетке своего метиса незаконного. Тогда хоть беги на старости лет из Бергамо. Святая мадонна! Счастье к ней так и просится, а она крутит с немцами и к тому же утверждает, что по уши влюблена в этого дезертира. О, если бы я знала, где этот беглец, я бы разве сидела, сложа руки. Мой Тонино проливает кровь на полях России, а этот выкормыш отсиживается под юбкой какой-нибудь шлюхи, чтобы после войны

жениться на моей племяннице! Нет, Сарти, я не знаю, где Энрико. И очень сожалею... Сарти!

Сарти. Да.

Луиза. Хочешь начистоту?

Сарти. Конечно.

Луиза. Беатриче не заслуживает твоего внимания. Ну ... сам посуди, какая из нее жена?! Это говорю тебе я, ее родная тетка.

Сарти. До свидания, тетушка Луиза. (*Уходит*.)

Луиза. Нашему коменданту не мундир носить, а косы с бантиками.

Кара. Чего ты там ворчишь?

Луиза. Стареть начинаю. В городе на каждом углу вооруженные мотоциклисты.

Кара. Я это уже слышал.

Луиза. Поговаривают – бежала группа советских военнопленных.

Кара. И это слышал... от тебя слышал.

Луиза. Народ поговаривает...

Кара. А ты не поговаривай. Слышишь? Не поговаривай!

Луиза. Хорошо, хорошо! Не выходи из себя. Незавидная моя доля. С родным мужем нельзя посплетничать.

Кара. Как ты сказала – советские военнопленные бежали?

Луиза. Я ничего не сказала!

Кара. Ну, а все же?

Луиза. Хм, ты прекрасно слышал, что я сказала.

Кара. Советские военнопленные...

Луиза. Да, да, да! Те, кто пытался убить нашего сына. О, попадись они мне на глаза!

Входит Беатриче, за ней Джамал, переодетый в штатский костюм.

Беатриче. Добрый вечер, тетушка Луиза. Добрый вечер, дядюшка Кара.

Кара. Добрый вечер.

Луиза. А! Это ты, моя разлюбезная племянница?!

Беатриче. Я, тетушка Луиза.

Луиза. А ну убирайся вон, чтобы духу твоего не было в моем доме!

Беатриче (*удивленно*). Тетушка Луиза!

Луиза. Была тетушка Луиза, да вся кончилась!

Кара. Луиза!

Луиза (к Беатриче). Кому сказано – убирайся!

Беатриче. Ты всегда была ко мне добра и внимательна.

Луиза. До поры до времени я была к тебе добра и внимательна. Пока ты не потеряла гордость и не стала выплясывать в кабаке на улице Васко да Гамо перед немецкой офицерней, пока ты была честной и целомудренной.

Беатриче. После войны ваша милая племянница станет прежней целомудренной девочкой.

Луиза. Пресвятая мадонна! Когда это было, чтобы блудная женщина превратилась в невинную девушку?! Жила бы твоя мать, она бы из тебя мигом выколотила твои «забавы».

Беатриче. Что вы, тетушка Луиза! Мама меня никогда и пальцем не трогала.

Луиза. И напрасно не трогала! Хотела бы я знать, какими глазами ты будешь смотреть на своего мужа после первой брачной ночи!

Беатриче. Вот такими! (*Вытаращила глаза*.)

Луиза. У, бесстыжие твои очи!

Кара. Перестань, Луиза. Беатриче не одна.

Луиза. А когда она бывает одна? (*Смотрит на Джамала*.) На немца не похож, на итальянца тоже. (*К Беатриче*.) Может быть, ты представишь нам своего очередного кавалера!

Джамал. Уйдем отсюда.

Беатриче. Погодите. Тетушка Луиза!

Луиза. Что тебе?

Беатриче. Молодому человеку надо отдохнуть.

Луиза. Пусть отдыхает где угодно, только не в моем доме.

Беатриче. Ну, тетушка Луиза!

Луиза. Веди его к себе.

Беатриче. Ко мне нельзя.

Луиза. Ах, да! Я и забыла, что у тебя они бывают. Но на наш дом не рассчитывай. Кто его знает, кто он такой. Сегодня, говорят, советские военнопленные бежали... постой, а он похож....

Кара. Луиза!

Луиза. Я пятьдесят два года Луиза!

Джамал. Уйдем отсюда, девушка.

Беатриче. Ну, что ж... Спасибо и за это. (*Собирается уходить*.)

Кара. Куда?

Беатриче. А это наше дело – куда.

Кара. Подожди, молодой человек. Подожди. Садись. (*Джамал садится*.)

Луиза. С ума спятил! Да ты знаешь, кто он, откуда он?

Кара. У нас в горах, когда странник переступит порог твоего дома, его не спрашивают, кто он, откуда он. Можешь быть спокойна, Беатриче. Молодой человек будет доволен.

Беатриче. Спасибо. (*Джамалу*.) Я зайду за тобой на рассвете. Постарайся отдохнуть как следует. (*Уходит*.)

Луиза. Ну, конечно, в доме мусульманина женщина не имеет права сказать даже слово.

Джамал (про себя). В доме мусульманина?

Кара. По-моему, только ты и говоришь сегодня. (*Джамалу*.) Тебе не мешало бы умыться. Пойдем к умывальнику. (*Оба уходят*.)

Луиза. Хорошие законы! Провались я на этом месте, если в моем доме не военнопленный! Паршивая девчонка! Кому же она в конце-концов служит? (*Обращаясь к вошедшему Каре*.) Умывается?

Входит Кара.

Кара. Умывается.

Луиза. Пусть умывается. Может, чище станет. (*Уносит посуду*.)

Кара. Он не похож на итальянца. Военнопленный? Но какое к нему отношение имеет Беатриче? Хм, загадка... Если придут немцы... (*закрывает двери на засов*), не знаю, что и делать...

Входит Луиза с кастрюлей.

Луиза. Моется, будто целый год воды не видал. После него придется прочистить умывальник.

Кара. Перестань!

Луиза. Ах, да! Я и забыла, что в своем доме лишена голоса!

Кара. Накрой лучше на стол.

Луиза. С твоего позволения, мой дорогой супруг. (*Ставит на стол приборы*.) Пойди посмотри, что он там делает. Кто знает, быть может, через минуту мы взлетим на воздух вместе с нашей хижиной.

Кара. Ты ведь не злая, Луиза.

Луиза. Да, но это не лишает меня права знать, кого я принимаю в своем доме.

Кара. Пока что мы знаем одно: этот человек голоден и нуждается в отдыхе.

Входит Джамал.

Проходи, кунак. Старуха моя накормит нас чем бог послал.

Джамал. Вы сказали – кунак?

Затемнение

Картина четвертая

Кара за столом ремонтирует часы. На цыпочках выходит Луиза, пытается отворить дверь.

Кара. Луиза?!

Луиза. А... а почему ты не спишь?

Кара. Куда собралась?

Луиза. Пока не наступил комендантский час, я сбегаю к Сильване. Может быть, у нее найдется...

Кара. Комендантский час уже наступил.

Луиза. Разве?

Кара. Уже без четверти двенадцать.

Луиза. Наплевать! Подумаешь, только улицу перебежать.

Кара. Что тебе надо у Сильваны?

Луиза. На прошлой неделе я одолжила ей немного сахарину.

Кара. Зачем тебе ночью понадобился сахарин?

Луиза. Я... а... Ой, я боюсь!

Кара. В комендатуру собралась?

Луиза. Я посижу с тобой. Я ведь давно не сплю. Все прислушиваюсь – вдруг постучит. Помнишь, он всегда стучал пять раз. (*Стучит по столу пальцем*.) Первые два с длинным интервалом, остальные три с короткими. (*Стучит еще раз*.)

Кара. Вернется наш мальчик. Куда ему деваться. Все будет хорошо. А спать все-таки надо.

Луиза. Хотя бы он ушел поскорей! Нервы что-то пошаливают. Порой даже волосы болят. Спокойной ночи. (*Уходит*.)

Кара. Постарайся уснуть.

Затемнение

Интермедия

Проливной дождь. Выходит Беатриче с зонтиком.
Навстречу ей Сарти в плаще.

Сарти. Беатриче?!

Беатриче. А?

Сарти. Что ты делаешь на улице в комендантский час?

Беатриче. А ты?

Сарти. Куда ты идешь? Тебя могут арестовать.

Беатриче. Для этого ты на улице? Арестуй.

Сарти. У тебя сегодня нет гостей?

Беатриче. А ты защитил меня от гостей? Эх, Сарти! Как хорошо, что я не вышла за тебя замуж. Меня бы и тогда никто не защищал. Русский офицер волочится за мной. Я и решила переночевать у тетушки Луизы.

Сарти. Русский офицер бежал вместе с военнопленными.

Беатриче. Бежал? Теперь мне ясно, почему ты на улице. Ищи, Сарти, русского офицера. Может быть, найдешь. Немцы щедро заплатят тебе.

Сарти. Я провожу тебя.

Беатриче. Не надо! (*Уходит*.)

Сарти. «А ты защитил меня от гостей?..»

Затемнение

Картина пятая

Кара спит на диване. Стук в дверь. Старик продолжает спать. Стук повторяется.

Кара (*просыпается*). Кто там? Беатриче (*за сценой*.) Я, дядюшка Кара!

Кара. Чего это тебя носит в такую погоду? (*Открывает дверь*.)

Входит Беатриче в плаще. В руке у нее мужской плащ.

Беатриче. Погода – лучше и желать не надо. Где он?

Кара. Спит.

Беатриче. Где?

Кара. В угловой комнате.

Беатриче. Ага. (*Уходит в комнату*.)

Входит Луиза.

Луиза. Я слышала голос моей блудливой... извини, тебя, кажется, коробит это слово.

Кара. Она пришла за ним.

Луиза. Господь услышал мои молитвы!

Кара. Положи ему немного мяса.

Луиза. О, я это сделаю с превеликим удовольствием! Поскорей бы только убирался. (*Уходит*.)

Входят Беатриче и Джамал.

Джамал. Вот мы и уходим.

Кара. И отдохнуть не успел.

Беатриче. Отдыхать будем на том свете.

Джамал. Спасибо вам... за все спасибо: за то, что накормили, спать уложили и ни о чем не расспрашивали.

Входит Луиза со свертком.

Луиза. Как жаль, что так быстро уходите. В такую погоду.

Беатриче. Тетушка Луиза так добра.

Луиза. А ты только сейчас узнала об этом? (*Протягивает Джамалу сверток*.) Здесь немного еды. Кто знает, как длинна будет ваша дорога.

Джамал. Спасибо.

Беатриче. Прощайся скорей.

Луиза. Куда ты его ведешь?

Беатриче. Черту в пекло.

Кара. Ты не назвал даже своего имени.

Джамал. Эх, дядюшка Кара! Вы не представляете, как я рад встрече с вами. И с вами, тетушка Луиза.

Луиза. Приятно слышать.

Джамал. А зовут меня Барзу.

Кара. Барзу?

Луиза. Красивое имя – Барзу. И что оно означает?

Джамал. Дядюшка Кара объяснит вам, что оно означает. Прощайте, дядюшка Кара и тетушка Луиза! (*Уходит с Беатриче*.)

Кара. Барзу...

Луиза. Слава тебе господи! Я думала, что эта ночь будет длиться до бесконечности. Хм, Барзу. И почему ты обязан знать, что означает это слово?

Кара. Барзу по-нашему – орел.

Занавес

Картина шестая

Лагерь итальянских партизан. Энрико, Винчи и другие бойцы. Все слушают Энрико. Каждый занят своим делом. Кто перевязывает раны, кто чистит оружие, кто просто отдыхает.

Энрико. Итак, синьоры, ваш легендарный военачальник продолжает разбор минувшей операции.

Винчи. Интересно, как ты себя называешь в присутствии командира Эртолли?

Энрико. В присутствии Эртолли? Хм, в присутствии, значит? Да, но ведь Эртолли сейчас отсутствует. Так что... стало быть... Короче говоря, я продолжаю, синьоры. Итак, о поведении каждого бойца в отдельности. С кого же мы начнем?

Голоса. Начни с себя, Энрико!

Ты же легендарный!

Тебе есть чем похвастаться!

Энрико. Э, нет! О себе я предпочитаю умолчать по причине наследственной скромности. Моя покойная матушка рассказывала мне, что в грудном возрасте я не подавал голоса даже в том случае, если подо мной бывали мокрые пеленки. (*Смеется*.)

Винчи. Ну, это уж дело вкуса.

Энрико. Ничего подобного – признак скромности...

Винчи. Сидеть в мокрой пеленке?

Энрико. Во-первых, не сидеть, а лежать. Во-вторых... во-вторых, начнем с тебя, мой дорогой несевильский цирюльник.

Винчи. Почему именно с меня?

Энрико. Во-первых, ты сидишь ближе всех к моей персоне, а во-вторых... во-вторых, во время операции мы были рядом.

Винчи. Ладно. Ври, да только вовремя остановись.

Энрико. Я постараюсь остановиться. Синьоры, вы знаете, что сказал Винчи...

Голоса. Хватит, Энрико!

- Смотри, сколько людей недосчитались.

- Где Луиджи из Палермо? Где Мишель из Марселя? Где поляк Ярослав?

Энрико. Эх, так ведь я – для поднятия духа! Напиться бы сейчас да устроить дебош!

Винчи. Не умеем мы воевать.

Энрико. А кто нас учил? Ты – парикмахер, я – сын собственных родителей. Вот Барзу – это да! Храбрый дьявол!

Винчи. Он не похож на русского.

Энрико. Я тоже это заметил. Ну и здорово он сержанта в рукопашной прикончил.

Винчи. А как стреляет! Чик и – в преисподню! Чик и – в преисподню.

Энрико. Ума не приложу, как такой отважный юноша оказался в плену.

Винчи. А трусы меньше всего в плен попадают. Энрико. Ты так считаешь?

Винчи. Трус быстрее всех бегает... в противоположную сторону. Может, споешь что-нибудь, Энрико?

Энрико. Ты что, смеешься?! Мне хочется выть, а ты...

Винчи. Выть не нужно. Полицейские услышат.

Энрико. Слушай, Винчи, брось эти штучки! Я могу такое накардабалесить...
(Слышится звук приближающегося самолета.)

Винчи. Разведчик. Вынюхивает.

Энрико. Я ему, гаду, понюхаю! (*Стреляет из автомата в воздух*.)

Винчи. Перестань!

Выходят Эртолли и Джамал.

Эртолли. Кто стрелял?
Энрико. Я.

Эртолли. Почему? Кто тебе разрешил стрелять?

Энрико. Никто.

Эртолли. Почему же ты стрелял?

Энрико. У меня, Эртолли... горячее желание...

Эртолли. Горячее желание! Горячее желание! Можно подумать, что у остальных – холодное желание. Скажи, Барзу, этому горячему юнцу, чем все это может кончиться.

Джамал. Ты знаешь, что это за самолет?

Энрико. Нет.

Джамал. Разведчик марки «Фиат».

Энрико. Он летел так низко.

Джамал. Чтобы лучше разглядеть наше расположение. Орудий зенитных у нас нет, а пули твои ему не страшны. У него бронированное брюхо.

Энрико. Выходит, своей пальбой я только мог видать наше расположение?

Джамал. В армии за такое крепко наказывают.

Энрико. Я никогда не прощу себе эту оплошность, Барзу.

Эртолли. Я и не прощу тебе, если еще раз повторится что-либо подобное. Идите.

Партизаны уходят.

Продолжим наш разговор, Барзу.

Джамал. Можно карту? *Эртолли расскрывает карту*. Ну, да. Так оно и есть. Кратчайшая дорога из Крольяна в Милан проходит через зону, контролируемую нашим отрядом.

Эртолли. Ну...

Джамал. Мы готовились встретить колонну карабинеров именно в нашей зоне...

Эртолли. А чернорубашечники проскочили другой...

Джамал. Менее безопасной дорогой. Вам это ни о чем не говорит?

Эртолли. Небольшая колонна была послана через нашу зону для отвода глаз...

Джамал. Проскочут – хорошо, не проскочут – не велика потеря.

Эртолли. Им было не до нас. Они спешили в Милан.

Джамал. Командир! Позвольте мне высказать свои соображения.

Эртолли. Чувствую, что ты скажешь. Мне нужна твоя помощь. Ты – человек военный. Будучи журналистом, а впоследствии учителем...

Джамал. Ты – учитель?

Эртолли. Тебя это удивляет?

Джамал. Нет, почему же, я тоже – учитель.

Эртолли. Приятно слышать. Я хотел сказать – будучи учителем, вряд ли кто станет готовить себя в полководцы. Тебя мне сам бог послал, капитан Красной Армии. Ты что умолк?

Джамал. Горы... итальянские Альпы...наши горы более суровые, скалистые. Но у меня такое чувство, будто я у себя в горах.

Эртолли. Фашизм опасен как для твоих гор, так и для моих. В тридцать шестом я побывал в Испании. Работал тогда в Риме корреспондентом газеты «Либера». Само название газеты говорило о ее направлении. Но, увидев, что делалось там, под Гвадалахарой, а впоследствии в районе Мадрида, я уже не мог оставаться убежденным либералом. Я ушел из газеты, стал сельским учителем. Но мысль о том, что с фашизмом надо драться, не покидала меня. Иначе цивилизация будет распята на фашистской свастике. И мне безразлично – где драться: здесь, или на Сицилии, на Балканах или под Сталинградом. Барзу!

Джамал. Да?

Эртолли, Я назначаю тебя моим заместителем по боевой подготовке.

Джамал. Спасибо, командир!

Эртолли (*записывает в блокнот*). Так и запишем.

Джамал. Что вы пишите?

Эртолли. Летопись отряда. Бог даст, живым останусь, напишу книгу о наших делах. Ты будь покруче с мальчиками. Народ разболтанный. Особенно певец наш.

Джамал. Энрико!

Эртолли. Ершистый. Возражать любит.

Джамал. Будем обламывать.

Эртолли. Пойду, попробую связаться с гаррибальдийцами. Интересно, что у них нового? (*Ушел*.)

Выходят Энрико и Винчи.

Энрико. А я говорю, без нас обойдутся.

Винчи (*махнув ру*кой). Ах, тебя не переспоришь.

Джамал. О чем спор?

Винчи. Энрико утверждает, что союзники и без нас одолеют Гитлера. А потому, стоит ли нам ломать копья. Не лучше ли отсиживаться в горах, делать маленькие вылазки, чтобы не умереть с голоду.

Энрико. Я сказал, что наша задача настолько мала, что после войны даже не вспомнят об отряде Эртолли и его делах.

Джамал. Мала задача?

Энрико. Конечно! Что мы делаем? Штурмуем города? Свергаем режимы? Фактически мы ждем окончания войны.

Винчи. Потрясающий политик! Тупой, как автобус.

Энрико. Сам ты – автобус. Бритва твоя тупа, как автобус.

Выходят партизаны.

Джамал. Перестаньте спорить. Это правильно, что мы не штурмуем города. Но придет время, и эта задача будет нам под силу.

Энрико. Ты – утопист, Барзу.

Джамал. Поживем – увидим. Да, мы ждем окончания войны. Все ждем! Ты, Винчи, Эртолли, я – все. Но ждем, не отсиживаясь в горах, Энрико, а ускоряем ее

окончание. И меньше всего надо думать о том, чтобы о нас потом вспоминали. А пока, Энрико, поставь автомат на предохранитель.

Энрико. Ох, ты! В твоем голосе чувствуются начальственные нотки. По какому праву, если не секрет?

Джамал. По праву заместителя командира отряда. (*Ушел*.)

Энрико (*свистит*). Барзу перестает мне нравиться.

Винчи. Почему?

Энрико. В одно мгновение человек переменился. Лицо стало злее, голос грубый. А я, дурак наивный, в нем души не чаял.

Боец. Мади хоминис эст зундем оууда рэ эт витупарарэ.

Энрико. Что вы сказали?

Боец. Я сказал по латыни: «Хвалить и порицать одного и того же свойственно дурному человеку».

Энрико. Это кто же, по-вашему, дурной человек?

Боец. Полчаса назад ты был в восторге от Барзу. Ну, ну... не огорчайся. Ты молод, и у тебя есть еще время исправиться.

Винчи. А пока не покажешь ли ты нам обломки самолета, который ты поклялся сбить?

Энрико. Вам бы только поиздеваться над оплошавшим юношей. (*Чистит оружие, за ним следуют и остальные*.)

Винчи. Спой нам что-нибудь, Энрико.

Энрико (*отмахиваясь*). Ах!

Винчи. Чего ломаешься?

Энрико. Оставьте меня.

Винчи. Скажи, пожалуйста! Оставьте его! Твой тезка был гораздо проще тебя.

Энрико. Какой еще тезка?

Винчи. Энрико Карузо. (*Смех*.) Да и пел он, кажется, чуточку получше тебя.

Энрико. С удовольствием, но не могу.

Эртолли. Почему же?

Энрико. Воздух сырой. А я ведь не вечно собираюсь партизанить. Кончится война, поеду к синьору Делони. Чем черт не шутит, может быть, Делони подготовит меня для Ла Скала.

Винчи. Ишь, куда метит!

Энрико. Ну, не примут в Ла Скала, горевать не буду, пойду в труппу Кабриолотти. Но все это после того, как соберу немного денег и женюсь на Беатриче.

Винчи. А что трудней – собрать деньги или жениться на Беатриче? (*Смех*.)

Энрико. Беатриче будет моей, Винчи!

Винчи. А деньги?

Энрико. Можешь спать спокойно, у тебя не попрошу. (*Смех*.)

Винчи. А может, все-таки попросишь? Ведь у меня есть шанс разбогатеть. Кончится война, я открою собственную парикмахерскую...

Эртолли. Мужскую или дамскую?

Винчи. Мужскую. А может, и дамскую. Представляете – два зала, мужской и дамский. У входа я повешу рекламу: «Здесь брился и стригся великий певец Италии Энрико не Карузо! Здесь же завивалась и делала маникюр его постоянная спутница жизни и боевая подруга красавица Беатриче!». Отбоя не будет от клиентов! А в день Победы... в день нашей Победы я буду всех брить и завивать бесплатно.

Энрико. Пустая трата времени. Ты скуп, как Гобсек. (*Смех*.) Интересно бы послушать нашего русского друга. Какие у вас песни поют?

Джамал. Как вам сказать... разные песни, веселые и грустные, нежные и суровые... военные песни.

Эртолли. А вот те, что поют в горах Дагестана.

Джамал. Горские песни!

Энрико. Любопытно, как они звучат.

Джамал. Откровенно говоря, петь после Энрико несколько рискованно.

Эртолли. Обещаем судить не очень строго.

Винчи. Пой, Барзу. А то брить перестану.

Джамал. А я бороду собираюсь отрастить.

В наплыве девушка-горянка, она исполняет горский танец.

Джамал. Беатриче!

Эртолли. У тебя зоркий глаз, Барзу.

Энрико. Беатриче!

Винчи. Тебе чертовски везет, Энрико.

Энрико. Ей трудно идти. Она почему-то хромает. (*Убегает*.)

Эртолли. Всем занять свои места. (*Все расходятся*.) Барзу останься. Я не велел ей появляться в отряде.

Джамал. Видимо, что-то случилось.

Эртолли. Наверное...

Входит Беатриче, за ней Энрико.

Беатриче. Да говорю я тебе – ногу подвернула. Не ранена я, понимаешь? Никто в меня не стрелял. Здравствуй, Эртолли. Здравствуй, Барзу.
Эртолли. Здравствуй.

Джамал. Здравствуй, моя спасительница! (*Усаживает ее*.)

Эртолли. Энрико, была команда – по местам!

Энрико. Слушаюсь! (*Подходит к Беатриче*.) Мы еще поговорим, Беатриче.

Беатриче. Обязательно.

Эртолли. Ну... какие новости?

Беатриче. Меня пытались арестовать. Накануне я получила записку от неизвестного друга. Он сообщал мне, что я под большим подозрением и что мне необходимо немедленно уезжать из Бергамо. Я сперва решила, что это провокация, но, на всякий случай, приготовилась.

Эртолли. Что же дальше?

Беатриче. Кто-то, наверное, заметил, как я уводила Барзу от тетушки Луизы. Короче говоря, в Бергамо мне больше делать нечего.

Джамал. Если это так, то их могут схватить.

Эртолли. Кого?

Беатриче. Тетушку Луизу и дядюшку Кару.

Эртолли. М-да... вполне возможно, что уже схватили.

Беатриче. О, это ужасно!

Эртолли. Какие еще новости?

Беатриче. Американцы высадились в Сицилии, русские побили немцев под Курском. Из России в Бергамо прибыл потрепанный батальон дивизии СС. Наш бедный, маленький Бергамо! Он перестал быть итальянским. В городе полностью хозяйничают немцы. Майор делает все, что хочет.

Джамал. Стариков, говоришь, схватили?

Беатриче. Я в этом абсолютно уверена. Я повесила замок с внешней стороны. Карабинеры повертелись, покрутились возле моей хижины и двинулись в сторону мастерской дядюшки Кары. Кроме того, арестовано много заложников, подозреваемых в укрывательстве советских военнопленных. Их расстреляют через трое суток. Я хочу пить. (*Джамал подает флягу. Она пьет*.)

Эртолли. Ты устала, Беатриче.

Беатриче. Не то слово. А в России погиб Тонино.

Джамал. Какой Тонино?

Беатриче. Брат мой двоюродный, сын тетушки Луизы. (*Плачет*.)

Эртолли. Да...

Джамал. Не надо плакать, Беатриче. Не надо.

Эртолли. Ступай к Марселино. Пусть он накормит тебя.

Беатриче. Я знаю план здания комендатуры.

Эртолли. Очень хорошо. Иди, поешь.

Беатриче. Они усиленно охраняют комендатуру только ночью.

Эртолли. Страдают бессонницей! Ступай к Марселино.

Беатриче уходит.

Что скажешь, Барзу?

Джамал. Все наши люди в Бергамо, видимо, схвачены. Фактически мы потеряли связь с городом, Эртолли! Разрешите так называть вас?

Эртолли. Конечно.

Джамал. Заложников надо спасти. Во-первых. Это ни в чем не повинный народ. Во-вторых, я больше чем уверен, что они симпатизируют нам.

Эртолли. Безусловно! Иначе бы их не арестовывали.

Джамал. Совершенно верно!

Эртолли. Иными словами, ты собираешься пополнить ряды нашего отряда за счет заложников?

Джамал. Да. И еще... понимаешь, Эртолли, я чувствую какую-то обязанность перед ними. Из-за меня их могут расстрелять.

Эртолли. Рискованное дело ты задумал, Барзу. После нашей вылазки они, наверняка, утроили бдительность.

Джамал. Они утроили бдительность, а мы утроим хитрость. А?

Эртолли. Что – а?

Джамал. Разреши, Эртолли!

Эртолли. Что разрешить?

Джамал. Сам понимаешь что...

Эртолли. Не могу...

Джамал. А если я крепко попрошу. А?

Эртолли. Понимаешь, мы не имеем права рисковать. Не так уж нас много. В людей надо вселить веру... Неудача может расхолодить бойцов... и еще, я боюсь потерять тебя, Джамал.

Джамал. Понимаю. Но согласиться с тобой не могу. И вот почему. Во-первых, всего десять-двенадцать человек, во-вторых, любая операция всегда связана с риском. На то и война. В-третьих...

Эртолли. Что же в-третьих?

Джамал. Пословицу вспомнил: «Если ты вытащил из ножен свой кинжал и не поразил врага, то хотя бы в землю вонзи его». И потом, нам, как воздух, нужна большая победа! В отряде не все благополучно. Кое-кто сомневается...

Эртолли. Ты хочешь сказать...

Джамал. Кинжал обнажен, Эртолли.

Эртолли. Кинжал... Бог даст, живым останусь, обязательно напишу о своем коллеге с обнаженным кинжалом в руке.

Входит Винчи.

Винчи. Эртолли, связь с отрядом имени Гаррибальди восстановлена. На проводе – командир отряда.

Эртолли. Иду! (*Уходит вместе с Винчи*.) Уговорил ты меня, Джамал.

Джамал (*вслед*). Ай, баркалла, Эртолли! Жарко будет! Как будет жарко!

В наплыве Мать.

Мать. Жив, сын мой?

Джамал. Жив.

Мать. Почему не подаешь голоса?

Джамал. Я очень далеко. До тебя не дойдут мои письма'. Как ты живешь?

Мать. Молитвами о тебе, сын мой! Ты обещал вернуться с победой.

Джамал. Я вернусь к тебе с победой. Только с победой!

Мать. Когда?

Джамал. Скоро. Очень скоро.

Мать. Не утешай меня. Я все понимаю. Сколько раз я посылаю проклятья тем, кто заставил людей убивать друг друга.

Джамал. Если бы от проклятий умирали... Мать...не было бы нужды в оружии. Ты это хочешь сказать?

Джамал. Это.

Мать. Да будет всегда остер твой кинжал, сын мой!

Джамал. Клянусь держать его острым. Мать. Я жду тебя, мой мальчик!

Джамал. Завтра я иду в бой.

Мать. Ты никогда не был труслив. Да будет славен твой день возвращения с битвы.

Джамал. Спасибо. Что нового у нас в ауле?

Мать. Черные письма приходят в аул почти каждый день. Веселые песни сменились причитаниями жен и матерей.

Джамал. Как ты там без меня управляешься по хозяйству?

Мать. Когда ты был дома, мне казалось, что дни мои сочтены, пора в могилу. А сейчас... Сейчас... боже мой! Откуда только берутся силы! И огород наш полон овощей, и корова доится, только садиться за стол без тебя не хочется. Я связала теплые носки и перчатки. Но где найти тебя, сын мой?

Джамал. Пошли их на фронт, мама.

Мать. Адрес! Адрес какой?

Занавес

Картина седьмая

Комендатура в Бергамо. Кабинет. Сарти и Луиза.

Сарти. Долго мы будем упираться, тетушка Луиза?

Луиза. Зачем повторять, Сарти?

Сарти. Ох, и тяжело мне с тобой!

Луиза. А мне и без тебя тошно.

Сарти. Послушай, тетка Луиза. Если ты скажешь, где Беатриче, ты сегодня же со своим стариком вернешься домой.

Луиза. Бессердечный ты человек, Сарти. У меня сын... единственное солнышко мое закатилось, а ты четвертый день держишь нас в этих вонючих казематах. За что? Я спрашиваю тебя, за что?

Сарти. Я не сказал тебе ни одного грубого слова. Более того, я сочувствую вам. И я вовсе не виноват, что по долгу службы вынужден вести расследование. С меня тоже требуют. Понимаешь? Требуют!

Луиза. Понимаю, Сарти.

Сарти. Итак, где Беатриче?

Луиза. Ты был неравнодушен к ней, Сарти.

Сарти. Тетка Луиза, не говори глупостей! Может быть, я хочу уберечь ее от неприятностей.

Луиза. Если я скажу, где Беатриче, ты прикажешь освободить нас?

Сарти. Слово мужчины!

Луиза. Так вот: я не знаю, где сейчас моя племянница. Не знаю. И знать не хочу! Пресвятая мадонна, помоги мне убедить господина коменданта в том, что я не знаю, в каком притоне скрывается эта блудная девчонка!

Сарти. Ну, хорошо. Допустим, ты действительно не знаешь.

Луиза. Зачем допускать, когда это действительно так. О Сарти, ты всерьез решил свести меня в могилу раньше срока?

Сарти. Кто этот мужчина, которого привела в твой дом Беатриче в тот вечер?

Луиза. В какой вечер, Сарти?

Сарти. В тот вечер, когда партизаны освободили русского в районе вокзала.

Луиза. Никаких мужчин Беатриче ко мне не приводила. Сарти. Ты лжешь, тетка Луиза! Лжешь!

Луиза. Я говорю правду, Сарти.

Сарти. Нет, ты лжешь!

Луиза. Не кричи на меня! После гибели моего Тонино мне не страшна даже виселица! Ну, ну, зачем ты мучишь меня, Сарти? Зачем? Ведь я даже не успела поставить свечку и помолиться за моего бедного мальчика. Бог не простит мне этого. Я знаю, что ты добрый человек, Сарти. Много лет служишь в Бергамо. Мы довольны тобой. А они должны уйти. Из-за них гибнут наши дети. Не слушайся их, Сарти.

Сарти. Тетка Луиза!

Луиза. Я ничего не боюсь, Сарти. Не слушайся их. Ты – итальянец и я итальянка, и Беатриче... Отпусти меня, Сарти. В церковь отпусти, свечу поставить, за сына помолиться.

Сарти. Где Беатриче?

Луиза. Свечу поставлю, помолюсь и вернусь к тебе. Клянусь прахом сына, вернусь! Отпусти в церковь.

Сарти (*не сразу*). Ну, ну, хорошо. Только быстро.

Луиза. Сарти!

Сарти. Скорей, пока не передумал!

Луиза. Я быстро... очень быстро, Сарти! Я всегда говорила, что ты добрый... (*Собирается уходить*.)

Сарти. Куда?

Луиза. В церковь.

Сарти. Без пропуска тебя не выпустят. (*Подписывает пропуск, передает Луизе*.)

Луиза. И что я должна с ним делать?

Сарти. Отдашь дежурному внизу.

Луиза. И он меня пропустит? (*Сарти кивает, Луиза уходит*.)

Сарти. Ты – итальянец, Сарти. И я итальянка, и Беатриче...

Входит Шмуцке.

Господин майор?!

Шмуцке (*раздраженно*). Здрасте! Еще мгновение, и вам пришлось бы отвечать за мою голову своей головой.

Сарти. Что случилось, господин майор?

Шмуцке. Ничего особенного. Мне представилась отличная возможность совершить экскурс на тот свет. У второго туннеля они устроили обвал. Но я успел проскочить на какую-то долю секунды раньше. Вы, итальянцы, удивительный народ. Воюете друг против друга, со своими союзниками, тогда как на Восточном фронте бьете все рекорды в беге на длинные дистанции в западном направлении.

Сарти. Мы следуем за своими союзниками, господин майор.

Шмуцке. Что вы сказали?

Сарти. Я говорю – очень сожалею по поводу обвала.

Шмуцке. Благодарю вас. Но вы сказали не это. Я всегда за демократические начала, а поэтому вы можете безбоязненно полемизировать со мной по любому вопросу. Мне почему-то казалось, что итальянцы способны только на два подвига: петь и готовить макароны. Оказывается... впрочем... впрочем, вряд ли ваши бунтовщики смогли бы что-либо сделать, не будь у них русских офицеров, бежавших из концлагерей.

Сарти. У итальянцев был Спартак, господин майор. А позже Гаррибальди.

Шмуцке. А сегодня Муссолини! Моему земляку Скорценни пришлось изрядно потрудиться, чтобы спасти его от публичной виселицы. Что вы на это ответите, мой дорогой оппонент?

Сарти. Вы правы, господин майор.

Шмуцке. У вас есть что-нибудь выпить?

Сарти. Вам какой – сырой или кипяченой?

Шмуцке. Поразительная непосредственность! Предлагать гостю воду... Впрочем, гость – не то слово. Я получил приказ. Отныне военная власть в Бергамо переходит к немецкому командованию, а местная полиция под мое личное начальство. (*Вытаскивает приказ*.) Не угодно ли ознакомиться?

Сарти. Благодарю. (*Ставит на стол коньяк*.) Разрешите удалиться?

Шмуцке. Куда?

Сарти. Петь песни и готовить макароны.

Шмуцке. Вы злой на язык, мой дорогой предшественник. Но я ценю людей с юмором и никак не могу воздать должное вашему национальному блюду. Но это

уже из области гурманства. Мне кажется, мы сработаемся. Вам удалось получить сведения об этой связной?

Сарти. Никак нет.

Шмуцке. Как можно было допустить, чтобы эта девчонка мела доступ в офицерский клуб! Ни один офицер к тому же не может похвастаться тем, что ему удалось переспать с ней. А это – явное свидетельство того, что она не та, за которую себя выдавала.

Сарти. Господин комендант отрицает целомудрие?

Шмуцке. Не отрицаю, если дело касается моей дочери. И потом, я слишком хорошо знаю итальянок.

Сарти. Господин комендант! Я – итальянец, господин комендант!

Шмуцке. Это ничего не меняет. Итальянки есть итальянки.

Сарти. Итальянки составляют половину нации. Вы оскорбляете всю Италию, господин комендант.

Шмуцке. Возможно. Но я – солдат и потому прямолинеен.

Сарти. Господин комендант, скажите, вы верите в победу Великой Германии? Инициатива у русских.

Шмуцке. В военную победу не верю. Я верю в другое – в торжество идей национал-социализма. Окончится война, пройдут годы, и если мы с вами уцелеем, то станем свидетелями рождения и, если хотите, становления идей фюрера. Фюрер бессмертен, ибо бессмертно его дело. Вот за это будущее я дерусь сегодня.

Сарти. А вы заявляете, что вы – солдат.

Шмуцке. Да, этого я не отрицаю. Солдат сегодня, и дважды, трижды солдат – завтра. Но мы несколько отвлеклись. Старик продолжает молчать?

Сарти. Так точно.

Шмуцке. А старуха?

Сарти. Она ничего не знает.

Шмуцке. Вы уверены в этом?

Сарти. Так точно, уверен. Думаю, что мы их зря арестовали.

Шмуцке. Не говорите это при других. У вас могут быть неприятности. Приведите ко мне старуху.

Сарти. Я освободил ее.

Шмуцке. Освободили?

Сарти. Она сейчас в церкви. У нее на Восточном фронте погиб единственный сын.

Шмуцке. М-да... печально, конечно... Но что поделаешь, война... Надеюсь, старика вы не освободили?

Сарти. Он здесь.

Шмуцке. Давайте его сюда.

Сарти. Слушаюсь.

Шмуцке. Одну минуту. Вывесите на самых видных местах за моей подписью объявление. Пообещайте большое денежное вознаграждение каждому, кто выдаст военным властям партизана. Миллион – за голову их главаря Эртолли и, столько же – за голову его советчика по кличке Барзу. Сделайте так, чтобы эту листовку прочли и партизаны.

Сарти. Слушаюсь, господин майор!

Шмуцке. Господин комендант, Сарти!

Сарти. Виноват, господин комендант.

Шмуцке. Постойте. Немедленно усилить патрулирование всех дорог, ведущих в Бергамо.

Сарти. Слушаюсь, господин комендант. (*Собирается уходить*.)

Шмуцке. Я еще не все сказал! (*Сарти останавливается*.) Ваша комендатура напоминает мне бульвар, по которому дозволено разгуливать кому угодно. Удвоить охрану комендатуры и улиц, ведущих к ней.

Сарти. Слушаюсь, господин комендант.

Шмуцке. И последнее. Расстреляйте ночью половину заложников.

Сарти. Расстрелять?

Шмуцке. Чему вы удивляетесь? На то они и заложники, чтобы их расстреливали.

Сарти. Я должен расстрелять?

Шмуцке. Вы что, никогда не расстреливали?

Сарти. Никогда...

Шмуцке. У вас отличнейшая возможность восполнить этот пробел в своей биографии.

Сарти. Господин комендант, я этого не смогу сделать.

Шмуцке. Прекратите ваши сентименты! Это – приказ, а не приглашение к праздничному столу! Ночью половина заложников должна быть расстреляна.

Сарти. Я должен стрелять... Я буду стрелять...

Шмуцке. Идите за стариком.

Сарти уходит.

Как я опростоволосился! Поверил этому дикому горцу, а он при первой же возможности сбежал в горы. Стареешь ты, Шмуцке. Мягким становишься. А рановато. Впрочем... Игра окончена. Пора перевести свое состояние в Швейцарский банк. А может, в Испанский? Понадежней...

Сарти вводит Кару и тут же уходит.

А, старый часовщик! Проходи вот сюда. Садись. Вот так.

Кара садится.

Понимаю. Все понимаю. Позволь мне от имени немецкого командования выразить глубокое соболезнование тебе и твоей подруге жизни. Потерять на старости лет единственного сына... Да! Кажется, ты ремонтировал мои часы? (*Кара кивает*.) Молодец! Идут лучше новых. Кстати, я забыл заплатить тебе за ремонт. (*Протягивает деньги*.) Бери, бери! Каждый труд должен быть вознагражден. (*Кладет деньги на колени Кары*.) Насколько мне известно, ты родился в России?

Кара. В Дагестане.

Шмуцке. Я понимаю. Как сказал поэт – гордый сын Кавказа! Что побудило тебя бросить родной дом и поселиться в Италии?

Кара. Нужда заставила.

Шмуцке. Какое страшное слово – нужда! А мне думалось, что бросил ты Родину по политическим соображениям. Так сказать, не согласен с Советской властью.

Кара. Я не знаю, что такое Советская власть. В Италии я с десятого года.

Шмуцке. С десятого?

Кара. С десятого.

Шмуцке. И с тех пор не имеешь никаких связей с Родиной?

Кара. Никаких, господин майор.

Шмуцке. И тебе не приходилось встречаться с земляками?

Кара. Не приходилось.

Шмуцке. Не нужно спешить, старик. Подумай хорошенько, прежде чем ответить па мой вопрос.

Кара. Никакого земляка я не знаю.

Шмуцке. А я утверждаю, что знаешь. Его привела к тебе Беатриче. Зачем он пришел именно к тебе, а не к другому?

Кара. Ко мне, господин майор, никто не приходил.

Шмуцке. А-я-яй! Старый человек, а говоришь неправду.

Кара. Ко мне никто не приходил, господин майор.

Шмуцке. Удивительно! Ты утверждаешь, что никто к тебе не приходил, а жена твоя призналась, что был у тебя твой земляк и что зовут его Барзу.

Кара. Барзу?

Шмуцке. Да, Барзу.

Кара. Это неправда, господин майор, Луиза... Луиза...

Шмуцке. Что – Луиза? Ну, что – Луиза?

Кара. Луиза вам ничего не сказала.

Шмуцке. Ты уверен в этом?

Кара. Луиза вам ничего не сказала.

Шмуцке. В таком случае, откуда мне известно его имя?

Кара. Не знаю, откуда.

Шмуцке. Знаешь!

Кара. Ко мне никто не приходил.

Шмуцке. Послушай, ты, старик...

Кара. Я ничего не хочу слушать! (*Кидает на стол деньги*.) Оставьте меня в покое!

Шмуцке (*ударом рукояти пистолета сваливает Кару*). Баран паршивый! Разыгрываешь из себя простака! «Оставьте меня в покое!» Не будет тебе покоя, пока не поможешь мне выловить земляка твоего! Где Барзу? Ты поведешь меня к нему!

Кара. Не поведу.

Шмуцке. Ну, это мы еще посмотрим.

Кара. Посмотрим.

Шмуцке. Ну что ж, сегодня же ты будешь повешен на городской площади вместе со своей поганой старухой!

Кара. Ваша воля, господин майор. (*Вытаскивает маленький коран*.) Это коран, господин майор. Много лет назад мне его на шею повесила моя мать. (*Кладет руку на коран.*) Пускай покарает меня справедливая рука Аллаха, если я связан с человеком по имени Барзу!

Шмуцке. Обязательно покарает. Но сперва тебе придется помочь мне встретиться с человеком по имени Барзу.

Кара. Я не знаю Барзу, господин майор.

Шмуцке. Возможно. Я даже допускаю мысль, что он случайно зашел в твой дом.

Кара. Он не заходил ко мне, господин...

Шмуцке. Хорошо. Пусть будет по-твоему. Но Барзу – твой земляк, тебе ничего не стоит установить с ним связь.

Кара. Связь?

Шмуцке. Да.

Кара. Зачем мне эта связь?

Шмуцке. Ты будешь сотрудничать с партизанами. Какие сведения они будут получать от тебя, это наша забота.

Кара. Шпионить предлагаете, господин майор?

Шмуцке. Глупости говоришь!

Кара. Мне, старику, который подумывает о смерти, шпионить?

Шмуцке. Дурак! Да будет тебе известно, что мне самому противно слышать слово «шпион». Посвятить себя делу, ради, которого сражался и сложил свою голову твой сын, вот к чему я призываю тебя!

Кара. Нет!

Шмуцке. Знакомый ответ. Не советую спешить. Подумай хорошенько.

Кара. В последнее время я много думаю, господин майор. Хочу умереть на родине, в моем Дагестане. Тридцать три года я не видел родных гор, не слышал гула буйных рек, не ходил по тропам оленьим. Уж если мне не суждено умереть на родине, то пусть я умру здесь, но оставлю у жителей Бергамо добрую память о себе.

Шмуцке. Ты знаешь, о чем я сейчас думаю? Я думаю о том, что ты абсолютно прав. Точно так же поступил бы и я.

Кара. Спасибо, что поняли меня, господин майор.

Шмуцке. Ты хочешь оставить добрую память о себе?

Кара. Да, господин майор.

Шмуцке. Ну, что ж, жители Бергамо сохранят о тебе добрую память. И я с удовольствием присоединюсь к ним, если через два часа не получу твоего согласия.

Кара. Через два часа, господин майор, я скажу то же.

Шмуцке. Не думаю. Вам придется испытать на себе другие меры воздействия.

Кара. Вы будете меня пытать?

Шмуцке. У тебя есть выбор...

Кара. Я уже выбрал, господин майор. Пытать будете здесь или...

Входят Джамал, Винчи, Энрико в форме итальянских карабинеров, с автоматами в руках.

Джамал. Руки вверх!

Винчи. Хенде хох, иными словами!

Кара. Барзу?!

Джамал. Дядюшка Кара!

Энрико. Представление окончено.

Джамал. Господин Шмуцке! У меня нет времени на торжественное приветствие. Возьмите трубку.

Шмуцке. Это... это – шантаж! Это противоречит элементарным правилам ведения войны! Это – аморально!

Джамал. Возьмите трубку, моралист!

Шмуцке. Звонить в моем положении...

Джамал. Винчи! Помоги ему.

Винчи (*подносит телефонную трубку Шмуцке*). Битте, маин либе комендант.

Джамал. Распорядись освободить всех заложников.

Шмуцке. Это... это...

Винчи. Шнель, шнель! (*Приставил пистолет к голове Шмуцке*.) Моя бритва действует безотказно.

Шмуцке (*не сразу*). Алло! Лейтенант Краус! Освободите всех заложников... да, немедленно... я не намерен дважды повторять свой приказ! (*Положил трубку*.) Это аморально!

Джамал. Связать его! (*Винчи и Энрико связывают Шмуцке и затыкают рот тряпкой. Джамал обрезает телефонный провод*.) Энрико, останься здесь до особого распоряжения! Винчи, за мной. (*Уходит вместе с Винчи*.)

Энрико. Ну, поговорим дуэтом, что ли? (*Вынимает изо рта Шмуцке тряпку*.) Вам удобно?

Шмуцке. Развяжи мне руки, малыш!

Энрико (*поглядывая в окно*). Руки? Хе, хе! Вы хотите их помыть? Ах, да, разумеется, с чистыми руками умирать куда приятней, чем с грязными. Какие они у вас пухлые! Первый признак наступления падагры.

Шмуцке. Развяжи мне руки, и ты получишь много денег...

Энрико. Деньги? Где деньги?

Шмуцке. Развяжи мне руки, мальчик.

Энрико. Дудки! В сейфе, наверно! (*Снова затыкает рот Шмуцке, тот вертит головой. Энрико ударом рукояти пистолета лишает Шмуцке сознания, затем смотрит в окно и свистит.)* Немцы! Надо смываться! (*Пытается открыть сейф*.)

Входит пьяный Сарти.

Сарти. Что ты там ищешь, Энрико?

Энрико. Сарти? Однокашник! (*Направляет пистолет*.) Где лежат деньги?

Сарти. Какие деньги, Энрико?

Энрико. Где ключ от сейфа?

Сарти. Ты думаешь, там лежат деньги? Я открою тебе сейф, Энрико. (*Открывает сейф, вытаскивает скрипку*.) Вот все мое богатство. На что тебе деньги, Энрико? У тебя есть такое богатство!

Энрико. Какое еще богатство. (*Смотрит в окно*.)

Сарти. Беатриче – твое богатство, Энрико! Беги, Энрико. Через пять минут уже не выбраться. Не хочу, чтобы Беатриче осталась соломенной вдовой.

Энрико. Немцы уже здесь!

Сарти. Беги через двор.

Энрико убегает.

Господин комендант?! Кто это осмелился так невежливо с вами? (*Вытаскивает изо рта Шмуцке тряпку, тот приходит в себя.*)

Шмуцке. Развяжите меня!

Сарти. А вы на меня не кричите. Я вас не привязывал.

Шмуцке. Быстрей, говорю!

Сарти (*развязывая*). Ну и узлы! У меня где-то был нож. (*Ищет в карманах*.) Куда же я его задевал?

Шмуцке. Вы можете побыстрей, болван?

Сарти. Благодарю за комплимент, господин майор.

Шмуцке. Ищите как следует! Слышите?

Сарти. Слышу, господин комендант.

Шмуцке. На вас противно смотреть. Когда вы успели нализаться?

Сарти. Успел, стало быть. Взял да успел.

Шмуцке. Долго вы будете держать меня в идиотском положении?

Сарти. Недолго, господин комендант. Совсем недолго. Я уже нашел ножик. (*В руке у него нож*.)

Шмуцке. Скорей же!

Сарти перерезает веревки.

Идиот! Они тем временем успели скрыться! (*Берет телефонную трубку*.) Алло! Алло! Черт возьми! Кабель перерезан! (*Отталкивает Сарти*.) Не вертись под ногами! (*Идет к выходу*.)

Сарти. Стойте!

Шмуцке. Что такое?

Сарти. Куда вы спешите?

Шмуцке. Свинья! Иди проспись!

Сарти (*преградив дорогу*). Ты никуда не уйдешь!

Шмуцке. Прочь с дороги, поганый макаронник!

Сарти. И не подумаю! (*Наступает на Шмуцке*.) Ты не уйдешь отсюда. Это я тебе обещаю.

Шмуцке. Вы серьезно?

Сарти. Как никогда.

Шмуцке. Сарти! Что с вами, Сарти? Опомнитесь, Сарти! (*Улучив момент, выхватывает у Сарти нож и наносит ему удар в грудь. Сарти падает*). Ну, вот, благоразумие восторжествовало. (*Идет к выходу, но Сарти вытаскивает пистолет и стреляет.*)

Сарти. Полностью восторжествовало, господин комендант!

Шмуцке. Партизан? (*наступает на Сарти, но тот стреляет еще раз. Шмуцке падает.*)

Сарти. Нет, господин трижды солдат завтра. Я никогда не был партизаном. Вы оскорбили Италию. Я же отомстил за нее.

Входит Луиза.

Луиза. Сарти?

Сарти. Я, тетушка Луиза.

Луиза. Что с тобой, Сарти?

Сарти. Ничего страшного. Вот только дырка в груди.

Луиза. Ты ранен? Пресвятая мадонна! (*Пытается перевязать рану платком.*) Тебе надо в больницу!

Сарти. Ты сдержала слово, тетушка Луиза. Пришла... Луиза (*увидев лежащего Шмуцке*). Боже мой! Сарти. Уходи, тетушка Луиза! Немедленно уходи!

Луиза. Я побегу за доктором!

Сарти. Слушай мой приказ, тетушка Луиза: беги немедленно из Бергамо. Тебя схватят и повесят.

Луиза. А тебя?

Сарти. Скажи Беатриче, что это я писал ей о грозящей опасности. Она у вас очень... очень... хорошая... (*Умирает.*)

Занавес

Картина восьмая

Лагерь партизан. Беатриче перевязывает Джамалу голову.
Энрико со стороны наблюдает.

Беатриче. Больно?

Джамал. Да ну! Царапина...

Беатриче. Хорошая царапина! Шрам на всю жизнь.

Джамал. Думаешь, девушки любить не будут?

Беатриче. Все шутишь... Проклятая бомбежка!

Джамал. Беатриче?

Беатриче. Что тебе?

Джамал. Спросить тебя хочется.

Беатриче. Спрашивай.

Джамал. За что ты любишь Энрико?

Беатриче. Энрико? А ты знаешь, я ждала от тебя этого вопроса. Из-за него, дурака, тебя ранило. Не накрой ты его своим телом, пропал бы мой Энрико.

Джамал. За что же ты любишь его?

Беатриче. А ты хочешь, чтобы я не любила его, да?

Джамал. Извини... не надо отвечать на мой вопрос.

Беатриче. Нет, почему же... я отвечу. Понимаешь, Энрико такой парень, у которого все хорошее где-то там, глубоко. У него есть все, чтобы стать настоящим мужчиной. К тому же он красив, чудесно поет. Полюбить настоящего мужчину – дело немудреное. Скажи, Барзу, как себя вел Энрико, когда вы проникали в комендатуру?

Джамал. А ты его спроси.

Беатриче. Энрико любит хвалиться. Не нужно больше говорить о нем. Я сама... во всем разберусь. (*Уходит*.)

Энрико. Барзу?

Джамал. Да?!

Энрико. Мне нужно с тобой поговорить.

Джамал. Слушаю тебя, если нужно.

Энрико. Как мужчина с мужчиной...

Джамал. А как же еще говорить мужчинам?

Энрико. Я уважаю тебя, Барзу.

Джамал. Приятно слышать.

Энрико. Кончится война, ты вернешься в Россию, я останусь в Италии. Зачем ты морочишь голову Беатриче?

Джамал. Морочу голову?

Энрико. Не пытайся оправдываться, Барзу! Я все вижу и чувствую. Ты невзлюбил меня из-за Беатриче! Она говорит о тебе, как о святом человеке. Оставь ее в покое, Барзу. Я могу натворить...

Джамал. У нас в народе говорят: «Если посеять колючку, вырастет колючка; если посеять болезнь, вырастет болезнь». Не надо ничего сеять худого, Энрико.

Энрико уходит, выходит Кара.

Дядюшка Кара!

Кара. Луиза... Что с Луизой будет?

Джамал. Да что ты, дядюшка Кара! Не тронут тетушку Луизу. Вот увидишь, не тронут.

Кара. Ты думаешь?

Джамал. Уверен! Наверно, она сидит дома и думает: Куда же мой часовщик запропастился? Кончится война – втроем в Дагестан поедем. Поедем, дядюшка Кара?

Кара. Там сейчас снега по колено...

Джамал. По колено...

Кара. Помню, в эту пору мы на волка ходили. Я тогда хорошо стрелял. Отару Хаджи-Алила сторожил. Умер, наверно, Хаджи-Алил?

Джамал. Давно умер.

Кара. А добро кому досталось? Бесплодный он был, без детей жил.

Джамал. Добро колхозу перешло.

Кара. А кто такой – колхоз?

Джамал. Долго рассказывать, дядюшка Кара. Кончится война, приедешь, все своими глазами увидишь.

Кара. Легко сказать – приедешь. А пустят меня на родину большевики ваши?

Джамал. Пустят?

Кара. Ты так говоришь, будто от тебя все и зависит.

Джамал. Уверен, дядюшка Кара. Уверен.

Кара. Джамал!

Джамал. Да.

Кара. Помоги мне умереть в родном Кумухе.

Джамал. Умереть в Кумухе?

Кара. Помоги, Джамал.

Джамал. Не помогу.

Кара. Зачем же тогда ты зовешь меня на родину?

Джамал. Не умирать зову. Жить зову, дядюшка Кара. Жить!

Кара. Жить...

Джамал. Дай только с фашистами разделаться.

Кара. Жить на родине! Правильно говорят: «Лучше быть бедняком в родном ауле, чем в Каире царем».

Занавес

Картина девятая

Декорация предыдущей картины. Винчи, Энрико, Джамал, Беатриче и другие. Гул самолета, разрывы бомб, вспышки.

Энрико. Опять пикирует, сволочь!

Джамал. Ложись.

Разрывы бомб.

Энрико. Ушел.

Винчи. Отбомбился. Они разбили всю мою надежду! (*Показывает разбитую коробку*.)

Энрико. Хотел бы я знать – долго они будут терзать наши души?

Винчи. Моральная обработка.

Энрико. Ничего себе обработка. После такой обработки немудрено и без головы остаться.

Джамал. Что, страшновато?

Энрико. Серенаду не запоешь.

Джамал. А ты запой, Энрико.

Энрико. Хм, запой. У меня зубы скрипят. (*Плюется*.)

Джамал. Отчего?

Энрико. От грязи.

Джамал. Э, друг мой любезный, на фронте не только зубы скрипят. Все скрипит. Все!

Энрико. С меня достаточно и зубов.

Джамал. А вот дядюшке Каре не страшно.

Энрико. Конечно! Ему терять нечего. Он свое взял.

Беатриче. Тихо! Старик услышит.

Кара. Не беспокойся, племянница. Я все слышал. Говорят, старость – это смерть. Но говорят еще, что и в шестьдесят лет можно учиться играть на кумузе. Музыкальный инструмент такой на Кавказе. Как в Италии мандолина. Только я хочу сказать по-другому. И в шестьдесят лет можно стрелять. Дай мне винтовку, Барзу.

Джамал. Ты получишь ее, дядюшка Кара. Эта винтовка нашего французского друга Мишеля. Он погиб в недавнем бою с карабинерами. Где винтовка Мишеля?

Винчи. Разрешите принести?

Джамал. Принеси, Винчи.

Винчи уходит.

Энрико. Они разнюхали расположение нашего лагеря. Нам надо уходить отсюда, Барзу.

Джамал. Куда уходить, Энрико?

Энрико. Вглубь гор.

Джамал. С кем ты там собираешься драться, Энрико? С шакалами? С дикими оленями?

Энрико. Но ведь здесь опасно!

Кара. Позволь спросить, молодой человек, а где сейчас не опасно? И вообще, что нам делать там, где не опасно?

Беатриче. Не слушайте его! Это после первой же бомбежки. Не стыдно тебе, Энрико?!

Входит Винчи с винтовкой и передает ее Каре.

Старый человек просит дать ему винтовку, а ты...

Энрико. Что – я? Пусть никто не вздумает называть меня трусом, Барзу.

Джамал. Что, Энрико?

Энрико. Скажи, Барзу, я выполнял все твои приказы во время операций?

Джамал. Выполнял.

Энрико. Кто связал майора Шмуцке и заткнул ему рог масляной тряпкой? Я!

Джамал. Мы, Энрико. Мы, ты, Винчи...

Входит Эртолли.

Эртолли. О чем спор?

Джамал. Энрико предлагает уйти вглубь гор. Скажи, Энрико, сколько было людей в отряде месяц тому назад?

Энрико. Ну, около ста человек.

Джамал. А сколько сейчас?

Энрико. Ну, вдвое, что ли, больше...

Джамал. А завтра сколько будет?

Энрико. Завтра может ни одного не остаться.

Джамал. Завтра будет больше, чем сегодня. К нам идет народ.

Винчи. Да что его убеждать, Барзу! Не видишь разве Энрико слегка контужен. (*Смех*.)

Кара. Отец мой любил говорить нам: «Богатырь узнается, когда наступает тяжелое время».

Эртолли. К сожалению, это говорит не только Энрико. Перевяжи-ка мне руку, Беатриче.

Беатриче. Вы ранены?

Эртолли. Осколком задело.

Беатриче перевязывает рану.

Так вот, я и говорю, – подобные настроения наблюдаются и у других наших бойцов. Мне думается, не лучше ли сразу определиться? Кто хочет оставить отряд? Удерживать и наказывать не буду.

Пауза.

Нет желающих?

Голоса. Нет.

- Какой может быть разговор?!

- Для чего мы пришли в горы, Эртолли?

Эртолли. Нет желающих? А ты, Энрико?

Энрико. Я?

Беатриче. Он не это хотел сказать, Эртолли! Правда, Энрико? Ты и не думал оставить отряд?

Эртолли. Невеста в роли адвоката своего жениха. Я тебя спрашиваю, Энрико.

Энрико. Мне и в голову не приходила мысль...

Беатриче. Конечно!

Эртолли. Значит, нет желающих оставить отряд? В таком случае будем считать, что никто ничего не сказал, никто ничего не слышал.

Беатриче (*радостно*). Конечно, конечно! (*Перевязала рану*.)

Эртолли. Спасибо, Беатриче. О, я вижу и старик наш вооружился.

Кара. Когда на Бергамо пойдем, Эртолли?

Эртолли. С часу на час ждем два отряда из района Турина. Тогда и ударим. (*Джамалу*.) Старуху свою спешит увидеть.

Джамал. Скучает... беспокоится.

Эртолли. Повесили ее... прямо на городской площади...

Джамал. Повесили?

Эртолли. Да. Пока это между нами. Боевая тревога!

Все разбегаются. Минуту сцена пуста. С неба сыплются листовки. Выбегает Винчи, подбирает листовки.

Винчи. Э, да это та же листовка.

Входит Энрико.

Энрико. А ну, дай-ка ее сюда.

Винчи. Возьми и подбери. Вон их сколько.

Энрико (*подобрал листовку*). Командование немецкой армии, находящееся на территории дружественной Италии...

Винчи. О, смотрите, на соединение с нами идет отряд имени Гаррибальди. Идем, Энрико!

Все уходят, кроме Энрико и Беатриче.

Беатриче. Ты что стоишь?

Энрико. Погоди, Беатриче.

Беатриче. Пошли встречать гаррибальдийцев.

Энрико. Не уходи.

Беатриче. Что с тобой? Побледнел сразу. Ты болен?

Энрико. Нет, здоров. Мне надо поговорить с тобой.

Беатриче. Успеем наговориться. Смотри, весь отряд встречает гаррибальдийцев!

Энрико. Встретят и без нас (*удерживает Беатриче за руку*).

Беатриче. О чем же мы будем говорить?

Энрико. Ночью мы идем на Бергамо.

Беатриче. Это же здорово, Энрико! Освободим наш город...

Энрико. Беатриче, ты... ты любишь меня?

Беатриче. А что?

Энрико. Ты не ответила мне. Ты любишь меня, Беатриче?

Беатриче. Да, Энрико.

Энрико. Пойдешь со мной куда угодно?

Беатриче. Пойду.

Энрико. Тогда слушай. Война, судя по всему, скоро окончится.

Беатриче. Ну?

Энрико. Понимаешь, чем ближе мир, тем страшней мне становится.

Беатриче. Почему?

Энрико. Обидно получить пулю в последние дни всей этой канители. У меня такое предчувствие, что сегодня ночью...

Беатриче. Что – сегодня ночью?

Энрико. Сегодня ночью я погибну у Бергамо.

Беатриче. Погибнешь?

Энрико. Собственно, это может случиться с каждым. Но мне нет дела до других. Я хочу, чтобы мы с тобой дожили до первого мирного дня.

Беатриче. И что для этого надо, Энрико?

Энрико. Я не пойду на Бергамо.

Беатриче. Не пойдешь?

Энрико. Не пойду.

Беатриче. А я?

Энрико. А ты тоже. Мы не пойдем... Ты останешься со мной. Мы переберемся на юг. Там уже – американцы. Мы будем в безопасности. Поженимся. Я буду учиться пению. У меня большое будущее, и я не хочу умирать сейчас, когда дело идет к концу.

Беатриче. Ты... ты серьезно, Энрико?

Энрико. Какие могут быть шутки! В Бергамо – целый батальон немцев. Мы погибнем, если пойдем туда. Беатриче. Ты хочешь петь! Энрико. Я знал, что ты поймешь меня.

Беатриче. Я поняла тебя, Энрико. Я хорошо поняла тебя.

Энрико (*целуя Беатриче*). Радость моя! Хорошая! Мы должны поторопиться. Эртолли сейчас не до нас. Как только стемнеет, мы поднимемся в горы. Эртолли не станет из-за нас откладывать операцию. Потом мы повернем на юг.

Беатриче. А на какие деньги мы будем жить, Энрико? У нас с тобой ни гроша. Быть может, воспользоваться обещанием немецкого командования?

Энрико. Ты шутишь?

Беатриче. Выдать Эртолли или Барзу для меня – раз плюнуть. А?..

Энрико. Что? Как ты могла подумать так обо мне, Беатриче? Предателем я никогда не был...

Беатриче. Но собираешься стать им...

Энрико. Неправда!

Беатриче. Ты – итальянец! За твою землю дерутся и умирают русские, французы, чехи, а ты – в горы, к американцам!

Энрико. Прекрати, Беатриче!

Беатриче. Когда ты дезертировал из армии, я назвала тебя героем, Энрико. Когда ты пришел в отряд, я назвала тебя молодцом. Тебя стоило полюбить хотя бы за это.

Энрико. Ты уже не любишь?

Беатриче. Кого? Труса? Ах, да. Я, конечно, не права! Твой голос нужно сохранить для человечества.

Энрико. А хотя бы и так!

Беатриче. И ты после этого сможешь петь? Отвечай! Сможешь петь после этого? Эртолли предложил всем колеблющимся уйти из отряда. Уходи, Энрико! Энрико. Но, Беатриче...

Беатриче. Здесь тебя могут убить!

Выходит Джамал со знаменем отряда.

Джамал. Беатриче, Энрико! Все там, а вы здесь...

Беатриче. Барзу?

Джамал. Что?

Беатриче. Энрико говорит... говорит Энрико...

Джамал. Так что же говорит Энрико? Может быть, сам Энрико скажет?

Беатриче. Нет, я скажу! Энрико сказал, что ему не терпится идти на Бергамо. (*Передает Энрико знамя*.) Я так поняла тебя, Энрико!

Занавес

Картина десятая

Подступ к Бергамо. Отряд Эртолли занимает исходные позиции. Вечер. Энрико со знаменем отряда.

Джамал. Осталось совсем немного.

Эртолли. Чуть больше десяти минут, Барзу!

Джамал. Да.

Эртолли. Мой последний приказ. Убьют меня – командование отрядом примешь ты.

Джамал. Не приму.

Эртолли. Как то-есть, не примешь?

Джамал. Тебя не убьют, Эртолли. Живым останешься.

Эртолли. Тем не менее это приказ.

Джамал. Понимаю, Эртолли.

Эртолли. Почему гаррибальдийцы не начинают?

Ракетный сигнал.

Джамал. О! Сейчас начнут!

Слышится, ружейная и пулеметная стрельба.

Кара. Ну, начался базар. Почему мы не идем на Бергамо, Эртолли?

Эртолли. Рано!

Джамал. Похоже, гаррибальдийцы уже ворвались в город.

Ракетный сигнал.

Эртолли. Она! Зеленая ракета! (*Джамалу*.) Жди моего сигнала. Первый фланг, слушай мою команду! За свободную Италию вперед, на Бергамо! (*Убегает с частью бойцов*.)

Кара. Джамал!

Джамал. Что?

Стрельба усиливается.

Кара. А мы когда?

Джамал. Всему свое время.

Вбегает Винчи.

Винчи. Немцы отбили атаку гаррибальдийцев! Их командир запросил помощь!

Джамал. Странно! Не вижу желтой ракеты.

Винчи. У них испортилась ракетница.

Джамал. Сними бойцов слевого фронта. Командование возьмешь на себя.

Винчи. Слушаюсь! (*Убегает*.)

Стрельба усиливается.

Энрико. О-ля-ля! Настоящая преисподня! (*Слышится свист и разрывы мин*.) Это уже нечестно! У нас минометов нет, а они нас минами!

Вбегает Беатриче.

Беатриче. Барзу! Винчи запросил помощь! Много убитых и раненых.

Джамал. Энрико!

Энрико. Я Энрико!

Джамал. Возьми два десятка бойцов и бегом на соединение с Винчи!

Энрико. А более неудачную кандидатуру ты не мог выбрать?

Беатриче. Энрико!
Джамал. Выполняй приказ!

Энрико. Нет, делайте со мной, что хотите, а туда я не пойду!

Джамал. Я не намерен повторять приказ, Энрико.

Энрико. А ты не повторяй. Не повторяй. Насколько я помню, Эртолли обещал отпустить с богом того, кто пожелает оставить отряд. Вот я и воспользуюсь обещанием командира. И не вздумайте меня останавливать.

Джамал. Энрико!

Энрико. Не подходи! Иначе я за себя не ручаюсь!

Беатриче стреляет в Энрико, тот падает.

Кара. Мужественные в поход собрались, а трусливый на базар. (*Целует Беатриче.*)

Беатриче. На Бергамо, Барзу! На Бергамо!

Вбегает боец.

Боец. Барзу!

Джамал. Я!

Боец. Наши... на... (*Падает*.)

Джамал. Он ранен, Марио! Марио!

Боец. Они... они...

Джамал. Кто они? Кто? Боец. Эртолли...

Джамал. Что с Эртолли? Марио?

Боец. Убили Эртолли!

Джамал. Ты сам его видел?

Боец. Убитого видал. Они прошили ему грудь автоматной очередью.

Джамал (*подняв знамя*). Отряд! Слушай мою команду! За свободу и независимость наших стран, за погибших друзей и товарищей, за нашего командира, Эртолли, за мир на земле – вперед!

Занавес

Эпилог

В наплыве Джамал.

Джамал. Ну! Чего медлите? Стреляйте, сволочи! (*Вытаскивает гранату, но в это время раздается автоматная очередь. Пошатнувшись, продолжает стоять, держась одной рукой за ветку дерева*.)

В наплыве, на вершине горы, – Мать.

Мать. Тебе больно, сын мой?
Джамал. Мама?!
Мать. Больно тебе?
Джамал. Нет, не больно.
Мать. А мне почему-то сразу стало больно. Я только что рассматривала твои фотографии. Помнишь карточку, ты снят со своими учениками?
Джамал. Помню.
Мать. Ты сидишь посередине и улыбаешься.
Джамал. А рядом со мной, слева, Эльдар с надутыми щеками.
Мать. Он ждет тебя, твой любимый ученик. Что передать ему, мальчик мой?
Джамал. Что передать? Что передать...
Мать. Джамал! Почему ты замолчал? Джамал!.. Убили?! Убили!!!

Музыка.

Убили мальчика моего! За что убили? За что? Я мечтала подержать на своих руках внучат, а пережила тебя, мой мальчик! Люди, неужели вам так нужно слышать плач матерей, видеть сирот и молодых вдов? Почему же вы стреляете друг в друга? Почему? Разве мать позволяет вам стрелять? Если бы все оружие земли было в моих руках! Я бы держала его за семью замками, потому что – как это несправедливо – хоронить своих детей.

Занавес.

Гарольд Бодыкин,
Светлана Челка

"АХТУНГ, АХТУНГ! В НЕБЕ СУЛТАН!" ПЬЕСА В 2-Х ДЕЙСТВИЯХ

70-летию Великой Победы посвящается

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Амет-Хан Султан, летчик
Джаннет-Бика, его прапрабабушка
Фаина, его жена
Фигура, собирательный образ
Комполка
Майор НКВД
Официант, бывший летчик
Солдат
Полковник
Барон
Голоса (звукозапись).

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Эпизод первый

Совершенно пустая сцена, только на переднем плане – пилотское кресло-вертушка. Задник – небо, оно играет важную роль в жизни летчика, его цвет меняется от бирюзового и голубого до багрово-красного, зловещего и страшного.

В пилотском кресле спит Амет-Хан Султан. Зазвучала музыка. На сцену, словно облака, выплывают невесты, в национальных костюмах. (*Дагестан, лакский национальный костюм. Количество исполнительниц зависит от возможностей театра – от одной до 12 девушек*.) В танец включается Амет-Хан Султан. Он бедно одет: в потрепанные рубашку и брюки, стоптанные парусиновые туфли, без головного убора. Весь диалог звучит в звукозаписи. Это сон Амет-Хана.

Амет-Хан. Ты станешь моей невестой?

Джаннет-Бика. Ты красивый и смелый юноша, но ты беден, а наш лакский род очень богат, наш род – княжеский, ему тысяча лет. Мы очень богаты, у нас табун лошадей...

Амет-Хан. Быть богатым – позорно... Я никогда не стану богатым. В моей стране все бедные, но добрые, честные, смелые и веселые.

Джаннет-Бика. Разве ты дервиш? Только дервиши гордятся своей бедностью. А кто ты такой, что гордишься своей бедностью, гордишься тем, что позорно? Как твое имя?

Амет-Хан. Мое имя – Амет-Хан Султан из крымской Алупки. Я родился в 1920 году, по национальности татарин, образование – 7 классов. И если твой отец не отдаст тебя в жены – я украду тебя и увезу в Крым. Сначала в Алупку, а там посмотрим. Будем хорошо работать – получим общежитие. «Молодым у нас везде дорога, старикам везде у нас почет...»

Джаннет-Бика. У тебя нет ни коня, ни ружья, даже хороших сапог нет. Ты не Султан, а босяк...

Амет-Хан. Я все это добуду трудом!

Национальная музыка переходит в «Марш энтузиастов». Пантомима. Амет-Хан выбирает в невесты Джаннет-Бика, но подруги ее стараются спрятать. Амет-Хан находит ее и выводит на авансцену, садится в пилотское кресло и вращает его вокруг оси, как это делают на медкомиссиях по отбору пилотов.

Амет-Хан. Ты молодец и можешь стать летчицей, это я тебе как доктор говорю. Заполним твою анкету. Откуда родом?

Джаннет-Бика. Из Дагестана... Из аула Цовкра... Там родился твой отец.

Амет-Хан. Он говорил мне об этом. Он будет очень рад, что ты, как и он, по национальности – лачка! Моя мама – крымская татарка. Ее зовут Насибе. Она полюбит тебя. Для невестки важно, чтобы свекровь полюбила.

Джаннет-Бика. Я никогда не стану твоей женой... Я родилась в 1820 году... Да, да. Ты не ослышался. Я родилась за сто лет до дня твоего рождения. Я – твоя прапрапрабабушка. Все прошедшие сто лет наш род ожидал рождения героя... героя нашего народа. И, наконец, ты появился.

Амет-Хан. Ты не ошиблась? Ты не путаешь меня с каким-то другим Амет-ханом?

Джаннет-Бика. Я знаю прошлое и будущее. Я – твоя прародительница Джаннет-Бика.

Амет-Хан. Так вот почему ты мне понравилась! Ты неплохо выглядишь на свои сто семнадцать лет. Прощай, пойду искать другую невесту.

Джаннет-Бика. Нет уж, праправнучек. Я пришла из небытия, и я от тебя так быстро не уйду. Я тебя буду сопровождать, невидимая для всех. Тысячи раз ты будешь подниматься в небо. Я и Смерть будем рядом с тобой, и я тысячи раз буду тебя спасать, чтобы не погиб преждевременно тот, кто должен стать героем моего народа...

Амет-Хан. А когда я погибну?

Джаннет-Бика. Все в своё время...

Амет-Хан. Могу ли я стать бессмертным?

Джаннет-Бика. Герой живет вечно, пока живет его народ. Теперь надо установить, определить какого народа ты герой? Твоими прапрабабушками были лачки, черкешенки, татарки. Какого народа ты станешь героем? Выбирай сам.

Амет-Хан. Советского... Принимаю присягу... перед лицом своих товарищей клянусь быть верным советскому народу...

Сон Амет-Хана начинает прерываться.

Джаннет-Бика (её *голос звучит как эхо в горах)*. Иди за мной, теперь ты — канатоходец, как твои предки... цирковые канатоходцы. Ахмет-Ханы из цирка «Алибаба и 40 наездников». Иди... И смотри только вперед, канатоходцы не оборачиваются назад.

Амет-Хан идет по канату (имитация номера. Звучит песня.)

Посмотрите, вот он без страховки идет,
Чуть правее наклон – упадет, пропадет!
Чуть левее наклон – всё равно не спасти!
Но должно быть ему очень нужно пройти
Четыре четверти пути!

Амет-Хан уже в пилотском кресле.

Джанет-Бика (трясет Амет-Хана за плечи). Подъем! Заснул в пилотском кресле? Понравилось? Через час парадное построение! *(Уходит.)*

Затемнение

Эпизод второй

Амет-Хан начинает быстро одевать военную гимнастерку, сапоги. Горланит песню: «Эх, хорошо в Стране Советской жить...» Стремительно входит

Фигура. Он одет в белый китель, на голове фуражка с квадратным козырьком и кокардой: крылышки со звездочкой. В руках бинокль.

Фигура (кричит). Вестовой! Позвать, ядрена вошь, курсанта Султана.

Вбегает Амет-Хан, отдает честь.

Амет-Хан. Курсант Качинской школы военных летчиков Амет-Хан Султан прибыл.

Фигура. Ядрена вошь! Сдай свою лётную книжку! Ты отчислен из состава школы, а твоя «персоналка» передается в Особый отдел округа. Там с тобой быстро разберутся! Ты как летел?!

Амет-Хан. Хорошо летел, без происшествий. В летной книжке записано: «Все маневры – отлично».

Фигура. По какому маршруту?! Ядрена вошь!

Амет-Хан. Кача, Инкерман, Дуванкой, Таш-Джарган, Приятное Свидание, Фонтаны, Ново-Романовка. Посадка в Симферополе, на Заводском аэродроме.

Фигура. Почему на двадцать седьмой минуте полета повернул в сторону Черного моря и Турции? Почему на бреющем прошел над Алупкой?

Пауза.

Амет-Хан. Хотелось дом родной увидеть... Отцу, матери, брату «взмахнуть серебряным крылом».

Фигура. Допускаю... А что ты сбросил из самолета над Алупкой?!

Амет-Хан. Письмо.

Фигура. Шифровку?! Кому?!

Амет-Хан. Моей однокласснице Гульджиан, комсомолке, парашютистке из аэроклуба...

Фигура (перебивая). А инспектор ВВС Красной Армии утверждает, что ты в пакете отправил японскому шпиону секретные данные!

Амет-Хан. Какую неправду сказал, шайтан!

Фигура. Легче на поворотах! Ты подписку давал?!

Амет-Хан. Давал.

Фигура. Вот и отвечай теперь по всей строгости советского закона.

Амет-Хан. Какие японцы в Крыму? Япония так далеко...

Фигура. Япония далеко, НКВД – близко, здание через дорогу. Сдай свою летную книжку. Не видать тебе, Амет, неба. Сам виноват. Теперь, как говорится, небо у тебя будет... *(Зацокал языком.)*

Амет-Хан. Как понимать?

Фигура. Сквозь тюремную решетку увидишь небо. Сам виноват. Ты в какой школе учился?

Амет-Хан. В Алупкинской крымскотатарской школе № 1. Закончил 7 классов.

Фигура. И все?

Амет-Хан. Еще Симферопольский аэроклуб. ФИГУРА. Маловато.

Амет-Хан. Еще Железнодорожное ФЗУ.

Фигура. Вот и возвращайся туда, на железную дорогу. Там с паровоза бросай, что хочешь! Инспектор ВВС, ядрена вошь, правильно отметил, что с таким именем... Султан!.. В Красной авиации позорно служить. Иди в пастухи! Пускай Султан баранов попасет, это, понимаешь, и будет классово-большевистский подход. Разумеется, если тебя, НКВД отпустит.

Амет-Хан. Я искуплю свою вину...

Фигура. У нас, понимаешь, сын великого вождя, Василий Сталин учился, и таких фортелей не позволял себе, а тут, какой-то хан-султан вытворяет в небе парадоксы! Ядрена вошь.

Амет-Хан. Что мне сделать, какой подвиг совершить, чтобы меня простили?

Фигура (подумав). Дать честное комсомольское, что будешь сначала думать, а потом делать. Но даешь слово на всю жизнь! Прокрути сначала в своей башке пропеллер, и подумай, а что же со мной будет, если я это сделаю? Жизнь у нас, в авиации ошибок не прощает. В небе сделал осечек, не подумав, по глупости, будьте любезны на кладбище у сторожа расписаться о благополучном прибытии.

Амет-Хан. Честное комсомольское. Ачкъ ай сёрз зверем. Сначала думать, потом делать.

Фигура отдает Амет-Хану летную книжку.

Фигура. К полетам курсанта Амет-Хана Султана допускаю. «От винта!»

Грянул духовой оркестр «Марш Красной авиации» «Все выше, и выше, и выше... И в каждом пропеллере слышит... ФИГУРА жестом руки останавливает оркестр.

Фигура. Товарищи красные авиаторы! В нашей летной школе учились летать летчики дружественной нам Германии. Сегодня они закончили обучение. В их честь даем концерт духового оркестра, торжественный обед и в заключении показательные воздушные бои. В этих воздушных боях мы увидим, чему научились немецкие авиаторы! Как они постигли искусство побеждать в небе. Должен вас предупредить, что среди них есть опытные бойцы-авиаторы, участники боевых действий Мировой войны. По просьбе немецкого командования мы устроили жеребьевку, кто кого вытянул, тот с тем и сражается в небе. *(Аплодисменты.)* Итак, первая пара: немецкий ас, участник Мировой войны, Кавалер Железного креста, барон фон Йозеф. *(Аплодисменты.)*

Появляется БАРОН, раскланивается публике, как в цирке. Его противник в воздушном бою – курсант Качинской школы военных летчиков Амет-Хан Султан.

Аплодисменты. Возгласы. Появляется Амет-Хан.

Барон (говорит на русском языке с немецким акцентом, так как он выходец из России.) В настоящий времья в Германии есть два лютчших летчика – Герман Геринг и барон Йозеф. Я и есть барон. Не знаю как Геринг, но я с детьми *(Указал рукой на Амет-Хана.)* не воюю. Прошу дать мне для боя достойный противника – летчика, участика военных действий на Халкин-Голе.

Фигура. Эх, Аметушка, ядрена вошь, надо было тебе усы приклеить. *(Барону.)* Мы подумаем над вашим предложением, барон. А пока, следующая пара. В небе пилоты: Отто Кордо и Ганс Дюрренматт. *(Наблюдает за воздушным боем в бинокль.)*

Амет-хан. А кто из них – наш?

Фигура. Оба немцы, только один из Берлина, который Ганс, а наш немец – Отто из Симферопольского района из деревни Курманы. Знаешь, немцев в Крыму больше чем всех, кроме русских и татар. *(Запрокинув головы, смотрят за воздушным боем.)*

Рев моторных самолетов.

Немцы в Крыму свой автономный район собираются создавать под Симферополем. Давай, давай, крымский немец Отто, покажи берлинскому. *(Протягивает Амет-Хану бинокль.)* Посмотри, как он «бочку» крутит.

Амет-Хан. Спасибо. Я и так вижу.

Фигура. И что же ты видишь?

Амет-Хан. Бортовой номер.

Фигура. Шутишь? Молодец! Зрение у тебя, как у горного орла. Для истребителя главное раньше всех обнаружить врага, и пока он соображает – уничтожить.

Амет-Хан. К хорошему зрению еще бы хороший самолет.

Фигура. Вот этого обещать пока не могу. Ты посмотри, как он крутит. Полный восторг! А у берлинца – полные штаны, ядрена вошь! Что значит Качинская школа. Молодец! Ура! Барон думал, что я ему покажу асов, а я ему подсунул таких как ты, Султан, начинающих, а видишь, и те начинающие дают форы. *(Тихо на ухо Амет-Хану.)* А наши лучшие летчики в секрете, это тайна. Ты пока учишься летать, а что из тебя выйдет – покажет время.

Амет-Хан (упрямо). Хороший летчик выйдет! Честное комсомольское.

Гул летящих самолетов. В небе плывут бомбардировщики.
Музыка. Тема Великой Отечественной войны.

Затемнение.

Эпизод третий

Ночь. По небу шарят прожектора. Где-то недалеко гудит линия фронта. Появляется Амет-Хан Султан, рапортует невидимому для зрителя диспетчеру разрешение на полет.

Амет-Хан (рапортует). Младший лейтенант Амет-Хан Султан заступает в ночь на 31 мая 1942 года на боевое дежурство.

Амет-Хан идет и садится в пилотское кресло. Завыла сирена воздушной тревоги. Гул самолетов. Появляется Джаннет-Бика.

Амет-хан. Зачем ты пришла? Я на боевом задании. На город Ярославль идут бомбардировщики «Юнкерсы-88».

Джаннет-Бика. Это ответственный вылет. Я лечу с тобой.

Амет-Хан. Самолет напарника забарахлил, он возвращается на аэродром, я в небе один.

Джаннет-Бика. Кроме тебя – «Юнкере» с бомбами, летящий на древний Ярославль, на военные заводы.

Амет-Хан. Я его вижу. Иду на сближение. Стрелок «Юнкерса» открыл по мне огонь. Ухожу. Вправо, открываю огонь по стрелку. Замолчал. Теперь по моторам «Юнкерса». Мимо... Мимо... Спокойно, Султан, «сначала думай – потом делай». Огонь!.. Мимо... Огонь!

Тишина.

Джаннет-Бика. Стреляй!.. Он уйдет!.. Стреляй!

Амет-Хан. У меня кончились снаряды.

Джаннет-Бика. Фашисты это поняли. Они смеются над советским летчиком и летят, не меняя курса.

Амет-Хан. Смеется тот, кто смеется последним. Я иду на таран.

Джаннет-Бика. Это верная смерть. Один шанс из тысячи выжить.

Амет-Хан. Я иду на таран... Отец мой учил меня: къоркъма о люмден, къркъ файдасьез омюрден – не бойся смерти, а бойся бесполезной жизни.

Рев моторных самолетов.
Затемнение

Эпизод четвертый

Появляется Комполка. Он в офицерском кителе образца конца войны, грудь увешана орденами. Делает доклад-донесение.

Комполка. Докладываю оперативную обстановку по Крыму. Еще 13 апреля 1944 года, не встречая сопротивления, наши войска заняли Симферополь. Фашисты откатились к Севастополю.

Появляется Амет-Хан. Он в парадном кителе, на груди Звезда Героя Советского Союза и 8 орденов. В этом кителе он будет до конца войны и снимет его в момент демобилизации из рядов ВВС.

Комполка (Амет-Хану). В ночь с 9 на 10 мая 1944 года войска 4-го Украинского фронта овладели Севастополем, ликвидировав последний очаг сопротивления Крыма. Звено майора, Героя Советского Союза Амет-Хана Султана, уроженца Крыма уничтожило 3 вражеских самолета…

Комполка прикрепляет на грудь Амет-Хана орден.

Комполка. В боях за Крым погибли наши товарищи. Вечная память героям.

Раздается троекратный салют. В полной тишине зазвучала морзянка и голос радистки, которая диктует текст.

Голос радистки. В Москву. В Государственный Комитет Обороны. Товарищу Сталину, товарищу Молотову, товарищу Маленкову. О Крыме. В Крыму население до войны – 1126 ООО человек, в том числе татарского населения – 218 ООО человек... Немцами расстреляно 67 тысяч евреев, караимов, крымчаков, вывезено в Германию 50000 человек... Лаврентий Берия...

Радист продолжает передавать шифровку, но голоса радистки уже не слышно...
Зазвучал мужской голос. Раздался писк морзянки.

Голос. Товарищу Берии. Подготовительную работу по операции считали возможным закончить к 18-20 мая, а всю операцию к 25 мая. Для обеспечения настоящей операции считаем необходимым: Первое. Выделить в наше распоряжение 2000 грузовиков, 1500 тонн автобензина, приблизительно к 15 мая... Разрешить выселить 330 человек немцев, австрийцев, венгров, румын, итальянцев, проживающих в Крыму, а также около 1000 проституток,

проживающих на курортах и городах Черноморского побережья. Богдан Кобулов, Иван Серов. Симферополь...

Эпизод пятый

Появляются Комполка и Амет-Хан.

Комполка. Поздравляю тебя с правительственной наградой за бои в Крыму.

Амет-Хан. Служу Советскому Союзу.

Комполка. Родителей нашел? Живы?

Амет-Хан. Живы.

Комполка. Счастливый. А вот мои погибли в первый день войны. В Киеве. Прямое попадание бомбы. Даже нет родительской могилы. Они остались только в моей памяти. *(Достал пачку папирос «Казбек», взял папиросу, постучал по коробке, но не стал курить, а положил ее обратно.)* С 12 мая весь летный состав получает недельный отпуск.

Амет-Хан. Разрешите пригласить моих друзей и товарищей в гости к моим родителям в город Алупку.

Комполка. Так у тебя в друзьях ходит весь 9-й гвардейский полк. Десантируем на Алупку только сорок человек, не считая меня и тебя. Даю два грузовых автомобиля, студебеккера. Выезжаем из Симферополя в 10 ноль-ноль. Форма одежды – парадная. *(Запел без аккомпанемента.)* «Эх, дороги, пыль да туман, может, крылья сложим посреди степей...» *(Обняв за плечи Амет-Хана, идет в толпу, которая высыпала на сцену. Это женский и мужской танцевальные ансамбли.)* Давай стакан граненый. Водку не пью, налей вина домашнего, из алупкинского винограда. *(Поднял стакан.)* Все эти годы, дорогие родители, Султан мечтал встретиться с вами, увидеть вас всех живыми. В этот счастливый день мы поднимаем стаканы за здоровье родителей Амет-Хана Султана, так как дети и родители – одно и то же. Человек счастлив в полной мере тогда, когда живы его родители. За долгую и счастливую жизнь родителей! *(Пьет.)*

Баянист заиграл «Амурские волны» (Неизменный репертуар тех лет.) Каданс. Все присутствующие танцуют парами. Замирают. Каданс. В глубине сцены ходит Черный Человек и диктует текст.

Голос с кавказским акцентом. Для обеспечения операции войсками выделить 20000 человек внутренних войск НКВД, пограничных войск НКВД общей численностью 7000 человек. Направить в Крым 25-й стрелковый полк из Кутаиси, 170-й стрелковый полк из Нальчика, 144-й отдельный батальон с отдельной снайперской ротой из Еревана, 2 батальона из Ростова, мотострелковый полк из

Баку, два батальона из Украинского округа, 3 мотострелковых полка из 1-й мотострелковой дивизии из Москвы... Будем выселять татар всем миром. Это и есть дружба народов... Нарком внутренних дел СССР Лаврентий Берия.

На этом тексте танцующие пары разделяются. Женщины в страхе сбиваются в одну кучку, мужчины получают автоматы ППШ, начинают конвоировать женщин. Пантомима. Все замерло. Звуки: шум автомашин, гудки паровозов, крики, плач детей. Эти шумы служат аккомпанементом всей сцены. Музыка отсутствует. Тишина. Звуки морзянки.

Голос радиста. Передаю шифровку: «Москва. Народный комиссариат Внутренних дел СССР, товарищу Берия Лаврентию Павловичу. Во исполнение Вашего указания сегодня, 18 мая 1944 года, с рассветом была начата операция по выселению крымских татар. По состоянию на 20 часов подано к станциям погрузки 90 000 человек, изних погружено 17 эшелонов и отправлено к месту назначения 48 400 человек. Находятся под погрузкой 25 эшелонов. Во время операции никаких эксцессов не имело места. Операция продолжается. Симферополь».

Эпизод шестой

Шумы заглушают слова радиста. Вся сцена идет в звукозаписи без присутствия актеров на сцене. Среди разорванных снарядами фюзеляжей мечутся люди то возникая в пробоинах, то исчезая. Весь эпизод идет в форме радиопьесы. Звуки льются из станционного репродуктора времен Великой Отечественной войны.

На сцене исполняется народный татарский танец под аккомпанемент одного барабана.

Радиопьеса.

Амет-Хан (тяжело дыша). Ма-ма! Ма-ма! Насибе, где вы?! Отец! Это я – Султан! *(Обращается к стоящим в вагонах.)* Вы не видели семью Амет-Ханов из Алупки?!

Голос. Они в шестом вагоне с татарами из Гаспры и Алупки.

Шум посадки, пыхтение паровоза, крики команды: «Закрыть пятый вагон! Закрыть шестой вагон!»

Амет-хан. Мама! Мама! Отец!

Солдат. Назад! Товарищ майор, назад, у меня приказ открывать огонь! Назад!

Амет-Хан. Это мои отец и мать! Убери руки, солдат. Руки! Не прикасайся к ним, иначе я выстрелю!

Солдат. Опустите пистолет. Назад в вагон! У меня приказ!

Амет-Хан. Убери руки! Прикоснешься, к родителям – застрелю!

Солдат. Майор, у вас пистолет, у меня автомат. убьете меня, вас мои товарищи изрешетят, мимо госпиталя на кладбище отвезут.

Амет-Хан. А твоим товарищам будет слабо по советскому майору, герою советского союза дать очередь из автомата! А ну, кто смелый, шаг вперед! Где твои товарищи? Нет таких...

Смершевец. Есть такие! Меня не запугаешь. Я лично тебя очередью прошью. Я в заградительном отряде не то что майоров, я полковников отступающих стрелял. Я своих положил больше, чем ты фрицев, герой!

Командир. Отставить! смирно! в чем дело?! опустить оружие!

Солдат. Майор из вагона двух татар выдернул. Говорит, что родители.

Голос второго командира. Да отпусти. Отдай ему старика со старухой. Видишь у него звезда героя. *(Шепотом.)* 25 мая будет вторая зачистка.

Командир. Товарищ майор, забирайте своих родителей, только пропуск надо оформить у коменданта вокзала. Без пропуска ни шагу, это до первого патруля, у всех приказ и каждый солдат за невыполнение жизнью рискует.

Амет-Хан. Спасибо, капитан.

Слышно как плачет мать.

Голос смершевца. Я вас, гниды, запомнил. Амет-Ханы из алупки, я вас по второму заходу загребу... И тебя, майор, я еще встречу.

Амет-Хан. Никогда. «Рожденный ползать – летать не может». Черви в небо не взлетают.

Крики: по вагонам! По вагонам! По вагонам!

Загудел паровоз, эшелон тронулся.

Музыка.

Эпизод седьмой

ХОР исполняет песню «Эх, дороги». «Выстрел грянет, ворон вскружит, твой дружок в бурьяне неживой лежит...» Кончилась радиопьеса. Танцевальный ансамбль покинул сцену.

Появляется Майор НКВД, садится в пилотское кресло.

Входит Амет-Хан.

Амет-Хан. Разрешите? Здравия желаю, товарищ майор. Объясните мне... Какая причина... почему моих родителей высылают из Крыма.

Майор. Потому что они татары. Я выполняю приказ, как и ты, когда поднимаешься в небо и бомбишь. Бомбишь всех подряд, всех, которые на земле копошатся. Ты – мусульманин?

Амет-Хан. Атеист. Коммунист-большевик. Во-первых, отец не татарин, а лакец из Дагестана, мама – крымская татарка.

Майор. Короче, объясняю всем по «Корану». *(Открывает книгу на закладке.)* Сура 45-я. Цитирую: «Ты увидишь все народы коленопреклоненными. Всякий народ будет признан к книге деяний его. Наступит этот день, и вы будете вознаграждены по делам вашим. Вот донесение: «Со времени освобождения Крыма от фашистских захватчиков органами НКВД арестовано из числа антисоветского элемента 6452 человека, в том числе 657 шпионов. При проческе лесных массивов и проверке населенных пунктов войсками и оперативными группами задержано 7739 человек. Изъято у населения 39 минометов, 449 пулеметов, 532 автомата, 7238 винтовок, 3657 мин, 10296 гранат, 280 ООО патронов...

Амет-Хан. По делам и судите, а не всех без разбора, под общую гребенку...

Майор. «Лес рубят – щепки летят, как сказал товарищ Сталин, для нас главное – порядок. Порядок, понимаешь, порядок!

Амет-Хан берет из рук Майора «Коран», открывает книгу на закладке Майора. Читает, водя пальцем по тексту.

Амет-Хан. Слушайте, майор, здесь же сказано: «Смуту они сеют, а не порядок!.. Они производят смуты, но не попинают этого... Бог посмеется над ними и продлит их упорство, оставляя их в ослеплении». Весь народ в ослеплении!? Как мне дальше жить? Как воевать? Ты забираешь у меня родителей, мне 24 года. Как я могу быть счастливым и о чем-то думать, когда на фашиста иду на таран? Нет, братишки, что-то здесь не так. Конкретно, ты, майор, на меня идешь вместо фашиста на таран! Конкретно вижу тебя в прицеле.

Майор. Черт или как там у вас, шайтан с тобой. Не показываю секретные материалы, но они есть, за разглашение которых мне светит самому расстрел. О том, что ты ко мне обращался – я доложу в НКВД. И сказано в Коране: «Ты увидишь все народы коленопреклонными. В этот день вы будете вознаграждены по делам вашим». Коран, Эль Джасия. Сура 45-я.

Амет-Хан. Вот и вознаграждай... лично меня... за 24 сбитых фашистских самолета. Садись и пиши освобождение для моих родителей, коль взялись судить по делам. Начинай с меня. Жены погибших на фронте крымских татар, их дети

тоже в общем вагоне с мусульманским легионом? Пиши, пиши. А то коммунисты, большевики, а действуем по Корану: «Виновные и невиновные все в ответе?!» Кстати, вы – русский майор, а ориентируетесь хорошо в Коране.
Майор (продолжая писать освобождение для родителей). До войны в Москве учился на факультете востоковедения. Получите разрешение на отца и мать. Ана-бабадан башкъа дюньяда эр тапылыр. – На свете все можно найти, кроме родителей. И вот что еще, совет: за пистолет больше не хватайтесь, в заградотрядах каждый второй – сволочь-убийца. Им застрелить настоящего героя – удовольствие...

Затемнение
Антракт

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Эпизод восьмой

На сцене все тоже пилотское кресло, только фрагменты сбитых самолетов уже висят в воздухе. В кресле спит АМЕТ-ХАН. Появляются те же невесты в белых платьях, поверх которых одеты лётные куртки, а на головах вместо национальных головных уборов пилотские шлемы. Начинают танцевать тот же танец, но поют уже другую песню.

ХОР (ЗВУКОЗАПИСЬ). Вьется в тесной печурке огонь,
На поленьях смола как слеза,
И поет мне в землянке гармонь
Про улыбку твою и глаза.
Пой, гармоника, вьюге назло...
А до смерти четыре шага.

Появляется Джаннет-Бика, она в прежнем костюме. Джаннет-Бика подходит к Амет-Хану и легким прикосновением руки будит его.

Джаннет-Бика. Проснись, Амет-хан, сегодня 1299-й день войны...
Амет-Хан. А где моя Смерть?
Джаннет-Бика. Ты еще жив, ты настолько смел, так презираешь Смерть, что она тебя боится. Только за этот месяц ты уничтожил 5 самолетов врага, а всего на твоем счету только лично сбитых тобой – 26 самолетов. Теперь тебя знают не

только в 9-м Гвардейском полку, но на всех фронтах, о тебе пишут в газетах очерки, ты – прославленный летчик страны.

Амет-Хан махнул рукой и снова заснул. Появляются Комполка, Дед Мороз и Снегурочка. Комполка трясет Амет-Хана за плечи.

Комполка. Проспишь Новый год. Принимай в гости Деда Мороза со Снегурочкой.

Амет-Хан вскакивает с пилотского кресла. Снегурочка – Летчица в маскхалате, покрашенном в красный цвет, с наклеенными звездами из фольги, на голове шапка-ушанка.

Дед Мороз. Принимай, Султан, от девушек-летчиц соседнего полка. Принимай, товарищ Амет-Хан, персональный новогодний подарок. *(Дает подарок.)*

Комполка. Ну и Султан! Если бы не военная тайна, я бы сказал сколько в твоем «гареме» летчиц-красавиц. Не один Султан не владел таким грозным гаремом ночных бомбардировщиков. Фрицы называют их ночными фуриями.

Снегурочка. Наши летчицы, бывшие балерины Большого театра, исполнят для летчиков 9-го полка «танец трех самолетов У-2» на музыку Петра Ильича Чайковского «Лебединое озеро». *(Аплодисменты.)*

Амет-Хан. Спасибо, красавицы. Всему «гарему» от Султана передайте пламенный комсомольский привет!

Снегурочка. А вы передайте привет Большому театру. Знаем, что за новой техникой едете в Москву. *(Аплодисменты.)*

Входит Вестовой, подходит к Комполка.

Вестовой. Привезли «фрица».

Комполка (вестовому). Давай. *(Амет-Хану.)* Ты уж извини, что тебе под Новый год такую свинью подложили, но видит бог, во всем виноват фон-придурок, которого ты утром сбил. Оберлейтенант «Люфтваффе» отказывается отвечать на допросе, пока ему не покажут пилота, который его сбил в бою.

Амет-хан. Надо уважить. Ас он классный, я с ним минут сорок в небе кувыркался. И были моменты, когда думал все, хана мне. Самолет у него замечательный! Правда, разрисован как шайтан. Мол, я в небе – разбегайтесь! Да, это мастер воздушного боя! Все наши хитрости досконально знает. Меня Джаннет-Бика спасла.

Комполка. Кто? *(Пауза.)* Разве в небе были девушки соседнего полка?

Амет-Хан. Да это я так, в шутку, про себя.

Входит Барон.

Амет-Хан (тихо Комполка). Я знаю этого барона. Вот это встреча, вот это Новый год!

Комполка (на ухо говорит). Ничего лишнего, он по-русски шпрехает. *(Барону.)* Мы вас слушаем, барон.

Барон. Я имею свой фамилия барон, много столетий, много войны, много славы и чести. Я отказаться отвечать на вопросы, пока не увижу флигера, пильота, который меня... который сбил мой «фокке-вульф».

Комполка. Эту просьбу мы уважим, близок день Победы и нет военной тайны в том, что попали вы на прицел Амет-Хану Султану... Вот он, спит в кресле.

Барон. Меня сбил этот мальчик?

Комполка. Вы барон, а он – Султан из Алупки. Мальчик, а уже Герой Советского Союза. Я вижу по вашим орденам вы тоже...

Амет-Хан (встает с кресла). Память, барон, как и мастерство пилота не проспать. Я вас лично запомнил на всю жизнь по встрече в Качинской авиашколе. Много лет назад вы мне так испортили праздник, отказались драться со мной в учебном бою у меня в Крыму мы встретились в небе Германии.

Барон. Неужели это вы?! Так вы и есть тот «Шварц Тофель. Ахтунг! Ахтунг! В небе Султан!» Если бы мне сообщили это по рации... Майн гот, как это грустно! Что заканчиваю войну, майн гот, военнопленным.

Комполка. Благодарите своего гота, что не мертвым.

Барон. Вы не расстреливаете пленных летчиков? Придерживаясь мировых правил...

Комполка. Это верно. В отличии от вашего Гестапо, которое расстреливает и американских, и английских, тем более советских летчиков.

Барон (у Амет-Хана). В какой момент вы открыли по моему «фоке-вульф» огонь?

Амет-Хан. Я вам, барон, «сплел лапти», когда «бочку крутил».

Барон. Не понял, но это теперь неважно. *(Снимает с груди орден.)* Я вам дарю новогодний сувенир. Это высший орден несуществующей Кайзеровской Германии. Ему теперь место среди ваших трофеев. Вы победили.

Дед Мороз (летчица). А теперь «фриц», выпей за нашу Победу! Фашизму капут! С Новым 1945-м годом! Ура! За победу! Ура!

Хор грянул песенку: «В лесу родилась елочка, В лесу она росла, Зимой и летом стройная, Веселая была...»

Затемнение

Эпизод девятый

Музыка из оперы «Евгений Онегин». Амет-Хан обращается к прохожим.

Амет-Хан. Товарищ, у вас нет лишнего билетика?.. Извините... Гражданочка, лишнего билетика нет?.. Конечно, нет... лейтенант, лишнего билета... Понятно. Девушка, девушка, не убегайте, лишнего билетика нет?

Фаина пробегает мимо Амет-Хана, но затем возвращается.

Фаина. Товарищ военный, вы здесь зря стоите. Липшие билетики спрашивают вот там. И лишних не бывает. Билеты в Большой театр, за месяц до спектакля заказывают.

Амет-Хан. Я за месяц вперед могу только... панихиду заказать.

Фаина (серьезно). Зачем так жестоко шутите.

Амет-Хан. Это житуха с нами жестоко шутит. Друзья не поверят, что я был в Москве и в Большой театр не попал. Подумают, что в ресторане командировку просидел. Завтра улетаю на фронт. Может быть и погибну, не побывав в Большом театре. А я не согласен на такой вариант. Придется выжить и еще раз приехать. *(Запел.)* «На воздушном океане средь светил тихо плавают в тумане «мессера» и «фокен-вульф»...»

Фаина. А вы – летчик?

Амет-Хан. Самый что ни есть настоящий, спасибо за лишний билетик.

Фаина. Извините, лишнего нет, видите, девчонки уже пришли...

Амет-Хан. И крылышками машут. Они еще не знают, что только вы можете меня выручить.

Фаина. Отдать свой билет?

Амет-Хан. Что вы! Я такую жертву не принимаю.

Фаина. Тогда что?

Амет-Хан. Идете на спектакль. Внимательно слушаете. Опера заканчивается, вы выходите, я вас встречаю на этом самом месте. Вы подробно рассказываете, я приезжаю в часть и тоже подробно рассказываю товарищам... Девушкам-летчицам, бывшим балеринам Большого театра. Доложу на общем собрании летного состава. *(Шутя.)* И даже кое-что исполняю: «Паду ли я стрелой пронзенный иль мимо пролетит она... ля-ля-ляля».

Фаина. Извините, мне пора...

Амет-Хан. Ну не поверят товарищи, что Амет-Хан Султан не попал в Большой театр! Я в двадцать шесть фашистских самолетов попал, а в Большой...

Фаина. Я стригла многих чудаков, но вас «отбрить» не могу, хотя по профессии парикмахер... Ждите на этой скамейке. *(Убегает.)*

Амет-Хан (*поет)*. «Паду ли я стрелой пронзенный, иль мимо пролетит она?»

Амет-Хан засыпает. Появляемся Джаннет-Бика со скромным букетом цветов.

Амет-Хан. Ну спасибо, прабабушка, за идею. *(Забирает у нее букет.)* А теперь не мешай мне собраться с мыслями. *(Поет.)* «Паду ли я стрелой пронзенный, иль мимо пролетит она?..» Прабабушка, не мешай, она уже идет.

Джаннет-Бика. Потомки, потомки, как же вы неблагодарны! Поцеловал бы, правнук, прабабушку.

Появляется Фаина. Амет-Хан спит в кресле.

Фаина (будит его). Проснитесь, товарищ летчик.

Амет-Хан (вскочил, вручает букет цветов Фаине). Смело можно сказать: «проспал весь спектакль».

Фаина (*смущаясь)*. Спасибо за цветы, но вы зря деньги растратили... Я живу под Москвой, у меня таких цветов – косой коси до утра не выкосишь... Давайте подарим этот букет от вашего имени... на служебном входе самой лервой артистке, которая выйдет после спектакля. От имени советских летчиков.

Амет-Хан. Айн момент! Стойте здесь и не двигайтесь. *(Выбегает и возвращается с новым букетом.)* Ваш букет от имени советских летчиков, а мой – от имени... французских... от эскадрильи «Нормандия-Неман». Мой друг Ролан де ля Пуапу войдет в штопор, когда я ему скажу, что от его имени вручил букет солистке Большого театра, а то он все рассказывает: «Гранд опера, Гранд опера...» За этот букет он обязан сбить фашистского аса. Давайте сделаем вот что еще... Чтобы не было обидно, знаете, эти французы очень вспыльчивые пацаны, когда вопрос касается женщин. Подарим еще один букет от имени его друга Марселя Лефевра. Уже на счету имеем два сбитых самолета!

Фаина и Амет-Хан прогуливаются.

Фаина. А вы немцев живых видели

Амет-Хан. Приходилось... Недавно обил одного аса, оберлейтенанта, по-нашему, полковника, вся грудь в крестах. С парашюта выпрыгнул, прямо над нашими позициями. Руки поднял и говорит почти по-русски: «Гитлер капут! Сдаюсь, но на все вопросы буду отвечать, когда покажите летчика, который меня

сбил». Ему говорят, вот смотрите. Амет-Хан Султан вас лично шандарахнул. А он и говорит: «Не думал, что закончу войну в прицеле «Шварц тойфель». Нас всегда, говорит, по рации предупреждали: «Ахтунг! Ахтунг! В небе – черный Султан».

Фаина. Так это вы Султан?

Амет-Хан. Это моё имя. А фамилия – Амет-Хан.

Фаина. И что же дальше с немцем?

Амет-Хан. Немец закурил сигаретку, они папирос не курят, и продолжает, если бы знал, что Султан в небе, не взлетал бы, таких летчиков как он, мы их называем ягдфлюгер, в немецких «Люфтваффе» редко-редко. Конечно, редко, перемолотили мы их, скорее бы кончилась война. Ночь какая тихая. Как хорошо, когда не гудит линия фронта, когда трассирующие пули не решетят обшивку твоего самолета. Не взлетают сигнальные ракеты и не шарят по звездному небу прожектора. Неси, Фаина, косу.

Фаина. Косу или косу?

Амет-Хан (нежно взяв в руки косу Фаины). Коса рядом, такая белая, как лен, такая длинная, как стропа парашюта... Неси косу, буду букет тебе косить. Такой букет накошу, что ни одному ухажеру... меня не догнать. Слабо. За мной трудно угнаться, я на Ай-Петри каждый год сено косил.

Фаина. Товарищ Султан, вам пора, это последняя электричка на Москву.

Амет-Хан. А утром будет?

Фаина. Будет.

Амет-Хан. Вот и замечательно. Сижу всю ночь до утра на твоем крыльце. *(Запел.)* «Ночь коротка, спят Облака, и лежит у меня на погоне, незнакомая ваша рука. Хоть, я с вами совсем незнаком, и далеко отсюда мой дом, в этом зале большом мы танцуем вдвоем, так скажите хоть слово. Сам не знаю о чем...» *(Закончил петь.)*

Амет-Хан сначала поцеловал Фаине руку, а затем нежно в губы.

Фаина. Ты любишь сказки?

Амет-Хан. Со счастливыми финалами. Когда добро побеждает зло.

Фаина. Моя любимая сказка о Крошечке-Ховрошечке. Когда девушка может превратиться в девочку размером в горошину.

Амет-Хан. Ты была бы всегда в моем левом кармане, рядом с сердцем.

Фаина. И Звездой Героя. (*Поцелуй.)*

Затемнение

Эпизод десятый

Идет передача по радио.

Диктор. Больших успехов в социалистическом соревновании добились трудящиеся Крыма. Вступили в строй отремонтированные здравницы Алупки, Алушты, Ялты. Они распахнули двери для отдыхающих. В этом году санатории примут более...

Появляется Амет-Хан, в руках пакеты, бутылка шампанского.

Амет-Хан (скромно). Разрешите?

Появляется Фаина, подходит к Амет-Хану и молча, без возгласа, без удивления на лице падает в обморок к ногам Амет-Хана, который растерялся. Наконец, он опускается на колени, кладет все пакеты рядом с Фаиной. Так и сидят они на земле, не предпринимая никаких действий.

Фаина (приходит в сознание, остается сидеть на земле, прижимается к Амет-Хану). Я потеряла всякую надежду, что ты вернешься. И мама моя сильно меня упрекала, и подруги сочувствовали, и на работе косо на меня смотрели, хотя и врала я всем безбожно... врала и про тебя, и про себя, и про него.

Амет-Хан. Почему не писала писем? Я их так ждал. От мамы получал, а от тебя нет. Я же тебе адрес нашей полевой почты оставил... Помнишь? На газете карандашом химическим написал. Так четко, так ясно. Помнишь?

Фаина. Все помню хорошо. Кроме адреса полевой почты. Утром... дедушка... из этой газеты самокрутку сделал... «козью ножку» с махоркой... Полевая почта сгорела с махоркой... И я не знала, вернешься ли ты?

Амет-Хан. Ай, шайтан! Акъыл къазанына бир гомуч бахыт керек. *(Это татарская пословица.) (Постучал себя по голове.)* К котлу ума нужен черпак счастья. Я подумал, что я не нужен такой красивой, такой умной, такой замечательной, такой чуткой! Ай, вай-вай! Шайтан... попутал меня. Я подумал, что пролетаю мимо тебя. Диспетчер по имени Фаина не дает посадки, не дает разрешения, а скажет: «Иди на запасной аэродром!»

Фаина. Вот ты какой, самолюбивый и гордый, как твои предки, о которых ты говорил. Такого мы и ждали...

Амет-Хан. Кто еще кроме тебя меня ждал?

Фаина. Твой сын... твоя копия... Помотри в кроватку.

Амет-Хан (покачав головой). Это же надо! Ты такая белая, такая красивая, а он такой черный, такой кучерявый и как я – некрасивый. Мальчик, скажи отцу, как тебя зовут?

Фаина. Станиславом.

Амет-Хан (по-деловому). Второго сына назовем Арсланом. Меня отпустили на сутки. Загс по воскресениям работает?

Фаина. Теперь куда спешить? После победы и распишемся. Чем раньше она придет – тем лучше. Ты только живым вернись, пусть даже раненным, калекой, но живым.

Амет-Хан. «Я вернусь всем смертям назло, только очень жди...» *(Взял её руку в свою.)* Моя любовь, моя судьба, спаси от мук, храни от ран... Розарий лик, прядь – базилик, глаза – морская синева, уста – нектар. Несметный клад, бесценный дар, тебя мне сам Аллах послал.

Музыка

Затемнение

.

Эпизод одиннадцатый

Возникает свет. Амет-Хан Султан читает письмо.

Голос матери (звукозапись). Дорогой Амет, пишет тебе твоя мама. У нас приключилась беда. Приехали военные люди и арестовали твоего младшего братишку. Когда ты уходил на войну, он еще учился, когда пришли немцы, ему было всего шестнадцать, а теперь говорят, что он взрослый и повезли его судить в Киевский трибунал. Помоги своему братишке, если сможешь...

Музыка.
Затемнение.

Голос Амет-Хана (звукозапись). Дорогие отец и мама, я вернулся из Киева и сообщаю, что заседание трибунала перенесли на месяц, чтобы мы смогли найти свидетелей, которые бы показали его невиновность. Имрат назвал мне несколько имен, я попытался их найти...

Затемнение.

В кресле сидит Полковник НКВД. Стремительно входит Амет-Хан.

Амет-Хан. Товарищ полковник, дайте трибуналу отсрочку. Прощу как фронтовика.

Полковник. Поздно, майор... Я тебе и так дал поблажку. Месяц трибунал ждал, что будут представлены оправдательные документы. Где они? Лично вам давал поблажку. Два раза заседал трибунал по одному и тому же вопросу. Не каждый день в трибунал приходит дважды Герой Советского Союза.

Амет-Хан. Что дали, какой приговор моему родному брату Имрату?

Полковник. Десять лет без права переписки.

Амет-Хан (застонал, зарычал как раненный). Десять лет! Где он?

Полковник. Он получил десять вместо двадцати. Ты ему... ты ему подарил десять лет свободы... Десять лет – не «вышка». Отмантулит на лесоповале и вернется.

Амет-Хан (закричал снова). Десять лет без права переписки! Почему без права переписки?!

Полковник. Зачем письмами отца и мать волновать? Куда его направили? Постараюсь узнать. Но не ему, а тебе, как герою делаю одолжение. Сам прошел от заключения в тридцать седьмом до штрафбата... И знаю, что такое стать героем, а ты – дважды, а если бы не брат, то был бы трижды. За тридцать сбитых фашистов положено третью звезду вручить.

Амет-Хан. Брат не виновен, он – пацан, по «дурочке» попал...

Полковник. Таких как он сотни тысяч. Ты думаешь, я был виноват?.. Кровью смывали свой позор, свои преступления, каких не совершали. Под колесо истории попадали вот и все. *(Подал Амет-Хану руку.)*

Затемнение

Эпизод двенадцатый

Музыка. Зеки на лесоповале. Танец-пантомина. Реквизитом танца-пантомимы является бревно. В синеватой мгле танцуют на морозе зэки, хлопают себя по бокам два вертухая, одетые в белые полушубки с автоматами на шее.
Пантомима.
(В. Высоцкий исполняет песню.)
Протопи ты мне баньку, хозяюшка,
Распалю я себя, распалю
И на полке у самого краешка
Я сомненья в себе истреблю

Разомлею я до неприличности,
Ковш холодной и все позади
И наколка времен культа личности
Засияет на левой груди.

Амет-Хан (не *приближаясь к танцующим, кричит).* Кто из вас Имрат?!

Хор (отвечает по очереди). Я – Имрат, я – Имрат, я – Имрат...

Затемнение

Полковник (говорит по телефону.) Мне насточертел этот Султан! Ему как дважды герою, понимаешь, предложили учиться в академии. Не нравится, понимаешь, что заставляют маршировать, что учат тому, что он знает. Я тебе, понимаешь, зачитаю характеристику. Его зачислили, понимаешь, слушателем Военно-воздушной академии. Говори, понимаешь, спасибо, а он что? *(Читает текст характеристики).* За полтора месяца имел два краткосрочных отпуска по семейным делам в связи с арестом его брата Имрата. В результате понизилась и воинская дисциплина, имели место два случая опоздания на учебные занятия и наличие обмана, выразившееся в том, что, получив отпуск к больной матери в Алупку, поехал в Киев выручать своего брата... Вывод: от академии отчислить... Так что перестань защищать его. Пусть снимает погоны... Уходит в запас... Нет специальности? Да нет... У него, понимаешь, Симферопольское ФЗУ, пусть идет на железную дорогу. Все! Разговор окончен. Амет-Хана Султана уволить в запас... Несправедливо? Слушай, ты, понимаешь, тоже напрашиваешься?.. Твой фронтовой друг?.. Ну и оставайтесь друзьями, я что против? Но в армии его уже нет! *(Положил трубку.)*

Затемнение

Эпизод тринадцатый

Ресторанная музыка, охмелевший Амет-Хан, шатаясь и почти падая, добирается до своего пилотского кресла. На сцене появляется Джаннет-Бика, которая поет песню. Появляется официант в белом костюме. (Так были одеты после войны официанты «Метрополя»). Он подходит к Амет-Хану, который одет в военную форму без погон.

Официант раскручивает пилотское кресло в одну сторону, затем – в другую, как это делают на предполетной медкомисии.

Амет-Хан (проснувшись). Доктор, все в порядке. Цель вижу, иду в атаку. Два «мессера» справа, Ваня, набирай высоту! Доктор, у меня все в порядке.

Официант. Я не доктор, я – официант... И вижу, что у вас все в порядке со здоровьем, все в порядке, кроме денег. Вы пьете третью неделю, по моим расчетам, деньги кончились. Поэтому положите на стол аванс.

Амет-Хан (пьяный). Так вы не доктор? Слушай, корешок, тогда водки... Водки! Водки, можно и коньяк, лишь бы не денатурат! Мне еще хорошее зрение нужно для последней атаки на врага... В полку говорили, что глаз у меня – орлиный, я «юнкерса» за несколько километров... при плохой погоде засекал... и если я его увидел – фашистскому асу – хана! Для начала – двести граммов московской. А там посмотрим. От винта!

Официант. Слушай, корешок, я тебе популярно объяснил: деньги – водка.

Амет-Хан. Деньги?! Пожалуйста! *(Шарит по карманам.)*

Официант. Пока ты будешь искать, я другого клиента обслужу. Ищи, ищи. Не найдешь – без скандала освободи место, иначе я тебя легавым сдам, ты же в отставке, военный патруль тебя не возьмет, ты им штатский нахрен не нужен.

Амет-Хан (вдогонку официанту). Ты прав! Я Министерству обороны я нахрен не нужен! Кончилась война, мы отработанный пар. Мы – стреляные гильзы: мы нахрен никому не нужны, даже в гражданскую авиацию не берут истребителей.

Продолжает искать деньги, не найдя их, отстегивает цепочку серебряных карманных часов.

Официант (подошел). Нашел?

Амет-Хан (раскачивает на цепочке часы как маятник). Нашел! Двести пятьдесят московской. Сдачи не надо.

Официант (берет в руки часы). Серебряные? Идут?

Амет-Хан. На минуту вперед.

Официант (читает текст гравировки на часах). Лейтенанту Красной Армии Аметхану Султану, сбившему фашистский самолет тараном в небе над Ярославлем 31 мая 1942 года. *(Взвесив часы на ладони.)* Серебряные? У кого свистнул? Кто такой Султан? Я тебя сейчас легавым сдам. Чеши отсюда, фраер в обмотках. *(Положил часы в карман.)*

Амет-Хан. Верни часы.

Официант. Пошел вон, пока я тебе не накостылял. Блатной герой, ты хоть на войне был, фраер сученый? Ты знаешь, что это такое?

Амет-Хан достает из кармана удостоверение и протягивает его официанту. Тот медленно читает, сверяет фотографию с лицом Амет-Хана, молча возвращает удостоверение и уходит.

Джаннет-Бика. Эту песню я исполняю для военного летчика Амет-Хана Султана, сбившего в далеком... трудном...42-м году в небе над Ярославлем... таранил фашистский бомбардировщик.

Аплодисменты.

(Поет, затем подходит к Амет-хану и приглашает его на танец.)

Ночь коротка, спят облака,
Я услышал мелодию вальса,
Проходя мимо ваших ворот
Хоть я с вами совсем не знаком
И далеко отсюда мой дом,
Но я снова и снова возле дома родного,
О, скажите хоть слово,
Сам не знаю о чем.
Ночь коротка, спят облака
И лежит у меня на погоне
Незнакомая ваша рука...

Джаннет-Бика оставляет Амет-Хана у его кресла, уходит.
Появляется официант, несет на подносе два пустых стакана. Вытаскивает из кармана часы, раскачивает их, взяв за цепочку как маятник, затем кладет в карман Султану.

Официант. Я угощаю. *(Откупорив бутылку, наливает два полных стакана...)* Выходи из штопора, герой. *(Взял полный стакан.)* Земля уже близко, еще мгновение и ты, герой войны, погибнешь в мирное время. Ты приблизил для всех мирное время. Спасибо тебе от имени нас, выживших.

Амет-Хан (*взял в руки стакан, руки его дрожат и водка расплескивается).* Товарищ, спасибо... Но я не герой.

Официант. А кто же ты?

Амет-Хан. Я – дважды Герой Советского Союза. Амет-Хан Султан. Но я не герой. Я слабый человек и без этого *(Поднял стакан водки)* не могу...

Официант. Тем более. Делай все в два раза быстрее. Ты был майор ведомым. Теперь я, бывший старлей, в отставке, а ныне – официант. Делай как я, делай лучше, чем я... Иди за мной, набирай высоту, все выше и выше... (*Поднимает*

стакан с водкой над головой.) Делай как я... *(Медленно, тонкой струйкой выливает водку на пол.)* Повторяй за мной...

Амет-Хан дрожащей рукой поднимает стакан, умоляюще смотрит на официанта.

Амет-Хан. Нельзя так... сразу... я год в запое. *(Умоляюще.)* Последний стакан.

Официант (отрицательно качает головой). Земля уже близко... Выходи из штопора.

Официант уходит. Появляется Джаннет-Бика.

Амет-Хан поднимает стакан над головой и маленький струйкой выливает водку на пол.

Барабанная дробь, зазвучала «Песня о канатоходце». На фоне этой песни появляются рабочие сцены, одетые в униформу механиков. Они уносят искуроченные фюзеляжи самолетов с фашистскими знаками и другой символикой Люфтваффе: орлами, крестами, которыми любили разукрашивать свои машины фашистские асы. Сцена заполняется серебряными крыльями с красными звездами.

Джаннет-Бика берет за руку Амет-Хана Султана и усаживает в пилотское кресло.

Эпизод четырнадцатый

Джаннет-Бика. У тебя дома гости, а ты здесь.

Амет-Хан. Кто пришел ко мне в гости?

Джаннет-Бика. Фронтовые товарищи... Узнав о твоем бедственном положении, они решили тебе помочь и снова зовут тебя в небо. Во время войны ты совершил 603 боевых вылета и лично сбил 30 самолетов и 19 самолетов уничтожил вместе с товарищами по группе. Они зовут тебя стать летчиком-испытателем. Испытывать ныне новые типы самолетов, еще несовершенные, – это значит, тысячу раз идти в бой, это, пожалуй, труднее воздушного боя.

Амет-Хан. Разве есть у демобилизованного, отправленного в запас Амет-хана другие варианты?

Джаннет-Бика. Да, есть. Уехать в Крым, в Алупку. Стать председателем колхоза. Тебя изберут депутатом Верховного Совета. Из окна своей квартиры будешь видеть море и свой бронзовый памятник, установленный при жизни дважды герою в Алупке на центральной площади. И будешь жить долго и счастливо, и умрешь в 2017 году в возрасте 97 лет.

Амет-Хан. Я избираю жизнь летчика-испытателя и ухожу в небо.

Джаннет-Бика. Твоя жизнь превратится в ежедневный воздушный бой. Я тебе главного не сказала, при этом выборе ты обязательно погибнешь в небе.

Амет-Хан. Когда?

Джаннет-Бика. Моя власть заканчивается. Ты становишься как твой предок – канатоходцем.

Амет-Хан. Сколько я проживу?

Джаннет-Бика. Не 97 лет. *(Пауза.)*

Песня о канатоходце

Посмотрите, вот он без страховки идет,
Чуть правее наклон – упадет, пропадет!
Чуть левее наклон, – все равно не спасти!
Но должно быть ему очень нужно пройти
Четыре четверти пути!..
Амет-Хан. Сколько я проживу, летая в небе?
И лучи его с шага сбивали
И кололи, словно лавры.
Труба надрывалась, как две,
Крики «Браво» его оглушали,
А литавры, а литавры,
Как обухом по голове!
Амет-Хан (у Джаннет-Бика). Я выбираю небо! Сколько лет я проживу?!
Джаннет-Бика. Вместо девяносто семи... всего пятьдесят лет!
Амет-Хан. Я выбираю небо! (Одевает скафандр летчика-испытателя.)

На сцену выходят все участники спектакля. Амет-Хан уходит вдаль, как канатоходец, покачивая распростертыми руками, как крыльями.

Звукозапись мужской голос (баритон). Знаете ли вы, что такое таран? Это наивысшая форма самопожертвования летчика, который полностью израсходовав боеприпасы, устремляется на вражеский самолет и ударяет его своей машиной. В 90 случаях из ста – это неминуемая гибель. Амет-Хану повезло, он остался жив. Сказал французский летчик Франциа де Жоффер из эскадрильи «Нормандия-Неман», воевавший вместе с Амет-ханом Султаном.

Он смеялся над славой бренной,
Но хотел быть только первым.
Такого попробуй угробь!
По проволоке над ареной
Он по нервам, нам по нервам,
Шел под барабанную дробь!

Занавес

Ахмет Боков

Народный писатель
Чечено-Ингушетии

МЫ ВЕРНЕМСЯ, НАНА!

Монолог матери в 2-х частях

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

1. Айши
2. Бекхан
3. Гирихан – ее сыновья
4. Алихан
5. Либи – жена Бекхана
6. Хамарза – отец Либи
7. Солобек – бригадир колхоза
8. Абукар – сосед Айши
9. Халимат – его жена
10. Асолта – родственник Бекхана
11. Вася
12. Рафик – солдаты
13. Саша
14. Беслан – внук Айши

Часть первая

Слышится песня "Журавли" на слова Р.Гамзатова. На сцене двор, лужайка перед домом. Из глубины сцены прямо на зрителей идет Айши. Останавливается. Слушает песню. Песня кончается.

Айши.(зрителям) Журавли… Бывало лягут во дворе, на зеленой лужайке и смотрят в небо, на улетающих журавлей!

Выходят ее сыновья: Бекхан, Гирихан, Алихан. Садятся. В руках Алихана дахчан-панчар[1]*. Гирихан ложится навзничь, смотреть в небо, Алихан, лежа на боку, настраивает инструмент. Начинает играть, на дахчан-пандаре. Айши поворачивается к сыновьям, подходит к ним.*

[1] – трехструнный музыкальный инструмент в виде домры.

Айши. Не играл бы эти грустные мелодии. Грусть тоску да горе приносит.
Алихан. (*на миг перестает играть*) Если такую? А, нана? (*Заиграл веселую танцевальную*.)
Айши. Тише! На улице будет слышно. *(Начинает стирать*)
Бекхан. Пусть слышат!
Айши. *(Бекхану)* А ты что это приехал сегодня сердитый? Что случилось?
Бекхан. (*Стараясь развеселиться*) Я? Сердитый? Да нет.
Айши. Скрываешь ты что-то.
Бекхан. (*Не отвечает*) Некоторое время слышится малодия дахчан-пандара.
Айши. Вот так и твой отец: сядет, думает о чем-то и молчит. Тоже бывало не добьешься ответа (*Мелодия продолжается*).
Бекхан. (*Прислушиваясь к мелодии, шутя*), Алихан, может, мы тебя отдадим в радио? Ты не хуже играешь, а?
Гирихан. Только пусть язык дома оставит. А то быстро отошлют назад за болтливость.
Айши. Ладно вам, не обижайте моего кормильца.
Гирихан. Кормильца! Он накормит тебя, жди.
Айши. А кто ж будет кормить? Конечно, он. Вы женитесь, отделитесь, а он со мной останется.
Гирихан. И накормит тебя, как тот дурачок из сказки. Оставили его дома с больной матерью, велели сварить кашу и покормить ее. Он так накормил ее горячей кашей, что она ноги протянула.

Все смеются.

Алихан. А ты умный? Да? Как же, ученым хочет стать.
Бекхан. (*Продолжает шутить*) Он ученым станет, ты «артистом, А кем же я стану? Так и останусь, наверно, возчиком.
Алихан. А ты - бригадиром трактористов. При твоей строгости.
Бекхан. Нет, я бы лучше стал врачом, чтобы узнать, чем дышит кое-кто, разглядеть нутро.
Алихан. Во-во! Это тебе подходит (*смеется*)
Бекхан. Нет, я и так вижу кое-кого насквозь. Я бы лучше прокурором стал.
Алихан. О! Тогда знаете, как он смотрел бы на людей? (*Пригибает голову, насупился, смотрит исподлобья*) Вот так. (*Все смеются*) А Гирихан, когда станет ученым, вот так будет ходить (*Сутулит спину, выставляет подбородок. Подносит к глазам воображаемые очки*). Сюда очки. Как в кино "Депутат Балтики".
Айши. (*Смеясь)* Вот похож на нашего соседа Эльбузара.
Бекхан. (*Качает головой*) Все, Гирихан, нам и сказать нечего.
Алихан, О! А еще про песни чуть не забыл. Иду я мимо школы, слышу поют. Ну и поют! Умрешь! (*Смеется, крутит головой*). Думал, волки воют. Заглянул в окно: дети, а Гирихан стоит у доски, тянет шею, как гусак.
Гирихан. (*Вскакивает*) Как бы я тебе не сломал ее! Шею твою!

Алихан. (*Отбежав, заиграл танцевальную)*
Бекхан. (*Гириханy*) успокойся шуток не понимаешь?
Гирихан. А зачем он врет?
Алихан. *(Продолжает играть. Входит Асолта. Останавливается, переводя недовольный взгляд с одного на другого. Алихан перестает играть*.)
Асолта. Весело увас. А почему никто не танцует?
Айши. (*Алихану*) Говорила тебе, играй тише.
Алихан. А что тут такого?
Асолта. А то, что не до веселья...
Айши. О, дела! Что случилось?
Асолта. (*Показывая пальцем на Бекхана*) У сына своего спроси.
Айши. (*В тревоге смотрит на Бекхана*).
Асолта. На отца вашего люди недовольны были. Почему? Потому что лез в чужие дела...
Бекхан. Он не терпел плохих дел.
Асолта. Ты-то что знаешь об этом?
Алихан. Кое-что знаем.
Асолта. А ты помалкивай, сопляк.
Алихан. (*хотел что-то сказать, но Бекхан поднял на него руку, чтобы молчал*.)
Асолта. Есть поговорка: "Убьют и не будут знать, кто убил". Вот так случилось и с вашим отцом, и не отомщен до сих пор. Неизвестно кому и мстить.
Гирихан. Отомщен. Трое сыновей встало на его место.
Асолта. О! Это в какой же книжке ты вычитал?
Гирихан. А разве не так?
Асолта. (*Подняв обе руки*) Я – двоюродный брат вашего отца. А родного брата у него нет. Значит я – дядя. Слушайтесь меня. Бекхан, ты почему ссоришься с Солебеком? Нельзя. Он старше тебя, и бригадир…
Бекхан. Потому и ссорюсь, что он бригадир.
Асолта. (*Грозя пальцем*) Не замахивайся ярмом, а то ударят занозой от ярма.
Бекхан. Пусть!
Асолта. (*Разводя руки*) Все! Мне и сказать не о чем. Айши, поговори сама с ним. (*Поворачивается, уходит*).
Айши. Он прав. Оставь этого Солебека. Почему не ладишь с ним?
Бекхан. Есть причина. (*Берет рубашку, которую Айши повесила сушить*).
Айши. Еще не высохла.
Бекхан. Я спещу.
Айши. Куда это на ночь?
Бекхан. В бригаду.
Айши. А я курицу хотела зарезать. Обрадовалась, что все трое дома.
Бекхан. В другой раз...
Айши. Нет, сейчас (*Отбирает рубашку*) Ну, идем, кто смелее.
Гирихан. Курицу резать? Бери своего кормильца. Он смелый на язык.
Алихан. (*Встает*) А ты и муху не убьешь. Жалко станет.
Бекхан. Нана, не надо сегодня, в другой раз... Завтра.

Айши. Не поедешь. Что у тебя за работа? Днем и ночью возишь этот бензин? (*Уходит в дом*).
Бекхан. *(Молча покрутил головой*).

Во двор входит соседка Халимат.

Халимат. Айши! Ва, Айши!
Айши. (*Останавливается*) А-а, Халимат...

Халимат подходит к ребятам. Все встают.

Халимат. И мальчики твои дома! Пусть сил у тебя всегда будут дома, пусть ни один из них не скроется из глаз твоих.
Айши. Спасибо, Халимат. Как хорошо, когда они дома!
Халимат. (*Садится*) Будут дома. Время сейчас мирное... А нам с Абукаром не подарил Бог ни сыновей, ни дочерей. А тебя он осчастливил. Люди завидуют тебе, Айши.
Бекхан. (*Шутя*) Нана, завидуют, говорит. Из-за кого? Из-за нас (*Снимает сапог, сует в него руку, потом ставит сапог, уходит в дом*)
Халимат. Благодари Бога, Айши. Знаешь, что говорят? Вчера вечером иду я по воду, стоят мужчины на углу улицы, слышу, один говорит: "Смотри, в люди вышли Усмановы сыновья. Один – учитель, другой – учетчик в колхозе".
Алихан. Это про меня, значит.
Халимат. А Бекхан, говорят, к Жамарзе подбирается.
Айши. Как это подбирается?
Халимат. Породниться, значит.
Айши. (*Удивленно*). Породниться? С Жамарзой?
Халимат. А что? Она красивая... Либи… Имя-то какое! Либи!
Айши. Разве Жамарза согласится на родство с нами? Куда нам тянуться до него?
Алихан. А не согласится, однажды ночью подъедем к его дому, (*Присвиснув*) и нет дочери Жамарзы.
Айши. Замолчи! Этого не хватало.
Алихан. Или увезем с поля. Она же ходит в поле на работу.
Айши. Я что сказала?
Алихан. Не насильно, нана, нет! По согласию, а она, я уверен, будет согласна. (*Вытянувшись во весь рост*). Чем мы плохи? Люди завидуют... (*Берет отложенный в сторону инструмент, начинает тихо водить пальцами*).
Халимат. (*Посмотрев на Айши, заметив перемену в ней*) А-а... я приходила попросить заявление написать.
Алихан. Это надо обратиться к Гирихану. Он у нас ученый.

Гирихан оторвался от книги, недовольно посмотрел на Алихана.

Халимат. Только вот бумажку забыла дома, где указано, кому, что писать.

Алихан. (*Вслед уверенно*). Приходите. Напишет он. (*Гирихану*) Да? Напишешь ведь?
Грихан. Только сперва распишу твою физиономию.

Айши возвращается. Из дома выходит Бекхан с молотком в руке, берет сапог.

Айши. *(Вырывая у него сапог*) Не поедешь?
Бекхан. Нана, да ведь работа…
Айши. А я вас еще детьми считала…
Алихан. Дети! Как же!
Бекхан. Ты о чем, нана?
Айши. Оставь дом Жамарзы. Тяни ноги по одеялу, говорят.
Бекхан. Да это сплетни...
Айши. Вот почему ты не бываешь дома по ночам.
Бекхан. Нана...
Айши. А сегодня не уедешь никуда: не пущу и все! (*Уходит. Бекхан уходит за ней. Тут же возвращается*).
Бекхан. Алихан, сыграй. Только веселую! Показывает ногу без сапога. Алихан бросает ему свою тапочку. Бекхан надевает тапочку вместо сапога. Снимает другой сапог, надевает вторую тапочку.
Бекхан. Вот так и играй. А я пошел (*Уходит*).

Затемнение

Айши. (*Зрителям*) Уехал он тогда. Не смогла я удержать. Да и поверила, что это просто сплетня. А вечером...

Возникает стык дорог и на ней два человека.

Солобек. Либи? Почему одна? Ждешь его?
Либи. Может быть и жду.
Солобек. Я. конечно, желаю тебе счастья. Я очень уважаю и почитаю твоего отца. Только не пойдет он на родство с ним.
Либи. О ком идет речь?
Солобек. О Бекхане. Будто не знаешь о ком. Хоть и давно это было, лет десять прошло, но Жамарза не может забыть обиду. Отец Бекхана тогда активистом был, ну, покопался в вашем дворе, запрятанное зерно искал. Ничего не нашел, конечно. Но отец твой затаил злобу.

Либи молча опускает голову.

Солобек. (*Спокойно*) Жамарзе, наверно, неудобно говорить тебе об этом… А я просто хотел предупредить тебя.
Либи. Спасибо! (*Уходит*).

Слышится стук подводы, Затем доносится "тпру". Появляется Бекхан с кнутом в руке. Смотрит туда, куда ушла Либи, потом – на Солобека.

Солобек. (*Ехидно осклабившись*) Бекхан... Предки наши говорили: "Убьет тебя тот, кого ты вскормил".

Бекхан. К чему это сказал?
Солобек. Я стараюсь делать тебе добро. Думаю, рано остались без отца, трудности пережили... А ты... Грязью обливал меня на собрании.
Бекхан. Я говорил правду.
Солобек. (*Оглядевшись по сторонам*). Не лезь в мои дела, в мое хозяйство. Оставь меня в покое. Или уйди из бригады.
Бекхан. Ты уйди!
Солсбек. (*Грозит пальцем*) Парень, я сдерживаю себя, и очень.
Бекхан. Да! Ты уйди! Не уйдешь, житья тебе не дам!
Солобек. (*Кивая головой*) А я еще на подводу тебя посадил. Сопляк! (*Уходя*).
Бекхан. (*Вслед*) А ты подлец!
Солобек. (Поворачивается, кладет руку в карман) Кто? Я?
Бекхан. Вытаскивай свое оружие! Не мужчина ты, если не вытащишь,
Солобек. Щенок! (*Приближается* к *Бекхану, держа руку в кармане*).

Выскакивает Либи с косой. Бекхан выхватывает у нее косу. Приготовился к обороне. Слышится стук подводы и чей-то крик. И Солобек, и Бекхан застывают на месте. Быстро входит Жамарза, становится между ними, расставив руки. Либи убегает.

Солобек. Жамарза? Как нехорошо. При тебе...
Жамарза. Что тут происходит?
Бекхан стоит молча, опустив косу.
Солобек. Да так,.. Слишком горяч… Твой будущий зять.
Жамарза. (*Окидывая Бекхана недружелюбным взглядом. Обоим*.) Горячность не к лицу мужчине. А теперь прощу вас пожать друг другу руки.
Бекхан исподлобья смотрит на Солобека.
Жамарза. Пожалуйста. Ради Бога.
Солобек. (*Пожав плечами*) Я готов... (*сделал шаг к Бекхану*).
Жамарза. (*Бекхану*) И ты…

Бекхан, тяжело ступая, идет навстречу Солобеку, протягивает руку, сам смотрит в сторону. И едва коснувшись руки Солобека, отступает.

Солобек. Да я ничего не имел к нему. Только предупредил. Чтобы не лез в чужие дела.
Жамарза. (*Окинув Бекхана тем же недружелюбным взглядом*). Верный совет. И еще. Не нужно лезть и туда, где тебя не ждут. Оставь нас в покое, не устраивай встреч с моей дочерью. Такие дела к хорошему не приводят. Надеюсь, понял меня?
Бекхан. Понял.
Жамарза. (*Солобеку*) Ты в село?
Солобек. Да.
Жамарза. Садись, вместе поедем.

Оба уходят. Стук подводы удаляется. Бекхан стоит, глядя им вслед. Выходит Либи.

Либи. О чем он говорил?
Бекхан. Кто?
Либи. Отец.
Бекхан. О тебе.
Либи. Что именно?
Бекхан. Чтобы я и думать не смел.
Либи. У него вражда к тебе. Из-за отца твоего. Двор перекопал, говорит, запрятанное зерно искал...
Бекхан. (*Решительно*) А я не отдам тебя никому.
Либи. (*Шутливо*) Я разве твоя, чтобы не отдавать меня?
Бекхан. Ты будешь моей.
Либи. Откуда такая уверенность?
Бекхан. *(Приложив руку к сердцу*) Отсюда.
Либи. Оно иногда обманывает.
Бекхан. Мое – нет. Ты в бригаду?
Либи. Да, останусь ночевать.
Бекхан. (*Показав на подводу*) Садись, подвезу!
Либи. Спасибо, пешком пойду.
Бекхан. (*Серьезно*) Боишься?
Либи. Чего?
Бекхан. Что увезу?
Либи. Не боюсь!
Бекхан. А если навсегда?
Либи. Тоже не боюсь.
Бекхан. Тогда садись.

Оба уходят.

Либи. (*Обернувшись*) Смотрите! Меня увозят! Слышите? Люди-и!

Затемнение

Во дворе Алихан сидит в майке, играет на пандуре. Возвращается Айши с кувшином на плече.

Айши. Вай! Вышел голый и с этой деревяшкой.
Алихан. Я не голый, а в майке, которую брат привез изгорода.
Айши. Развесил чуб. Когда-нибудь ножницы пройдутся по нему.
Алихан. А Гирихана ты не видишь? Он интеллигент. Да?

Выходит Гирихан.

Айши. У него не собачьи патлы, как у тебя.

Гирихан. Нана, дай позавтракать, спешу я.
Айши. Куда это, чуть свет?
Гирихан. В поле идем с детьми, кукурузу полоть.
Алихан. Бедная кукуруза. Страшный день придет для нее.

Айши с ножницами подходит к Алихану.
Тот убегает.
Появляется Халимат.

Халимат. Айши!

Айши останавливается, выходит навстречу соседке. Алихан возвращается уже в рубашке.

Айши. Так рано, Халимат?
Халимат. Корову выгоняла в стадо. Вы ничего не знаете?
Айши. (*Встревоженно*) Что?
Халимат. О Бекхане…
Айши. (*Вздрогнув*) О, Аллах! Что случилось?
Халимат. Успокойся соседка. Женился твой сын.
Алихан. Я же говорил! (*Хватает дачхан-пандар и заиграл быструю мелодию).*
Айши. (*Переводит дух, приложив руку к груди*)

Алихан продолжает играть.

Айши. (*Алихану*) Перестань.

Алихан прерывает мелодию.

Айши. На ком женился?
Халимат. На Либи, дочери Жамарзы.

Айши тяжело опускается на террасу.

Халимат. Радоваться надо, а ты…

У ворот появляется Абукар.

Абукар. (*Сходу жене*) Ты что, жена? Наш дом ведь вон стоит.
Халимат. Знаю, не заблудилась.
Абукар. А чего ж ты ни свет, ни заря?
Халимат. Бекхан женился.
Алихан. Так и пройдет слух по селу: " Бекхан женился, Бекхан женился".
Абукар. Женился? На ком?

Халимат. На дочери Жамарзы.
Абукар. Да будет их брак счастливым!
Айши. Если бы так!
Абукар. Ничего, Айши, все уладится. Дай знать родственникам своим.
Алихан. Самый главный родственник вон идет.

Быстро появляется Асолта.

Асолта. (*Сходу*) Да-а, послушался племянник меня! Уеду! Оставлю это село вам и уеду!

Все молчат. Асолта встал между ними, смотрит на всех.

Асолта. Где он?
Алихан. Бекхан? Женился.
Асолта. Женился? На ком?
Алихан. На дочери Жамарзы.
Асолта. Как?
Алихан. А так... Увез и все.
Асолта. Ну, Айши! Что скажешь теперь?
Айши. А ты? Ты же дядя.
Асолта. А он меня слушается? Я что ему говорил: не ссорься о Солобеком. А он, говорят, вчера драться к нему лез. С трудом разняли, уладили.

Айши молча опускает голову.

Алихан. И с этой женитьбой надо уладить.
Асолта. Как?
Алихан. Не отдавать же ее обратно.
Айши. (*Встает*) Конечно, не отдавать, пусть живет.
Асолта. А Жамарза смирится с этим? (*Ехидно оскалившись*) А чем будете расплачиваться?
Айши. Милости пойду просить. Надо переговорить с Камарзой. А это дело мужчин.
Асолта. Скаким лицом идти к нему?

Все замолчали, притихли.

Алихан. Чего мы траур устроили, эй? У нас же невеста!
Асолта. Играй. Танцы устроим.

Алихан хватает пандар, играет танцевальную.

Асолта. Вот-вот! Давай, давай (*Хлопает в ладоши*) Играйте, танцуйте! Радость пришла! (*Сердито махнув рукой, уходит)*.
Алихан. (*Перестав играть, пожимает плечами*) Не понимаю, почему не радость?

Сцена медленно затемняется, все уходят.
Из затемнения, Айши обращается к зрителям.

Айши. Вот так появилась у меня невестка. А Жамарза объявил, что на порог ее не пустит и сам не придет к нам. Старательная была она, трудолюбивая. И ласковая. Меня всегда называла наной. Как и сыновья мои.

Во дворе, перед домом, на зеленой лужайке, полулежит Алихан. Либи стирает. Алихан играет на дахчан-пандаре.

Либи. А ты хорошо играешь. Целый бы день слушала.

Алихан продолжает играть. Из дома выходит Гирихан, с портфелем в руке.

Гирихан. Когда-нибудь я сделаю дрова из твоего пандара.
Алихан. Либи, рассуди нас: дома мешаю, здесь мешаю. Где же мне играть?
Гирихан. Найди другое место.
Алихан. А мне больше негде, Я тоже имею равное право на этот дом. Хочу играю, хочу танцую.
Гирихан. Хорошо. Посмотрим, найдешь ты завтра свою деревяшку на месте или нет.
Алихан. И ты не найдешь свой портфель.
Гирихан. Что? (*шагнул к нему. Либи преградила ему путь*).
Либи. Не сердись на него.
Алихан. Либи, рассказать тебе притчу о портфеле?
Либи. Расскажи.
Алихан. (*Не решается, смотрит на Гирихана*).
Гирихан. (*С усмешкой)* Ну-ну, говори.
Алихан. Один парень не расставался с портфелем. Будто он у него к руке пришит. Спросят его: что в портфеле? Отвечает: горячие дела. Однажды взяли и проверили, что же это за горячие дела. И что же вы думали?
Либи. Что?
Алихан. Горячая лепешка! Пар идет.

Алихан и Либи смеются. Гирихан тоже пытается засмеяться.

Алихан. Может и ты утащил лепешку у мамы?
Гирихан. Та-ак… А я еще хотел оставить тебе этот портфель. Теперь получишь его!
Алихан. (*Продолжает смеяться*) А зачем он мне?

Гирихан. Ты же учетчик.
Алихан. Мои бумаги в карманах умещается. А нет – счетовод папку даст. (*Тихо заиграл*).
Гирихан. Можешь и громче, теперь все равно. Перебил занятие.
Либи. Прости, из-за меня.
Гирихан. Да это не первый раз. Как только сяду заниматься, так он начинает царапать ногтями эту деревяшку.
Алихан. (*Невозмутимо*) А ты не занимайся, когда я царапаю.
Гирихан. Постой, а почему ты дома? Еще только полдень.
Алихан. В правление надо было. К счетоводу. А он будет только после обеда.

Гирихан, вздохнув, садится в сторонке. Алихан заиграл новую мелодию.
Либи подходит, садится рядом с ним.

Либи. (*Прислушавшись*) Какая ласковая мелодия, я такую и не слышала
Алихан. Сам сочинил " Крики журавлей".
Гирихан. (*Усмехнувшись*) Очень похоже. Как-то, что они кричат "домой", «домой».
Алихан. (*Перестав играть*) Либи, ты слышала, как кричат журавли?
Либи. Слышала.
Алихан. Они же говорят: "ца", ца, ца", «домой», «домой» значит.
Гирихан. Что ж они, по-твоему, человеческий язык знают?
Либи. Они же, говорят, от людей произошли.
Гирихан. Кто это говорит?
Либи. Слышала я.
Гирихан. Неправда это.
Алихан. Ему разве докажешь?
Гирихан. (Машет рукой) "Домой, домой". Их дом и не там, куда они обычно улетают. Они туда на зимовку летят, в теплые края. В школе учился, и об этом не знаешь.
Алихан. Ты ведь не поверишь, пока в книге не прочтешь. Покопайся, может найдешь, пока журавли будут лететь.
Гирихан. Мечтательно Мальчик, когда будут лететь журавли, я уже буду в Ленинграде! Журавли полетят на юг, а я – на север.
Либи. Ленинград! Говорят, там красиво. Какой ты счастливый!
Гирихан. Счастливым буду, если поступлю в Университет.
Либи. А там на кого учиться?
Гирихан. Так же задумчиво. На ученого.
Алихан. Продолжает играть. На ученого! Чтоб узнать, куда летят журавли,
Гирихан. Не обращая на него внимания. Узнать откуда мы произошли, как жили раньше.
Либи. А там сколько лет надо учиться?
Гирихан. В Университете? Пять лет.
Либи. Пять лет? Ой-ой-ой!

Гирихан. Пять лет что? Чтобы стать ученым, много надо учиться,
Алихан. До самой смерти.
Либи. Тогда зачем и учение? После смерти?
Гирихан. Людям останется, Либи, то, что ты сделал. Человек должен оставить после себя что-нибудь. Николай Островский сказал: "Самое прекрасное для человека – всем созданным тобою служить людям и тогда, когда ты перестанешь существовать.
Алихан. А песни можно оставить?
Гирихан. Можно, только хорошие. Алихан, о, песен у нас хватает.
Либи. Спой одну. Тихонько.

Алихан начинает петь:

Ходит мать у печального дома,
На дорогу с надеждой глядит.
Не послышится ль голос знакомый,
Не появится ль воин-джигит.
Трех сынов на войну проводила,
Ни один не вернулся домой,
В память их три дубка посадила,
Поливала горючей слезой.
Слова Г.Ладонщикова

Либи сидит, как завороженная. Гирихан удивленно уставился на Алихана.

Либи. Так ты и песни умеешь петь?
Гирихан. Сам сочинил, что ли?
Алихан. Сам. Продолжает петь.

Наделила дубки именами,
Именами, что в сердце звучат,
Может быть под такими ж дубками,
Сыновья ее где-то лежат.
Много лет с той поры пролетело...

Прерывает песню.

Либи. Пой дальше.
Алихан. Нет, не хочу я оставлять такую песню.
Гирихан. А песня хорошая. Молодец!
Алихан. О! Похвалил, наконец.
Либи. Будь свидетелем.
Гирихан. Продолжай, братишка! Либи, я в школу, скоро вернусь,
Алихан. (Когда Гирихан ушел). Знаешь, Либи, а ведьу меня тоже есть мечта.
Либи. Какая?

Алихан. Только я молчу о ней,
Либи. Мне окажи. По секрету.
Алихан. (Горячо) Был я как-то в районе, на концерте. Артисты приезжали из города. Ансамбль называется... И с тех пор мне так хочется быть с ними! Чтобы оставить людям песни, надо ведь, чтобы люди слышали их. Правда?

Либ утвердительно кивает.

Алихан. А здесь кто их слышит?
Либи. Я буду слушать.
Алихан. Все равно уеду.
Либи. Уедешь?
Алихан. Только ты не говори матери. А то Гирихан уезжает и я,
Либи. Хорошо.
Алихан. И Бекхану не говори. Пока.
Либи. Хорошо. Зо двор входит Халимат, Либи и Алихан встают.
Халимат. Сидите. Живите долго, будьте счастливы. Алихан заиграл танцевальную. Халимат смотрит на него, потом пускается в танец. Выходит Айши.
Айши. Что это вы во дворе танцы устроили? Люди подумают, праздник у нас.
Алихан. А разве не праздник? Такая невестка, как Либи, разве не праздник?
Либи. (Застеснявшись) Ну ладно тебе.
Халимат. Ну, как невестка?
Алихан. (Опередив Айши) Смотри, нана, не захвали. А то знаете одной невестке свекровь часто говорила, чтоб долго жила, что так невестка потом сама стала говорить, обращаясь к свекрови, чтоб я долго жила, чтоб я долго жила.

Все смеются.

Либи. (Укоризненно смотрит наАлихана) Ну ладно тебе. (Уходит в дом).
Халимат. Айши, пологи мне рубашку Абукару скроить.
Айши. Идем. (Обе уходят). Слышится стук подводы. Алихан перестает играть.
Алихан. (Кричит в дом) Либи! Прибыл!
Либи. (Выходит). Кто прибыл?
Алихан. Кто прибил? Бекхан.
Либи. Опять шутишь? Не ожидала от тебя.
Алихан. Серьезно. В город заехал. Из-за дома появляется Бекхан, уходит в дом.
Бекхан. Съезжу, травы накошу, а то заедешь на ночь, лошадям задать нечего (Алихану). Пойди, скажи бочки. Они пустые.

Алихан отдает Либи дахчан-пандар, уходит. Бекхан выносит косу.

Бекхан. Коса такая, что и кашу не возьмет.
Начинает точить ее. Либи пальцами водит по струнам. Спустя немного времени. Не научиться ли хочешь?
Либи. (Отшучивается). На гармошке не сумела, может на ней удастся.

Бекхан. Попробуй. Может и получится. Будете играть по очереди; когда *Алихану* надоест, ты, а потом – он.
Либи. Смеется, бьет пальцами по струнам. У ворот появляется Солобек.
Либи. (Тихо) Этот зачем пришел?
Бекхан. (Не поднимая головы) Кто там пришел?
Либи. Вон тот.
Солобек. (Кричит) Бекхан! Подойди сада! Бекхан посмотрел туда, встает, приближается к нему.
Солобек. Почему подвода стоит во дворе? Чтоб за глазами? Скрыто?
Бекхан. Мне нечего скрывать.
Солсбек. А бочки с керосином не успел спрятать?
Бекхан. Снял, чтобы поехать корм привезти, чтоб лошади не стояли ночью голодные.
Солобек. Колхозные лошади должны быть в колхозной конюшне. Выгоняй подводу со двора. И бочки погрузи. Керосиновую лавку хотел открыть?
Либи. Да ведь бочки-то пустые. Как не стыдно? Бекхан молча смотрит на Солобека, не зная как дальше себя вести.
Солобек. А это мы проверим – пустые или нет. Хочет зайти во двор.
Бекхан. Солобек, уйди. По-хорошему.
Алихан. Пусть заходит, потом он не найдет ворот. Появляется Айши.
Айши. Бекхану. Опять ссоришься? Я что тебе говорила?
Солобек. Говори, Айши, хорошенько говори своему сыну. Нельзя так вести себя. Уходит.

Алихан грозит Солобеку вслед.

Алихан. Что ему надо?

Бекхан уходит во двор, берет косу в руки.

Бекхан. А ну, Алихан, играй! Да погромче.

Алихан играет, Бекхан точит косу.

Бекхан. А под музыку веселей.

Быстро входит Гирихан.

Гирихан. Еще не дойдя. Эй, кормилец! Почтальон говорит, письмо приносил. Утебя оно?
Алихан. Лезет в карман. У меня.
Гирихан. Чего же ты носишь его?
Алихан. Виновато. Забыл.
Гирихан. Давай сюда.
Алихан. Крутит в руке письмо. Станцуешь, отдам.
Гирихан. Ходит за Алиханом. Кому говорю? Давай письмо!

Бекхан. С места. Не отдавай, Алихан. Пусть станцует, Гирихан, Ну ладно, если хорошее письмо, то станцую.
Алихан. Проверим твою честность. Отдает письмо.
Гирихан. Из Ленинграда! И носит же в кармане. Быстро распечатывает, читает/ Документы получены, экзамены с первого... играй танцевальную!
Алихан, играет. Гирихан танцует. Бекхан хлопает в ладоши.
Сцена затемняется, затихает.
Айши. Обращаясь к зрителям, я была счастлива, жила радостью своих детей. А где-то уже надвигалось зло. Большое зло. Такое, что потемнел белый свет,..
Сцена освещается, музыка и танец возобновляется.

Вбегает Халимат

Халимат. Война! Война! Говорят.

Все умолкают

Все. Война? Какая война? Халимат. Герман напал,
Гирихан. Кто сказал?
Халимат. По телефону сообщили. Из района. Люди идут к сельсовету.

На миг все стоят воцепенении. Звучит мелодия. Затемнение. Пучок света выхватил Айши. Слышится мелодия "Три дубка". В стороне Бекхан и Либи. Некоторое время они молчат. Мелодия затихает.

Либи. Хорошо бы вместе с Гириханом.
Бекхан. Гирихан уже там. Первым ушел, добровольцем. А я ждал повестку, не хотел расставаться с тобой.

Либи молча посмотрела на него. Глядя ей в глаза. Ты ведь тоже не хочешь расстаться со мной… А?

Либи. Я об этом не думала.
Бекхан. И я не думал. Многие не думали. Наверно, никто не думал.
Либи. Гирихан так мечтал в университет поступить. А Алихан хотел артистом стать.
Бекхан. Либи, нана, добрый человек. Либи молчит. Не оставляй ее одну.
Либи. Нас будет трое.

Из дома выходит Алихан.

Алихан. На меня не рассчитывайте – я уйду на фронт.
Бекхан. Слышала? Разве удержите его?
Либи. Все равно будет трое. Понимаешь? Третий человек появится.
Бекхан. Взволнованно и растерянно смотрит на Либи. Назовите его...
Либи. Твоим именем назову. Бекхан. Не надо. Не принято у нас.
Либи. Похожее подберем на твое.
Бекхан. Так можно,
Либи. А если родится дочь?
Бекхан. Улыбнувшись. Вот тогда назови своим именем.

Либи. Нет, я дам ей самое красивое имя.
Бекхан. А твое разве не красивое?
Либи. Нет, по-моему.
Бекхан. Нет, красивое! Либи!
Либи. Глядя куда-то. А ночь становится все темнее и темнее.
Бекхан. Как та, когда я увез тебя.
Либи. Та ночь была ясная, небо золотыми песчинками усыпано. А сегодня пасмурно, мрачно и сурово.
Бекхан. Время суровое.
Либи. И долго оно будет суровое?
Бекхан. Да нет, быстро кончится. (Спохватился). Что это я наказываю: кому какое имя дать? Уверенно. Я вернусь до того времени.
Айши. Откуда вернешься? Очем ты говоришь?
Бекхан. С войны, нана.
Айши. И ты уходишь?
Бекхан. Да, нана.

Айши молчит. Слышится тихая мелодия. Либи уходит в дом.

Бекхан. (Подходит к Айши) Не переживай, нана. Кому суждено, тот вернется. Ну, а если не вернемся, что ж, один раз рождены, один раз умрем, говорят у нас. Но твои сыновья не будут выглядывать в окно, когда другие сражаются, и к врагу спиной не повернутся.

Бекхан обнимает мать, потом возвращается к Либи и они уходят вместе. Все уходит в затемнение, кроме Айши, которую высвечивает прожектор. Слышится та же мелодия, она усиливается.

Затемнение

Тот же двор. Айши сидит, глядя куда-то вдаль. Слышится тихая мелодия. Утро. Восход солнца. Оно еще не показалось, только на востоке алеет. Из дома выходит Либи.

Либи. (Удивленно) Нана, ты так всю ночь и просидела здесь?
Айши. Нет, спала.
Либи. Не спала.
Айши. А ты откуда знаешь?
Либи. Знаю. Я тоже не спала.

Пауза

Айши. Солнце всходит. Там, наверное, тоже всходит оно. А может ещеночь.
Либи. Где?
Айши. Там, где Бекхан и Гирихан. Спят или на ногах? Да и как им спать? На войне?
Либи. На войне тожеи спят, и отдыхают, все время не воюют.

Айши. Разве до сна там. Хоть бы письма присылали,
Либи. Бекхан написал одно и замолчал.

Выходит Алихан.

Алихан. Что вы тут разговор завели чуть свет?
Айши. О твоем брате говорим, который не пишет писем.
Алихан. Наверное, у него есть забота поважнее письма. Мама, грусть тоску, да горе приносит. Лучше дайте мне поесть. Как это один мюрид говорил: ставьте мясо, а то вон тамаду в сон клонит.
Айши. Поговорки у тебяза каждым словом.
Алихан. А это не поговорка. Собрались однажды мюриды на поминки. До седьмого пота исполняли обряд. Потом сели, начали разговоры разные вести. Тогда один из мюридов говорит: оставьте разговоры, ставьте мясо, а то вон тамаду в сон клонит.
Айши. Ты думаешь охота твои шутки слушать?
Алихан. Так вот как говорил тот мюрид, оставьте свои разговоры и дайте поесть. Мне некогда.
Айши. Сейчас соберемся. Мне тоже – в поле

Уходит в дом

Либи. Ты же говорил не идти тебе на работу.
Алихан. Я – в район.
Либи. В район? Зачем?
Алихан. А ты не скажешь матери?

Либи качает головой. Алихан наполовину вытягивает из кармана бумажку.
Либи. Повестка? Когда?

Алихан. Завтра. (Вздыхает) Завтра попрощаюсь с вами, Либи.

Либи утирает слезы.

Алихан. Ну вот! Если бы знал, и тебе не сказал
Либи. Брат мой тоже уходит.
Алихан. Да? Когда?
Либи. С тобой, наверно. Выходит Айши.
Айши. Говорят, нас опять берут на войну.

Алихан и Либи молча переглядываются.

Айши. (Алихану) Но ты не пойдешь. Хватит, двое ушли. Одному можно и дома остаться.
Алихан. Туда же каждый засебя идет.

Айши. Замолчи. Я все говорю: "Сынок, мой, кормилец мой". Если и ты уйдешь, то хоронить даже некому будет.
Алихан. О, нана, хоронить будет кому.
Айши. Я сказала, замолчи!

Быстро входит во двор Абукар

Абукар. (Еще издали) Айши, весточка есть, радостная! (Приближается, протягивает два письма-треугольника). Письма от сыновей твоих.
Айши. От обоих! Алихан берет письма. Либи забирает уАлихана одно письмо.
Алихан. Это от Гирихака.
Айши. Читай скорей.
Алихан. Читает. Вначале про себя, дальше вслух**.** "Как вы там живете? Смотри, Алихан, будь хозяином в доме". Ну да, думаешь я буду сидеть дома, (читает) "Не давай Нане тосковать" Ага. Попробуй, успокой ее и Либи...
Айши. А Бекхан чтопишет?
Либи. (Развернула второе письмо, читает) Это не от него.
Айши. А от кого же?
Алихан. А ну-ка дай мне.
Либи. (Отходит, не сводя глаз с письма. Вдруг у нее вырываются рыдания и она прислоняется к стене с письмом в руке)**.**
Айши. Что пишут? А? Либи молчит. Пытается сдержать рыдания. Алихан берет письмо, начинает быстро читать.
Либи. Нет, говорят, его!
Айши. Кого? Либи зарыдала.
Айши. (Берет у Алихана письмо, обессилев, опускается на корточки)**.**
*Абукар***.** Может, неправда, Айши. Быстро входит Асолта.
Асолта. (Сходу) А-а! Вот и получили удар! Разговор по селу ходит.
Айши. Какой разговор?
Асолта. Какой разговор? В тот день, когда началась война, Солобек приходил к вам?
Айши. Приходил. Ну и что?
Асолта. А то, что он увидел выгруженные Бекханом керосиновые бочки. О них знают и в милиции. Солобек сообщил. Но Бекхан быстро ушел на фронт и этим спасся.
Алихан. Он ушел защищать Родину, а не от солобековских разговоров спасался.
*Асолта***.** А ты стой и слушай старших. Или ты умнее меня?
Алихан. А тут большого ума не требуется.
Асолта. Нет, требуется, мальчик.
Алихан. Он защищает Родину.
Асолта. Нет! Я не могу с ним разговаривать. Он умнее меня. Я говорю, приходят во двор и доносят. Почему? Потому что даете повод для этого. Айши, я хочу, чтобы сыновья твои берегли честь семьи.
Алихан. Честь надо защищать там, (показывает пальцем) на войне!

Асолта. На войне – одно, а здесь – другое. Здесь надо жить так, чтобы на тебя не показывали пальцем.
Алихан. Постараемся...
Асолта. (Встает, разводит руки) Все. Мне говорить не о чем, Я же сказал, он умнее меня.
Алихан. (Вытаскивает повестку) Нана, все. Пришло и мое время. Я должен идти.
Айши. Должен идти? Куда?
Алихан. На войну.
Айши. Я сказала, не пойдешь! Двое ушли. Один совсем.
Асолта. Как совсем? (Смотрит на Айши, потом – на Абукара)
Абукар. Бекхан...
Алихан. Каждый идет за себя.
Айши. Нет! Все трое! Я пойду в район!
Алихан. Нана, я очень прошу тебя, не вставай поперек моего пути, (Прикладывает руку к груди).
Айши. Не только встану, лягу поперек, а переступишь, не будет тебе моего прощения.
Алихан. Ты хочешь, чтобы я уронил имя отца? Бекхан и Гирихан не уронили, а я?
Айши. Что я вас для войны родила?
Алихан. Нет, не для войны. Разве о войне мечтали мы? Но мы не можем сидеть дома, когда...
Айши. Вот так сказал и Бекхан, когда уходил (замолчала, тяжело вздохнула).

Алихан уходит в дом. На сцене постепенно темнеет.
Айши остается, прислушиваясь к мелодии. Тихо, печально поет пандар.

Айши. (Зрителям) Не принято у нас, когда траур, играть на пандаре. А он играл. Всю ночь слушала я его грустные мелодии.
Сцена медленно освещается. Алихан выходит во двор. Сюда же выходят Айши и Либи. Алихан нежно проводит по грифу пандара рукой, большим пальцем поочередно трогает все три струны. "Дзинь, дзинь, дзинь", - издают они.

Алихан. Повесьте его в крайней комнате, в Гириховой "школе". Многие песни там разучил я.

Айши принимает пандар. Либи выносит паласовую сумку, приготовленную Алихану в дорогу, всплакнув, припадает к его груди. Алихан обнимает и ее, и мать. Алихан уходит. Слетится мелодия "Трех дубков".

Затемнение

Часть вторая

Во дворе железная печурка, на ней – кастрюля.
Айши выходит с ребенком на руках. Сначала тихо, потом все громче доносится артиллерийский грохот.

Айши. (Зрителям) А война докатилась и до нас. Чужих сыновей приводила она в дом. Входит Халимат.
Халимат. Айши! Дома ты?
Айши. Заходи, Халимат,
Халимат. Думала, на работу ушла, на ток.
Айши. Либи пошла сегодня. А я с внуком осталась.
Халимат. (Вздыхает) Абукар чуть свет ушел на ферму, говорит, скот угоняют.
Айши. Куда?
Халимат. В другое место. Подальше от фронта.
Айши. Еще одного раненого солдата привезли. Занесли в Гириханову "школу", вся голова обвязана марлей, даже глаз не видно.
Халимат. Ой, бедненький
Айши. Молодой такой.
Халимат. А немцы – на хребте, говорят. Гороск заняли.
Айши. Не может быть! Тогда где же мои дети, если они здесь? Гирихан писал, что под Ленинградом. А Алихан? Он неизвестно где. Вчера привезли раненого, показался мне похожим на него. Либи говорит, тебе каждый солдат кажется похожим на него. Что ж он, был бы здесь, рядом с нами и не зашел, говорит? Кто знает, а вдруг... Не успел зайти...
Халимат. Всякое может быть, Айши. Ты знаешь, я видела, как прошли танки по верхней улице, и прямо – туда (показывает рукой). Ты же говоришь, на танке он, Алихан-то.
Айши. Да, писал, что на танке. Он это одно письмо только и прислал. Вчера видела его во сне: будто высунулся из танка наполовину и стреляет из автомата. Зачем из автомата стрелять? Ведь на танках, говорят, и пулеметы, и пушки стоят. Залез бы да стрелял. Танк-то, говорят ни пуля, ни осколки не берут. (Вздыхает) И когда маленьким был, играя в жмурки, высунется из своего укрытия и выдает себя. Бывало, крикну ему: «Спрячься!».

Выходит солдат, высокого роста, светловолосый. Одна рука забинтована, подвязана.

Айши. Этот встает уже, ходит.
Халимат. Дай им Бог здоровья. Бедные их матери, они ведь ждут их.

Солдат молча смотрит на женщин, понял, что разговор о нем.

Айши. На Гирихана похож... Гирихан, Вася (Потерла друг о друга два пальца). Тот понял, кивает головой.

Вася. Воды холодной надо, мать.
Айши. Шичас. (Подходит к кастрюле, наливает в кружку бульон, показывает солдату) Чорпа пей.
Вася. Нет, воды...
Айши. Чорпа пей (Показывает пять пальцев, затем четыре пальца. Обращаясь к Халимат) Как ему сказать по-русски, что в курином бульоне есть девять лекарств.
Халимат. Ох, не знаю, Айши.
Айши. (Снова показывает пальцы) Чорпа пей. Издорови. Издорови будит... Куриц еще резать будит...
Вася. Спасибо, мать. Воды дай, тряпку намочить.
Товарищу, приложить сюда (прикладывает руку на лоб).
Айши. А-а, шичас. (Берет кугман) Пайдем. (К Халимат) Я сейчас вернусь.

Уходит в дом.
Вдруг доносится страшный, вой мины, вслед за ним взрыв. Еще, еще взрыв.

Вася. Мины! Ложись!..

Айши возвращается, хватает у Халимат ребенка. Халимат какой-то миг стоит, не зная, что ей делать.

Вася. Гады! По селу начали палить!

Халимат убегает.

Вася. Куда? Ложись!
Айши. Халимат!

Взрывы участились. Айши и Халимат окажись в углу. Здесь же и Вася. Где-то совсем близко раздается сильный взрыв.

Халимат. Эйшша! Комната крайняя рухнула!

Вася убегает в дом.

Айши. Там же солдат! Раненый! (Кладет ребенка, убегает в дом. Взрывы, плач ребенка).

Вася выносит раненого.
Халимат берет ребенка на руки.
Айши выходит из дома с пандаром в руках. Бережно, как ребенка, несет она его. Звучит мелодия, а затем – песня "Три дубка". Песня обрывается. Вбегает Либи.

Либи. Нана! Вы живы! (Бросается к Айши, обнимает). Я так волновалась…
Айши. Вот и не стало Гириханової "школы".
Либи. "Школу" построим, когда они вернутся домой.
Айши. Вряд ли они вернутся. Страшное делалось сегодня. Там, где они, тоже ведь так.

Либи берет у Халимат ребенка.

Затемнение

Развилка дорог, что была в первой части. Дело к вечеру. Солнце низко повисло над землей. Солобек одиноко стоит уразвилки. Доносится артиллерийский грохот, изредка отдаленная трескотня пулеметов. Слышится вой самолета. Солобек опускается на корточки, в испуге смотрит вверх.

Солобек. (Довольный) Ихний. Пролетел. Слава Богу. А то, чего доброго, очередь даст из пулемета. Приняв меня за колхозника, работающего в поле. Хотя мне уже дела нет ни до поля, ни до бригады. Им, говорят, все разно, что солдаты на передовой, что колхозники на уборке. Не хотят видно, чтобы убирали хлеб. Не уберут – им останется.
Солобек. От кого-то увидел. Это – Айши. Она появляется на дороге. Солобек встречает ее.
Солобек. Добрый вечер, Айши.

Айши молча смотрит на него.

Солобек. Откуда втакое опасное время?
Айши. А тебе неизвестно, откуда? Бригадир! С тока иду.
Солобек. А сноху дома держишь?
Айши. Не твое дело.
Солобек. Сердишься на меня.

Айши молчит.

Солобек. Но у меня больше права сердиться. Твой муж ограбил мой двор, две подводы зерна забрал.
Айши. От кого прятал? От Советской власти?
Солобек. От кого бы ни прятал. Мое зерно. А сын твой – керосин. Колхозное, народное добро!..
Айши. Ложь! Клевета! (Хочет идти).
Солобек. (Преграждает дорогу) Твоему сыну лучше было бы в тюрьму попасть за керосиновые бочки. Там бы он жив, остался, а так…
Айши. Он не шкуру спасал. Мои сыновья воюют, а ты...
Солобек. (ехидно) А может он не погиб, а к ним попал. Может явиться вместе с ними. Вот тебе и шкура...
Айши. Негодяй! (уходит).

Солобек. (Опять преграждает ей дорогу) Айши, я мог бы не встречаться с тобой, не разговаривать...
Айши. А зачем разговариваешь? Где твоя совесть?
Солобек. Я не хочу женских проклятий. Особенно сейчас, когда наступает новое время.
Айши. Будь ты проклят! (Уходит).
Солобек. А я еще хотел помочь тебе (Айши оборачивается, хочет что-то сказать).
Солобек. Три сына на фронт ушло. А немцы вон – на хребте... В случае чего мог бы...
*Айши. (*Уходит, на ходу повторяет) Будь ты проклят! Будь ты проклят!

Солобек. Ну ладно! Мы еще поговорим с тобой! (Смотрит в другую сторону) А вот стадо показалось. Всегда по вечерам к ферме шла скотина, а теперь – от фермы. Все равно, что солнце взошло, на западе, а не на востоке. Точно конец света. Да, одному свету конец, а другой – наступает. (Уходит, задумав что-то).
Айши. (Зрителям) Не знала я, не думала, что через несколько минут на той же дороге появится мой сын. А случилось это вот так...

Сцена затемняется.

Когда сцена освещается, появляется Бекхан с винтовкой. Останавливается.

Бекхан. Та самая развилка. Такой же вечер, как и тогда. Либи! Как она там?
Появляется Абукар,
Абукар. (Не узнав Бекхана) Салам алейкум!
Бекхан. Ва алейкум салам, дядя Абукар!
Абукар. (Смотрит на Бекхана, не веря своим глазам) Бекхан! Неужели ты? А ну, дай я тебя потрогаю. (Проводит рукой по плечу)
Бекхан. (Обнимает Абукара) Не верите?
Абукар. (Тоже обнимая) Да ведь мы считали тебя погибшим.
Бекхан. А я вот он!
Абукар. Пусть продлится твоя жизнь. Теперь будешь долго жить. Как хорошо! А как Айши будет рада! Горюет она очень, Бумагу получили, что тебя нет, А ты есть!
Бекхан. Значит, похоронили меня?
Абукар. Знаешь, не верил я, и Айши говорил об этом. Бекхан, Что дома? Как живут?
Абукар. Живут ничего. Гирихан и Алихан на фронте. Айши и Либи дома. И Беслан с ними. Сын твой...

Бекхан застеснялся, покрутил головой.

Абукар. Либи дала имя. Говорит, похоже на твое. Ну, расскажи, как было дело, как жив остался, (садится у обочины). Присядем.
Бекхан. Да чего рассказывать... Был бой. Сильный. Много наших полегло. И я был сражен. Очнулся у них.
Абукар. У немцев?
Бекхан. Да. Чудом выжил. Два раза бежал. Первый раз неудачно, а второй раз кабардинка одна спасла. Прятала у себя, подкрепила. Недавно пробрался к нашим.
Абукар. Молодец!

Бекхан встает.

Бекхан. Пойду я, дядя Абукар! Всего два часа дали. Мы вон, в той балке, в лесу. Сегодня прибыли, может сегодня и в бой...
Абукар. (Тоже встает) Иди, Айши-то, может на току. Каждый день ходит. А Либи дома с малышом.

Бекхан уходит. Абукар, смотрит ему вслед. Сзади появляется Солобек.

Солобек. Абукар, заверни стадо
Абукар. Куда?
Солобек. На Ферму.
Абукар. Зачем? Чтоб врагу достался скот?
Солобек. Абукар, по-хорошему говорю с тобой. Не угоняй наш скот.
Абукар. Это колхозный скот.
Солобек. Нет уже колхоза. Конец ему! И власти Советской конец! Вон на хребте немцы. Окружили наши села. С трех сторон. Только одна дорога осталась. И ее отрежут не сегодня – завтра. Абукар! Власть одна уходит, другая приходит! А нам жить надо. Нам скот нужен. Если останется, то и нам будет, имбудет, тем, которых называем врагами. Они тогда будут хорошо относиться к нам...
Абукар. Ты враг, Солобек. Настоящий враг. Ты в спину бьешь…
Солобек. Абукар! Оставь свои разговоры, заворачивай стадо, или вон в ту балку. Слышишь?
Абукар. Подлец! вот когда я узнал тебя, (уходит)
Солобек. (Выхватил наган) Получай! (Грянул выстрел. Солобек роняет наган, хватается за руку, приседает). Появляется Бекхан.
Абукар. Бекхан?
Солобек. (Увидев Бекхана) А! Это ты, щенок! Но это еще не все, (тянется к лежащему недалеко нагажу. Но Абукар подскакивает, хватает наган) Так ты заодно с ним? Потертая овчина! Он-то за отца мстит, а ты?
Абукар. Как за отца?
Солобек. (Приподнимается, опираясь на здоровую руку (Бекхану). Но ты дорого... заплатишь за мою кровь. За то зло, которое совершил и собирался совершить. Надеялся, что колхоз развалится. Но он держится. Значит, надо, его грабить. Это же твои слова. Вот за что я тебя ненавидел.

Солобек. Проклятый выродок! Почему я тебя не убрал?
Бекхан. Негодяй! (наводит на него винтовку, но Абукар удерживает его). Ладно, он получит свое. За все.

Солобек отползает немного, затихает.

Абукар. Наверно, не выживет.
Бекхан. Только в руку... Сдать его нужно нашим. Машину бы остановить какую-нибудь. Эх, а домой не попаду. Время уходит...

Затемнение

Айши. (Зрителям) Я об этом ничего не знала. Услышала только спустя два три, что Солобека не то убили, не то ранили военные...

Во дворе Либи баюкает малыша.

Либи. (Обращаясь к ребенку на фоне мелодии пандара) Спи, мой птенчик, спи. Нам и без твоего плача нет покоя. Ты знаешь, есть на свете страшное слово: Война!, которая делает детей сиротами, матерей – вдовами, не дает любящим любить, разлучает самых близких. Может быть, ты вырастешь, не будешь знать этого проклятого слова. (Тяжело вздыхает, некоторое время молча баюкает ребенка).

У плетня появляется Жамарза. Останавливается, смотрит во двор, затем входит. Задерживается у самых ворот. Либи, увидев его, встает, в тревоге смотрит на него.

Жамарза. Подойди сюда.
Либи медленно подходит к нему.
Либи. (Тихо) Входи в дом.
Жамарза. Что там делать? И тебе...
Либи. Как?
Жамарза. Чего здесь теперь сидеть? Кого караулить?
Либи. У меня есть сын.
Жамарза. Ихний сын они, пусть сами и воспитывают.
Либи. Нет!
Жамарза. Ну ладно, возьмешь и его.
Либи в раздумье.
Жамарза. Азамат ушел на войну. Мать тоскует. Будешь жить с нами. А там будет видно.
Либи качает головой

Жамарза. Я давал клятву, что на порог тебя не впущу, И вот, решился нарушить ее. А ты...

Либи уходит к ребенку, берет его на руки, делает несколько шагов к Жамарзе. Из дома выходит Айши. Либи останавливается, затем быстро возвращается к Айши, всплакнув, припадает к ней.

Либи. Я тебя не оставлю, нана!
Айши. (Гладит ее по голове, по спине) Ну ладно, ну хорошо, доченька.

Жамарза тихо уходит. Звучит мелодия пандара. Во двор быстро входит Абукар. Айши. Абукар!

Абукар. (Сходу, радостно) Добрый вечер! Айши!
Айши. Вай, Абукар! А мы с Халимат переживали. Думали, случилось что-нибудь.
Абукар. До самого Дагестана пришлось гнать скот. Ох и измучился. Ноги не пойму: мои или чужие.
Айши. Я устала сегодня. На току была с утра, без передышки.
Абукар. Айши, а Бекхан приходил?
Айши. Бекхана? Как это он мог прийти?
Абукар. Да ведь я его видел.
Айши. И я видела его во сне.
Абукар. А я не во сне. Я •наяву. Вот, как тебя.
Айши. Где? Когда?
Абукар. Три дня назад. За селом, на развилке. Жив Бекхан, Айши!
Айши. Абукар, это правда?
Абукар. Вот мы с тобой сидим, разговариваем? Так же правда и это.
Айши. (Обрадованно) да неужели?
Абукар. Повзрослевший возмужавший такой…
Айши. Либи, Либи! Доченька... Слышишь?

Либи оцепенела.

Айши. Да как же это. Абукар? Абукар. Сейчас расскажу по порядку. Был бой, говорит. Сильный бой. Много полегло наших. И он был сражен, ранен, попал к немцам.
Айши. О, Аллах!
Абукар. Выжил. Бежал. Даже два раза...
Айши. Абукар, если это так, то почему он не приходит домой? Хоть на часок?
Абукар. Значит, некогда ему. А то, что я его видел, так же правда, как то, что мы о тобой разговариваем. Придет….
Айши. Радость-то какая!

Появляется Асолта. Он чем-то встревожен.

Либи уходит в дом.

Айши. (Асолте) Абукар принес радостную весть! Асолта. (Не поднимая головы) Айши, и до меня дошла эта весть. Она радостная и печальная,

Айши. (Переменившись в лице) Как? Почему?
Асолта. Потому, что твой сын застрелил невинного человека.
Айши. (Испуганно) Не может быть! Кого?
Асолта. Солобека!
Айши. Да его же военные, говорят...
Асолта. А твой сын кто? Я что говорил всегда? Виновен – мсти, как велит закон предков, не виновен оставь человека в покое.
Абукар. Асолта, Бекхан стрелял в Солобека не из мести. Он защищал колхозное добро. При мне было.
Асолта. (злобно) А почему не ты стрелял в него? Ты же охранял это добро.
Абукар. Опередил Бекхан меня. А поступил он так, как и нужно поступить с врагом.
Асолта. "Враг", "враг"! Слушай, мы не НКВД. Застрелил человека! А он, говорят, сказал: за мою кровь дорого заплатишь. Значит, объявят нам месть.
Абукар. Не бойся, Асолта...
Асолта. Что значит, не бойся? Что ты хочешь оказать?
Абукар. Ты бы оставил Бекхана в мертвых, лишь бы самому быть спокойным, лишь бы тебе ничего не угрожало.
Асолта. Абукар! Вон твой двор. А этот оставь.
Абукар. Я выполняю волю Усмана. Он просил, умирая, приглядывать за этим двором. А месть, если ее объявят, я возьму на себя. Можешь быть в стороне.
Айши. (Асолте) Вот так, всегда ты – в стороне!
Асолта. Айши, не вмешивайся в наш разговор.
Айши. Да, в стороне! Когда другие вон там, за селом, бились с врагами, ты сидел дома, выжидал. Моих сыновей ты толкал на месть...
Асолта. Я говорил, чтобы они берегли честь семьи, и ты хотела этого.
Айши. Они берегут эту честь! (покалывает пальцем на запад) Там, на войне! Откуда твой сын бежал!

Начинается минометный обстрел.

Асолта. (Оглядевшись вокруг) Айши замолчи!
Айши. Почему ты прячешь его?
Асолта. Иди! Донеси! Твой муж был доносчиком, сыновья тоже! Все вы – доносчики! (Уходит).

Вася и Рафик вносят во двор раненого солдата. Айши кидается к раненому, заглядывает, думая, что это ее сын. Показывает рукой на дом, дает знак, чтобы внесли в дом. Солдаты кладут раненого у входа в дом.
Вася. Контузило его. Мы придем за ним. Уходят

Айши. (Подсаживается к солдату, обращаясь к зрителям) Он долго не приходил в себя. Я смотрела в лицо этого мальчика и привиделось мне...

Прожектор высветил Алихана. Он в солдатской форме.

Айши. (Обрадованно) Алихан! Сыночек! Кормилец мой!
Алихан. Нала, а где мой пандар?
Айши. Дома. "Школу" гириханову, видишь, разрушило. А пандар твой цел. Ни одной царапины.
Алихан. Возьму его с собой.
Айши. А ты опять уйдешь?
Алихан. Уйду, нана. Война ведь не кончилась.
(Айши уходит в дом, выносит инструмент)
Алихан. (Осмотрел пандар) заиграл мелодию "Трех дубков». Поет вместе с Айши. Появляется Бекхан.
Бекхан. Играй веселую! для моего сына, только веселую!

Алихан заиграл танцевальную. Появляется Гирихан. пускается в танец, с ним и Айши. Слышатся звуки боя: взрывы, выстрелы. Видение Айши продолжается. Бекхан отбивается от наступающих врагов.

Бекхан. Нет! Не пройдете! У-у, гады! (В азарте боя) Получайте!
Айши. Танки! Бекхан, танки! Они идут на тебя!
Бекхан. А вон наши танки пошли! Сейчас дадут им!
Айши. Алихан! Смотри, вон Алихан. Стоит на танке и стреляет, Бекхан, скажи ему, чтобы залез в танк!
Бекхан. Хорошо, нана! Продолжает стрелять.

Бекхан, вдруг, подскакивает, хватается за грудь, выпрямляется во весь рост и падает. Видение Айши прерывается. Край неба медленно окрашивается в оранжевый цвет.

Солдат. Пить, пить,..
Айши. Шичас. (подходит к кувшину, чтобы намочить платочек, подносит его к губам солдата).

Из дома выходит Либи.

Либи. Нана, поспи хоть немного. Я посижу с ним.
Айши. Ничего, уже утро...

Либи берет у Айши платочек, подходит к солдату. Появляется Асолта, садится.

Асолта. Ну что, донесла на моего сына?

Айши не отвечает.

Асолта. А, Айши?
Айши. Совесть должна донести. Асолта, А-а, совесть! Мой сын ушел. На фронт, А ты донеси теперь на своего сына.

Айши в недоумении смотрит на него.

Асолта. Да-да! Бекхан - дезертир! Скрывается в лесу!
Айши. Мой сын?
Либи. Нет!

Айши бессильно опускается.

Асолта. Я что говорил всегда: не трогай людей, не лезь в чужие дела. Вот и сейчас - пришел ты домой, скройся, притаись и благодари БОГА, что тебе удалось спастись. Так нет! К Солобеку полез, Он-то и донес. Сказал, дезертира хотел задержать, а он мол выстрелил в меня.
Айши. Неправда! Клевета!
Асолта. Клевета! Клевета! А ты вспомни керосиновые бочки. Тоже неправда?
Айши замолчала.
Асолта. Вот так... Никогда не нужно показывать пальцем на других. Уходит.
Айши. Либи, мы с тобой ждем его домой.
Либи. Нет! Я не мог он совершить такое.
Айши. Отец приходил восне, был доволен; не уронили сыны чести моей, имени моего, говорил.
Либи. Подсаживается к ней, пытается успокоить ее. Нана! Не мог он пойти на такое.
Солдат. (Приходит в себя, открывает глаза) Где я? (пытается встать) Где я?
Либи. (Подбегает к нему) Лежите... лежите...
Солдат. Где я? А? (в той же тревоге) Кто вы?
Либи. Свои.
Солдат. (Приняв Либи за медсестру) А-а, сестричка! Дай воды.
Либи. Сейчас. Наливает воды в кружку, пострадавшего.

Солдаты возвращаются

Вася. Отбили гадов. (Подходит к раненому) Сашок, как ты? (Приподнимает его, тот присаживается) Сейчас подъедет машина, отправим тебя в медсанбат.
Рафик. Мать, дайте воды.

Айши подает воду. Она не сводит глаз с Васи, подает фотографию сыновей, показывает на Гирихана, потом на Васю.

Вася. (Улыбается, кивает головой) Смотри, Рафик, и в самом деле похож ведь на меня?
Рафик. Вроде есть немножко. (Берет дахчан-пандар, начинает настраивать).
Вася. Неужели сумеешь сыграть? на ней?
Рафик. Попробую. (Начинает играть. Полилась тихая, плавная мелодия),
Вася. Слушай, Рафик, у вас, у армян, бывает музыка кроме грустной, Ты и там, в блиндаже, на балалайке такое играл...
Рафик. (Не прерывая мелодии) Бывает, всякая. Вася. (Айши) Брат погиб у него. Всего неделя... Там, на горе.

Айши. (Глянула на Рафика, покачала головой) Парпал? (Показывает на фотографию, затем показывает три пальца). Не знай парпал, не парнал.
Вася. (Подходит к Айши, кладет руку на плечо) Держись, мать. Что поделаешь? Такая уж она, война. У меня фашисты убили мать. Мы тоже, скоро уйдем в бой и не знаем живы будем или нет.

Айши покачала головой, зацокала языком.

Айши. (Выносит низкий столик. Показывает на дом).
Шичас кушит будит.
Вася. Спасибо, мать, не надо. (Рафику). Такая добрая женщина. Кур резала, когда я лежал здесь раненый.
Рафик. (С благодарностью смотрит на Айши) Пусть твои сыновья вернутся домом (берет у Васи фотографии).
Вася. Все трое.
Рафик. Да, да. Пусть все трое вернутся. (Показывает три пальца) Показывает пальцем на фото. Как зовут? Айши непонимающе смотрит на него.
Рафик. Махмет, Ахмет...
Айши. (Догадалась, слабо улыбнулась, перечисляет имена сыновей) Бекхан, Гирихан, Алихан, Либи. Спроси их, может Бекхана, где встречали, может неправда, что на него возвели.
Либи. Конечно, неправда.
Айши. Ты спроси. Это же нетрудно.
Либи. (Солдатам) Просит узнать, не встречали ли ее сына. (Показывает на фото Бекхана).
Вася. (Задумывается) Да как будто... А разве он здесь воюет?
Саша. (Глядя на фото). И я что-то не припомню.
Либи. (Айши) Встречали, говорят.
Рафик.(По кивку Либи догадывается, что она сообщила Айши) Да-да! Герой ваш сын. Бьет фашистов вовсю.
Айши. Живой?
Рафик. Конечно. Скоро придет.
Либи. (Айши) Я же говорила тебе...
Вася. Мать! (Показав на себя и товарища) Вася, Саша, Рафик. Мы тоже твои сыновья. Хорошо?
Айши. (Закивала головой) Хорошо.
Вася. Мама наша.
Айши. (Приложив руку к груди) Нана.

Слышится гул и сигнал машины.

Вася. Прощай, мать!
Айши. (Спохватившись) Кушит? Шичас!
Вася. Спасибо. Некогда.

Уходят. Вася возвращается.

Вася. Дайте нам адрес.

Айши смотрит на него, не понимая.

Вася. Свой адрес.

Айши. Адрес? шичас. (Достает из кармана письмо-треугольник, подает).

Вася. Живы будем, после войны. А то может еще заедем.

Уходят. Айша машет им вслед.

Затемнение

Айши. (Зрителям) Больше они не заезжали к нам. Я уже и за них волновалась. Матерью ведь назвали. А сыновья мои, мальчики мои приходили по ночам. Во сне.

В стороне прожектор высветил Гирихана.

Айши. Гирихан! Входи в дом.

Гирихан. Нельзя мне, нана.

Айши. И твойотец приходил, говорил нельзя ему.

Гирихан. Скоро вернемся, совсем.

Айши. А Бекхан не приходит. Говорят здесь, в наших местах он. Абукар говорит даже, что видел его. Но я уже не верю. Наверное, в сырой земле лежит.

Гирихан. Нана, я ведь тоже лежу в сырой земле.

Айши. Как? А как же ты пришел?

Гирихан. Мертвые всегда приходят во сне живыми. Помнишь, ты всегда рассказывала нам, что отец приходил...

Айши. Помню, сынок. Он и сейчас приходит.

Гирихан. Он ведь приходит живым.

Айши. Алихан совсем не пишет. Не знаю, жив или нет.

Гирихан. Да вот он.

С другой стороны появляется Алихан.

Айши. Алихан? Сыночек мой! Живой!

Гирихан. Жив. Кормилец твой (Оба смеются) Накормит тебя, как тот дурачок из сказки. Оставили его с больной матерью, так он так накормил ее горячей кешей, что она ноги протянула. (Смеется).

Алихан. А Гирихан, когда станет ученым, вот так будет ходить. (Сутулит спину, выставляет подбородок. Подносит к глазам воображаемые очки) Сюда очки, как в кино... Городскую невестку привезет тебе. Он же поедет в Ленинград.

Гирихан. Да, как кончится война...

Алихан. (Гирихану) идем.

Айши. Так быстро?

Алихан. Скоро рассвет. А утром – в бой.

Гирихан. Ты не волнуйся, нана, мы вернемся!

Алихан. Конечно, вернемся. Идем скорей. (Оба уходят).

Видение Айши исчезает. Утро. Только что выглянуло солнце.

Айши. Солнце всходит. Какое оно красное! Каждый день льется людская кровь. Потому и красное. О, Аллах! Почему ты послал столько горя и мук? Не так давно лилась кровь вон, там, за селом. Тогда шел Деникин, а теперь, говорят, *Гитлер*. (Посмотрев на небо) К тебе обращаюсь: почему живут на земле злые, жестокие люди?

Во двор входит Жамарза. Он останавливается возле Айши, которая встает, соблюдая обычай, некоторое время молчит.

Жамарза. Слышал про Бекхана... Может неправда это. Как и тогда. Сообщили, что погиб, а он оказался жив.

Айши молча качает головой.

Жамарза. Крепись, Айши. Я тоже не знаю, жив мой Азамат или нет. С каких пор писем нет! Что теперь поделаешь? Будем делить горе пополам. Забудем то, что было между нами. Если понадобится что… какая помощь... пусть Либи приходит. Всегда. Твое горе и мое горе.

Вбегает Либи с письмом в руке.

Либи. Нана! Письмо от Гирихана!

Айши. Читай.

Либи. (Читает) "Здравствуйте, мои дорогие. Как вы там живете, как здоровье? Как мне хочется увидеть вас. Верю, что это произойдет скоро. Либи, не давай нане тосковать. А как там маленьким Беслан? Наверное, бегает уже или только ползает? Что пишут Бекхан и Алихан? Почему вы мне ничего о них не сообщаете? Может вы скрываете что-то от меня? (Прерывает чтение, чтоб одержать набежавшие слезы). Пишите правду. Либи... Дорогая моя женушка, береги нашего сына (эти слова вызывают у Либи недоумение, она их прочитала вполголоса, как бы про себя. А дальше громко). За меня не беспокойтесь, я чувствую себя хорошо, бьем врагов беспощадно, скоро совсем разобьем фашистов и вернусь к вам, дорогие мои, мама и . . .

Айши. (Останавливает Либи) Постой, постой. Мама? Он так не писал. (Либи удивленно смотрит на письмо). Гирихан так не писал.

Айши. (Берет письмо, вглядывается в него, показывает пальцем). Гирихан так не писал.

Обе отрываются от письма, глядят друг на друга, задумываются.

Жамарза. Может товарищ написал за него. Сам был занят и попросил товарища...

Айши качает головой.

Жамарза. Эх, Азамат, мой и такое не пишет. Хоть бы такое написал...

Во двор быстро входитАбукар

Абукар. (Радостно показывает газету). Смотри, Айши! Узнаешь своего Гирихана?

Айши молча уставилась на газету

Абукар. Слушай, что он пишет. Гирихан твой. (Читает медленно, почти но слогам). "Пока держат оружие наши руки, пока глядят глаза, пока дышим, мы не

отдадим города Ленина". Это он так пишет в газете. Слушай дальше: "Смерти не боимся, смерть мы победили..."
Айши. Нет!
Абукар. Как нет? Да вот же написано.
Айши. Опоздала газета.
Абукар. (В недоумении пожимает плечами) Ты о чем это, Айши? (Некоторое время все молчат).
Айши. (Посмотрев в сторону) Листья на деревьях начали желтеть.
Жамарза. Уже осень.
Айши. А журавли не летят.
Абукар. Война отпугнула, наверное,
Айши. Бывало, лягут вон там, на траву и смотрят, смотрят в небо на улетающих журавлей. Вот прислушайтесь, говорит Алихан: "Ца, ца,ца, домой, домой значит". А Гирихан передразнивает его: "Что ж они, по-твоему, знают человеческий язык?" В этом году и журавли не летят, и на траве никто не лежит.
Абукар. Прилетят, Айши, и журавли прилетят, и на траве будут лежать.
Айши. Собирайся, поедешь с Бесланом…
Либи. А ты?
Айши. А я здесь, дома останусь.
Либи. (Испуганно) Нельзя... Эти дни... Дальше еще страшнее будет... А если немцы войдут в село? Три сына ушло на фронт...
Айши. Сыновья погибли и я готова.
Либи. Тогда и я... Никуда не уйду, И я готова принять смерть.
Айши. А Бесслан? Ты забыла о нем? Нет, ты езжай, доченька. Ради него езжай. Пусть хоть он останется в живых.. Чтобы не пришел конец этому дому.
Либи. Вот и уедем вместе.
Айши. Либи, сноха моя дорогая, дочь моя, не смогу я оставить дом о закрытой дверью. Это очаг моих детей.
Либи. (Какое-то время молчит, потом всплакнув, бросается к Айши, припадает к ней). Нана! Я останусь с тобой!
Айши. (Гладит ее по плечу, по спине) Ну ладно, доченька, ну хорошо. Даст Бог все обойдется.
Либи. Я догоню отца, скажу, чтобы не заезжал за нами. (Отдает Айши ребенка, убегает).

Вдруг снова раздается свист мин.

Айши. (Кричит вслед) Либи! Вернись!

Либи останавливается. Совсем близко раздается несколько взрывов.
Либи вскрикивает. Падает.

Айши. Либи! (Подбегает к ней, опускается на корточки) Либи, что с тобой?

Либи. (Прерывающимся голосом) Все... Думала не оставлять тебя одну... А получилось вон как... (Протягивает руку к мальчику, который на руках Айши). Беслан…

Сцена затемняется.

Айши. (На освещенной площадке, на краю сцены) А вскоре и Алихана не стало. Сперва я узнала, что его наградили орденом, а потом пришла та страшная бумага. А на Бекхана после войны пришла бумага: "Пропал без вести". Наверное нет в живых. Был бы жив, пришел бы. (Слышится мелодия дахчан-пандара)
Айши, остались мы тогда вдвоем с Бесланом... Теперь он уже старше своего отца. (На сцену выходит Беслан, становится рядом с ней).
Мелодия переходит в песню:
Трех сынов на войну проводила,
Ни один не вернулся домой...
Айши. (На фоне песни) Забрала война. Всех троих. А почему? Почему забирает война наших сыновей?!
Беслан. Так было всегда, нана! Война сына не родила, воина сына взяла, говорили наши предки.
Айши. Кажется до сих пор слышу их голоса. (Оба прислушиваются).
Голос Гирихана. Мы вернемся, нана! И будет тихо, без воя мин, без взрывов. Люди будут ездить в поле, дети будут ходить в школу...
Голос Алихана. И журавли будут летать в небе. А мы будем лежать на зеленой лужайке во дворе и смотреть на них.
Беслан. Это жизнь. Они защищали ее, а наш долг – сберечь ее.
Айши. (Приложив руку к груди) Тревожно на душе: еще живет на земле зло, угрожает нашим сыновьям. Люди! Берегите наших детей, берегите жизнь!

Слышится мелодия песни "Журавли"

Гаглоев Владимир

СКАЗ О МАТЕРИ

Патетическая трагедия в трех частях

Матери, семи павших солдат Газдановой Тасо
светлой памяти посвящаю.

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Госема

Урузмаг

Хамыц

Ахсар

Ахсартаг ее сыновья

Сослан

Батрадз

Ацамаз

Залда

Лариса

Дзанатхан

Салимат невестки

Налкута

Фардыг

Азау

ДУДУ

Дади – ее сын

Тега – старшина села

Алан – внук Госемы

Косерхан

Автор

Голос

Люди

Действие происходит в 1941-1948 гг.

I.Шла война народная.

1. О, люди добрые, мы вас любили сыновьей любовью! Перед занавесью.

Автор. О, люди добрые, поэма эта – не плод фантазии моей. Она из пламени боев родилась. Ее печальные мотивы мать осетинка, а траур облачась, в душе израненной по ниточке соткала и в назидание оставила потомкам. Семь добрых молодцов, семеро орлов улетели с гор Осетии и в бой пошли за жизнь, против чумы, и в страшной схватке головы сложили. (Из таинственной иссиня-голубой мглы встают призраки семи погибших солдат, стоят рядом по старшинству безмолвно). Призраки вместе. Семеро братьев было нас, семеро солдат. Отец и мать нас именами добрыми назвали.

Урузмаг. Меня Урузмаг звали,– я старший был из братьев.
Хамиц. Меня же звали Хамиц,– я младший Урузмага брат!
Ахсар-Ахсартаг (вместе). Мы двое были близнецы и имена нам Ахсар и Ахсартаг дали.
Батрадз. Я уродился сильный, крепкий телом, потому меня Батрадзом назвали.
Сослан. Себя в обиду этакий не даст, родители мои так посчитали и назвали меня Сосланом.
Ацамаз. Самый младший, в детстве был плаксив, родители мои уверовали, что с возрастом меня прославит голос. Поэтому Ацамаз назвали.
Вместе. Мы на земле Осетии родились. Госема-мать вскормила нас своей грудью. Ночей не досыпав у колыбели нашей. А повзрослев, расправили мы крылья и ввысь взлетели как орлы. Когда отечество позвало нас, мы смело с недругами в смертный бой вступили.
Сослан. Когда один из нас в бою неровном падал...
Ацамаз. Другой рвался вперед.
Вместе. Но не один из нас не дожил до победы. Дорога к ней горячей кровью нашей обагрилась...
Урузмаг. Как трудно было умирать. Кому не хочется пожить в стране родной привольно, но нам дороже жизни оказались: Осетия, народ и вы Отечества сыны!
Хамиц. Рассветные в горах мы как любили зори.
Ахсар. И пенистые вод хрустальных водопадов.
Ахсартаг. Любили мы в высоких травах светлую росу, и блеянье овец на склонах гор, вершинами своими уходящих в синеву небес.
Батрадз. На горных пастбищах любили мы послушать песню пастуха и созерцать как жадно поглащают сочную траву неисчислимые колхозные отары.
Сослан. Любили песни гор и величавый старый симд!
Ацамаз. О, люди добрые, любили вас любовью мы сыновьей, и жизни наши отдали мы вам.
Автор. Все отдали! (народу). Чтобы жили вы... Чтобы над нами небо голубело.

Чтоб детский смех и речь родная в ущельях не смолкали никогда. Чтоб мир от мора и страданий спасти. Чтоб у родителей не гибли сыновья-юнцы на поле брани. Чтоб жили вы, смеялись, торжествуя, вкушая вдоволь вольной жизни.
Призраки. (вместе). В горах Осетии оставили мы мать родную, сгорбленную страданием и горем и просим вас, о люди добрые.
Урузмаг. При встрече с нею шапки вы снимайте и поклонитесь низко.
Ахсар. И вместе нас почет воздайте ей сыновий.
Ахсартаг. Пусть на земле Осетии не предадут забвенью песню ту, что в бой звала нас. Ее вы пойте дружно. Она вам к счастью светлый путь укажет.
Батрадз. На торжествах победных добрым словом вы поминайте наши имена.
Сослан. Любимые, оставшиеся в горе, коль счастье новое себе найдут, – любовью и верностью высушите им слезы!
Ацамаз. Ровесники мои, вас здесь немало в этом зале. Запомните, в сердцах своих о нас вы сохраните память, о нас, о братьях семерых. Таких же гордых, как и вы... Вы любите, а мы недолюбили... Мы шли к победе, истекая кровью, багровый след, оставив на земле... Мы пали. Все же гнев наш не истек. Он с каплями крови горячей нашей впитался в глубь земли. А дух наш, как живой.

Читает над землею.

И никогда мы не простим тому, кто дом родной забыл. Мы пали из-за вас, так сохраните то, что отстояли мы и землю наших дедов и отцов. Пусть песня вечной жизни и любви всегда звучит над детской колыбелью.
Автор. Война окончилась. Давно ушли в историю те кровавые и огненные годы... Но мать и по сей день лишь на Востоке рассвет забрезжит, с высоты дозорной смотрит на дорогу... Смотрит и ждет... Авось, да кто-нибудь из семерых вернется (в это время на заднем плане сцены вспыхивает луч света. Рядом с сияющим лучом появляется Госема. На ней белоснежное одеяние. Прямо, медленной походкой идет к лучу. Входит в него). Она опять явилась! Не в трауре по сыновьям, а в белом облачении, в отместку злой судьбе своей. (Сыновья поворачиваются к матери и становятся перед ней на колени).
Госема. (Взошла на холмик и, скрестив руки на груди, окинула взором ущелье). И нет опять сегодня вас... вы снова не пришли. Неужели вы позабыли мать свою?.. О, Урузмаг, о сердце ты мое! Мой первенец, мой старший сын. Провожала в дальний путь, просила оберегать братьев.
Урузмаг. Твои заветы свято выполняя, я младших братьев оберегал, но ты прости меня, родная, что к родине любовь сильнее оказалась твоих наказов материнских...
Госема. Хамыц, мой сын, ты с книгами был неразлучен, ты с ними даже ночью не прощался. В Москве учиться ты хотел, а возвратился мужчиной. На будущее планы строил и мечтал...
Хамыц. С цветами были схожи вы, мечты мои... Но только распустились лепестки... Зловещее вас опалило пламя, а остудил хлад сырой могилы.

Госема. О, близнецы мои, Ахсар и Ахсартаг. Ахсар, мой сын, тебя, бывало, издали я сразу различала средь прочих косарей по свисту резному косы. Никто не смог с тобой сравниться. Теперь коса твоя ржавеет под навесом... И копны сена, что скошены тобою, еще лежат, смытые дождями.
Ахсар. Я сено не успел в стога сложить, но на краю луга за меня его сложили другие.
Госема. Ах, Ахсартаг, с душою чистой, как у ребенка. Ты так любил детей, что по утрам веселым гулом наполняли классы.
Ахсартаг. Любовь большую к детям в душе моей ты зародила мать, тебе за это сын твой благодарен.
Госема. Батрадз, мой сын, ты с детства любил военные забавы». Тревогой за тебя мое наполнялось сердце.
Батрадз. О, мать любимая, никто из сыновей твоих не оказался трусом.
Госема. Сослан, душа моя, ты и ночами свои трактор без, устали вперед...
Сослан. Мой конь стальной вонзал плуг глубоко в землю. Грустит он поныне о всаднике лихом.
Госема. А младший сын мой Ацамаз... Ужель его я голос не услышу... Хоть бы он, один из семерых, остался у очага родного.
Ацамаз. Подобно братьям по полям сражений, мать, я честно долг свой исполнял.
Госема. Нити сердца моего, как капли дождевые исчезли где-то в трещинах земли. Где мне искать вас, сыновья? Куда идти за вами, если бы могла, собрала бы вас как зернышки, развеянные ветром, и перенесла бы вас к могилам предков. Мир как безмолвен?..
Автор. Сыны твои из когтей смерти вырвали тишину и принесли тебе ее, как дар навеки.
Госема. Я не для смерти – для жизни вас растила. И даже сон ваш мирный в сердце мне вселил тревогу. Теперь вы спите тихо, мирно, кротко. О, как бы я хотела обратиться в пух, чтоб устилить им ваши изголовья!
Автор. Осталась ты одна на целый дом, без сыновей, И семь невесток влетели... Всего лишь день, словно пташки одни, полюбили вместе. Затем отправились мужчины в бой жестокий... С тех пор их жены и не дождутся, днем ищут на земле, а ночью в небесах. И следуя по их следам, места сражений посещают... (неожиданно появляются семь женщин, семь невесток).
Невестки (вместе). Вы нас оставили в тревоге и слезах. Мы, семь невесток, здесь томимся в горе.
Залда. Скала несокрушимая, Урузмаг, оставил ты мне дочек малолетних, я воспитала их. Теперь они уже большие стали и счастье обрели свое. А я вдова печальная, дни и ночи тоскую безутешно по тебе.
Дзанатхан. Хамыц, ты свет очей моих. Твои мечты сегодня стали болью. Электростанция, в которую вложил ты дар души своей и разум, вступила в строй. Ущелье наще сегодня ярким светом озарилось.
Хамыц. Спасибо, родная, благодаря тебе моя исполнилась мечта, я голову свою перед тобой склоняю. Теперь спокоен я. Ты счастлива, я знаю.

Азау. О, Ахсартаг, твоей любовью были дети. Мы утрам даем два зонка – один для учеников, второй в память о тебе.

Лариса. Батрадз, надежд моих твердынйя, после брани навеки нас с тобой разлучило. Домой вернулась я колекой. С той поры я смерти объявила бой жестокий. И веяний раз, когда из лап ее когтистых мне удается вырвать жертву, говорю я... Семь жизней подарила я Батрадзу.

Батрадз. Тебя искал я на полях сражений, и в поисках дошел до самого Берлина. Всего два шага мне не хватало для того, чтобы увидеть день победы. Я был сражен пулею врага.

Лариса. Был сын у нас, Алан, но и его военный ураган умчал на черных крылях и где-то обронил в краю беввестном.

Салимат. Сослан, мой сокол, песню ты любил, ты песней звонкой сердце опалял мне. Та песня улетела, а сердце разбитым осталось.

Сослан. Гибнет человек, но песня остается жить, живет и песнь моя. Живет! Звучит она теперь в устах другого. Прислушайся. Она сердца людские исцеляет...

Фардыг. Ацамаз, жизнь моя, боялся я, что дедовская сказка оборвется. И кончилась она...

Ацамаз. Эх, как коротка была сказка нашей большой любви!

Невестки. (Вместе). Любили вас любовью безграничной! Наши жизни принадлежали вам. А нас война навеки разлучила.

Госема. О, жестокая печать, о, горе, вы сердце мое истерзали, оставьте хоть на миг меня, чтоб вспомнить я смогла самый счастливый день своей жизни. (Сыновья внезапно уходят и исчезают невестки. Рядом с матерью остается автор).

Автор. Притихла природа, в ущелье замерла река, вековые горы подобно седобородым старцам перед матерью-горянкой сняли папахи! Уймись и ты, ветер шалый, мать вспоминает дни своего утраченного счастья.

Госема. Я младшему из сыновей, Ацамазу в этот день справляла свадьбу, народ созвала я на пир (свет убавился).

2. Как коротка была ты, сказка.

(Двор. Гости с подарками сходятся по одному).

Госема. Хотела бы я для вас в луч света обратиться, сельчане, воздавшие присутствием своим мне счастье. В долгу я буду перед вами неоплатном.

Дуду. Пусть счастье вам невестка принесет любовь. В согласии проживайте жизнь.

Госема. С весною будьте счастливый и вы.

Дуду. Девушка прекраснейшая в мире в твой дом невесткою вошла. Ее лицо небесный излучает свет.

Госема. И тебе достанется такая, прекрасным в мире счета нет.

Дуду. Бог проклял сына моего, его обходит счастье стороной (появляются старики).

Тега. Гъей-гъей, Госема, к тебе большое счастье привалило, так покажи себя. Пускай завидным будет жребий ваш!
Госема. Пусть пожелания ваши Господь Бог услышит. (Появился Урузмаг). Урузмаг, сын мой, почтейнейшие старики ущелья удостоили вас чести, зови же их к столу.
Урузмаг. (Пожимает старшим руки). Пожалуйста, почтенные сходите и будьте украшением свадебного пира, (вводит стариков, из кладовки с подносами. Выходит Залда и Лариса).
Госема. Невестки ненаглядные, я вам, а вы гостям почтение воздайте...
Залда. Не беспокойтесь, все сделаем, как надо.
Госема. (Ларисе). Ты отдохни, ведь, только что с дороги, а мы гостей в обиду не дадим.
Лариса. Нет, нет! Как же это так? Неужели в такой день я буду отдыхать, когда невестки остальные прислуживают гостям.
Госема. Да светит тебе солнце. Пусть будет ваша жизнь прекрасна и отрадна. (Невестки уходят). О, господи, если кто счастлива из матерей, то это я. Слов нет, чтобы высказать всю радость... Мне выпало счастье быть матерью семерых сыновей, каких не встретишь в сказке. О, люди добрые, кого лишь только держат ноги, вдова младшему из сыновей справляет нынче свадьбу и всех на пир вас приглашает. (Косерхан из зала быстро выходит на сцену с подарками. Под мышкой – шаль).
Косерхан. Несчастье на мою голову, кажется я опоздала (издали). Госема, моя милая, скажи, уже сели гости за стол?
Госема. Да, пир в разгаре, к женщинам пройди. Косерхан. Спасибо, дорогая, я иду (вместе с подарками вошли в дом. Показался Батрадз в форме старшего лейтенанта).
Батрадз. Мать, старики к тебе меня паслали, зовут тебя к столу.
Госема. Иду, иду. Танцуя, появляется Сослан, в обеих руках – турьи рога. Хамыц с чащей, полной пива. За Хамыцем – с шашлыками Ахсар и Ахсартаг. Хамыц поет.)
Хамыц. Когда почетный бокал семи братьев преподнесу я старшим, когда они произнесут свой тост и обойдет бокал весь круг сидящих, Сослан, ты танец на носках станцуешь на столе. Когда же я песню затяну, Ахсар и Ахсартаг, вы подпевайте мне. Батрадз, ты будешь начеку, чтобы бокалы были полны. Давайте песню! (Сослан пустился впляс, другие запевают и так уходят. Дзанетхан, Налкута и Салимат выводят из дома Фардыг).
Фардыг. Оставьте же меня, прошу вас, к людям не ведите.
Дзанетхан. Фардыг, чего стыдишься, все ущелье пришло порадоваться твоему счастью. Поднимают тосты, чтобы ты была счастлива.
Фардыг. Я как во сне... Такое счастье даже мне не снилось...
Налкута. Нас было шесть сестер. Теперь Фардыг седьмая появилась.
Фардыг. Сестрой вам младшей буду... Мне кажется, как будто я вошла в ворота сказочного замка... И я боюсь, что сон мой оборвется. Вас всех благодарю за

доброту и нежность, вам оплатить сполна я постараюсь. (Появляются Залда и Лариса).
Залда. Сейчас начнутся танцы, и мы должны все станцевать.
Фардыг. (Залде). Простите мне, лишь об одном я попрошу. Я вам наряды принесла. Мать наказала мне... Так сделайте милость их наденьте, и закрутитесь в них вы в пляске огневой...
Залда. Спасибо за подарки. В согласии живи с другом, Ас, до старости глубокой. (Остальным). Невестки, слышите, что просит младшая от нас? Идемте же и нарядимся. (Вошли в дом. Дуду ведет вдребезги пьяного Дади, слышится бодрая застольная песня)
Дади. (Бьет себя в грудь). О, как смогли меня опередить и привести такую дивную невестку! Где были вы, мои глаза?
Дуду. Красивых много есть на свете, на ней свет клином не сошелся. Теперь, самую красивую тебе мы приведем. Пошли домой.
Дади. Что ты прилипла? Пусти меня, авось достанется еще мне рог вина.
Дуду. Ты вдоволь уже набрался. От тебя несет, как от кувшина. Иди вперед, я – следом за тобой.
Дади. Уйти? Не посидев еще, обидятся хозяева.
Дуду. Да будет проклят день, когда на свет ты божий появился.
Дади. Я заявление не подавал, чтобы ты меня родила.
Дуду. Довольно. Трогайся!

Появились Ацамаз и Сослан.

Сослан. (в руках – рог и кувшин). Аца, постой-ка! Где это слыхано, чтоб женихи не пили. Держи, чтобы тебе неладно было! Люди пируют на свадьбе твоей, а ты постишься что ли?
Ацамаз. Сослан, мне ничего не надо...
Сослан. Не будь упрямым, а то намну тебе бока. Держи ка рог. Он смелости, поверь, тебе придаст. (Отдает ему рог).
Ацамаз. Мне кажется, будто весь мир в арфу превратился, я проглотил ее. В груди моей она звучит сегодня неуловимо.
Сослан. И я когда-то, как ты, был тем же болен. Давай-ка пить. Сейчась не до тебя мне... (осмотрелся по сторонам). Никто чтобы не заметил (выпил). Больше я тебе не предлагаю. (Ушел).
Ацамаз. Узнать бы, где теперь Фардыг? Наверное, в платье подвенечном стоит, стыдливо очи потупив (заплясал).
Появилась А з а у. *(смеясь)*. Один ты что ли из людей женился?
Ацамаз. (смутился). Прости, уж больно радость мною завладела.
Азау. Я понимаю...
Ацамаз. Азау, прошу тебя, дай на красавицу взглянуть хоть раз, ее твои подружки окружили и к ней не подпускают, ни на шаг.
Азау. И не проси... Не отдадим ее тебе сегодня...
Ацамаз. Азау, не обижай меня.
Азау. Скромности тебе немножко не хватает...

Ацамаз. Ну, будь, добр, дай хоть мелком взглянуть мне на нее.
Азау. Ну, хорошо. Но только чтоб никто вас не увидел. (Вошла в дом. После паузы выходит с Фардыг).
Азау. Фардыг, постой немножко здесь. А я вернусь сейчас же.
Фардыг. Не оставляй меня одну.
Азау. (Лукаво). А ты не будешь здесь одна. (Ушла).
Фардыг. Ну что замыслила она...
Ацамаз. (выходит). Фардыг...
Фардыг. (вздрогнула). Аца? Что делаешь ты здесь? Мне неудобно, нас увидят вместе.
Ацамаз. Фардыг, дай только раз взглянуть мне на тебя.
Фардыг. Аца... Мне кажется, что слушаю отцовскую я сказку, и скоро-скоро кончится она.
Ацамаз. Не сказкой, нет, легендой станет моя к тебе любовь большая (появилась Госема, увидя их, остановилась).
Госема. Дети мои, сердца моего отрада. Говорите, говорите друг другу сладкие слова, вместе с вами отныне счастлива и я. Мешать я не собираюсь вам, нет, нет... О, святая Мария, мой дом ты щедро одарила счастьем (на цыпочках вошла в дом).
Фардыг. Аца, милый, уходи...
Ацамаз. Дай наглядеться на тебя (появилась Азау). Хватит вам. Сюда идут (уводит Фардыг в дом. Появляется молодежь, над Ацамазом подшучивает).
Ахсар. Джигиты – молодцы! Пора уже украсить пир нам танцами. (Заиграла гармошка. Веселье началось, с песней выходит Косерхан, Видно, что она пьяна).
Косерхан. (поет)

Мы пируем, веселимся,
Ой, урайда, ой!
Кто не пьет, зачем явился,
Ой, урайда, ой!

Эй, кто из вас тут самый смелый, пусть потягается со мной! Я покажу ему, на что я способен! (выскочил в центр круга). Эй, парнишка, что застыл на месте, стоишь как пень...! Живей давай, живей! (Танцует, появились старики).
Тега. (Урузмагу), Вы брату свадьбу справили на славу, хвала вам и почет (из дома выходит Госема).
Госема. Пусть Бог дарует всем вам счастье и удачу... Вы мне почет большой возздали, так будьте счастливы и вы.
Тега. Госема. ты подстать мужчине, седую голову перед тббой склоняю. Семерых орлов взрастила ты, желаю счастья им, благословляю.
Госема. Слов не хватает мне, красиво говорить я не умею. Что мне сказать вам, люди добрые? Я счастлива. Сегодня свершились все мечты мои. Я не в обиде на бога... (утирает слезы).
Тега. Сынок, неси скорей рога (Батрадз протягивает старшим по рогу). Да будет

вечным, о, Всевышний, родство Харзойти с Ахсарати.
Молодежь. Аминь.
Тега. Да принесет невестка счастье в дом...
Молодежь. Аминь!
Тега. Пусть женщина, переступив сегодня порог дома Ахсарти, достойна будет уважения всего ущелья!
Молодежь. Аминь!
Тега. Да пусть она умножит род!
Молодежь. Аминь!
Тега. Дай бог, чтобы поросль была густая, росла, пуская корни в землю глубоко. А ну-ка, молодежь! (передал рог юноше). А теперь пойте, пляшите, веселитесь, сегодня радостный день. Госема, будь добра, станцуй-ка с сыновьями!
Госема. Давно не танцевала, боюсь, что разучилась (Заиграла гармошка).
Госема вышла танцевать. За ней семеро ее сынов с семью ее невестками, звучит чудесная музыка. Бьют в ладоши. Госема на вершине своего счастья. Не успел окончиться танец, как на сцене появляется глашатай).
Глашатай. О, люди добрые! Веселье прекратите! Я вам принес черную весть. Фашисты лютые на нас напали, и началась священная война. (Гармонь умолкла. На танцевальной площадке замерла Госема с сыновьями и невестами.)
Госема. О, горе мое, хотя бы обождал немного, не омрачал веселья, пока не завершили танца мы.

3. Семеро орлов вылетели из родного гнезда.

Автор. Матери не суждено было довести танец до конца. Черные тучи затемнили солнце! На полуслове оборвалась песня, надолго умолкла гармонь... Ночь угрюма и тревожна... Поздний час, но село не спит. Мужчины поспешно в путь-дорогу собираются. В каждый дом ворвалось горе, осело грузно возле очага. Сегодня мать со счастьем распростилась. Сегодня начала она из нитей сердца своего ткать горестную быль, *(автор уходит. С лучом света появляется Госема.)*
Госема. О, святая Мария, ты щедро мне дарила благодать, но этой темной ночью все отняла жестоко. Последний раз детей я вижу в сборе, последний раз с рассветом уйдут они в дорогу. Вот во дворе стоят они сейчас. Любимым женам сердечно что-то шепчет
(Луч света отводится от Госемы и падает на правый уголсцены. Хамыц и Дзанатхан).
Дзанатхан. О, время, время, как ты быстротечно! Мне кажется! как только расцветает, на землю с неба солнце упадет и за тобой покатиться по следу.
Хамыц. (Пауза). Хотя бы электростанцию успели мы достроить.
Дзанатхан. Сейчас не до нее нам будет...
Хамыц. Когда вернусь, мы все начнем сначала...
(Свет переместился. Ахсар и Налкута).
Налкута. Как быть, как жить мне без тебя...

Ахсар. Нет. Слез не надо, ты терпи и жди меня, и я вернусь обратно.
Налкута. Боюсь я за тебя... страшно мне.
Ахсар. От страха средство есть. Закрой глаза и про себя тверди: "Ни волка не боюсь, ни медведя не боюсь". И страх тебя покинет. Тем временем войну закончим, и я к тебе вернусь.
Налкута. Смеешься надо мной...
Ахсар. Нет, нет, моя отрада. Страх надо победить, чтоб сохранить любовь и будущее наше. (Пауза). Гляди, какой на склонах травостой.

(Свет перемещается дальше. Ахсартаг и Азау).

Азау. Промчатся месяцы, придет сентябрь. И без тебя я переступлю порог школы.
Ахсартаг. Природа создала цветы, чтоб землю украшали, чтоб радость людям доставляли. К чему же сбагрятся они горячей кровью человека? (Свет переместился дальше. Батрадз и Лариса).
Лариса. Мы зря замешкались.
Батрадз. Хотел уйти, но мать...
Азау. Что будет с мамой и Аланом?
Батрадз. С собой забрать бы надо их.
Лариса. Кто бы мог предугадать такое.
Батрадз. Лариса, дорогая, сама ты понимаешь... Война тяжелой будет. А на поле брани – раны, кровь и стоны. Прошу тебя.
Лариса. Не надо...(Свет переменился. Сослан-Салимат).
Сослан. Работа кажется веселой, когда я слышу голос твой. О, ненаглядная, в предчувствии разлуки, ты песню спой...
Салихат. Ах, сердце разрывается на части, а ты про песни...
Сослан. Что стоит жизнь моя без песен?... Если по весне цветы не зацветут, то знай, что песня кончилась моя. (Свет переместился в другую сторону. Ацамаз и Фардыг).
Фардыг. Боялась я, конец наступит сказке и то, чего страшилась, - свершилось. Не дали мне ее дослушать до конца. Проклятье злому року.
Ацамаз. Фардыг, дорогая, средь шумного веселья похитили у нас с тобою радость.
Фардыг. Аца, мой свет, короткой оказалась сказка (Свет убавился. Спустя немного, стало слегка светлеть. Братья вместе).
Урузмаг. Аца, мой брат, не дорог был день твоего веселья. Прости. Отчизна-Мать зовет тебя в дальний путь.
Хамыц. Урузмаг и Ацамаз, пока останетесь вы здесь.
Ацамаз. А почему на нас пал выбор?
Хамыц. Урузмаг старше, а ты младше всех. Призыву возраст ваш не подлежит. И наша мать. Ей трудно будет... пока при ней побудьте, и ваш черед наступит.
Урузмаг. Братья мои, после отца хозяин в доме я. Как старший к вам я обращаюсь. Было бы лучше всем уйти нам вместе. Но верно говорит Хамыц. Не скоро кончится война. И мы пойдем за вами следом. Дай вам бог живыми возвратиться с поля брани. Но войн без жертв и крови не бывает... И если кто-

нибудь из нас все же не вернется к очагу родному...
Хамыц. То остальные братья пускай, жену его сестрою называют и, облегчив страданья ей и горе, в ее судьбе горячее участие примут.
Ахсар. На сенокосе мы бывали вместе, братья. И я прошу вас; если кто-нибудь из нас падет, его косу храните и не дайте ей заржаветь. Пускай она в руках живых пройдет, по росистым травам звеня о нашей юности и славе.
Ахсартаг. Когда кончится война, когда согласие и мир придут на землю, давайте каждый год сходиться в отчем доме, чтоб поминать того, кто пал в огне сраженья.
Батрадз. Отцовский двор был нашей колыбелью. Здесь крылья обрели мы и как птицы взмыли ввысь. На нем следы остались наших ног, его мы детским смехом оглашали. Давайте же условимся: кто первым возвратится в этот двор, пусть назовет его он именем того, кто больше не вернется в дом родимый.
Сослан. О том из нас, кто смерть найдет в бою, пусть песню остальные братья сложат. И пусть она и в радости, и в горе звучит как память светлая о павшем.
Ацамаз. И я хочу сказать (неожидано появилась Госема.)
Госема. Скажу я за тебя. Родимые мои, ваш разговор я слышала, и слово каждое ловила жадно, теперь послушайте меня. (Показывает). Глядите – вот тот клочок земли, который стоил крови.
Ахсар. Стоил крови? Чьей крови мать?
Госема. Крови вашего отца...
Яхсар. Как это понимать?
Госема. Отец и я бедствовали долго. Всю жизнь мечтал отец ваш о клочке земли, и мечта его осуществилась, недолго вкушали мы плоды счастливой новой жизни, однажды ночью богачи напали на него. И в грудь кинжал ему вонзили. Обливаясь кровью, на землю опустился ваш отец. Когда пришел в сознанье, зажал в ладони горсть земли, политой кровью, и с трудом дополз до дома. Врагу пусть испытать придется то, что испытала я, его увидев! Протянул он руку правую ко мне и сказал последние в жизни слова: "Сохрани вот эту горсточку земли, ее для сыновей своей купил я кровью. Когда сыночки подрастут, скажи им от меня, чтоб никому ее не отдали на поруганье". С тех пор ее я сохранила и сейчас вам в руки отдаю. Берегите ее как зеницу ока. И, если потребуется, защитите ее своей кровью!
(Свет убавился. Поют петухи. Где-то душераздирающе завыла собака. Рассвело. С улицы донесся шум. Появляется автор).

Автор. Ночь тревожная прошла! Последняя ночь, последние напутствия. Сейчас село зашевелится и славные сыны Осетии умчатся по тревоге! (Неожиданно с улицы доносится песня). Эй! эй! Песня об отваге и мужестве предков ущелья огласила! Эй! Эй! Верная чума, с гор Осетии идут на тебя отальные ее сыны, и судьба твоя предрешена! (Ушел из дома, выходит Госема. За ней сыновья и невестки),
Госема. Ну, милые мои, вы отправляйтесь в опасный путь и долгий. Что Вам сказать – счастливого пути и счастливого возвращения домой. (Сыновья

прощаются с матерью, невестки – с Ларисой).
Госема. (Обнимает Ларису). Счастливого пути, невестка. Прошу тебя доставь сюда Алана и мать свою.
Лариса. Спасибо... постараюсь... До свидания!
Госема. Идите же. Но не так, – с песней! Отец ваш в дальний путь всегда пускался с песней. (Сыновья запели песню о Файмуразе). Да будет вам сопутствовать в пути святой Георгий, верней, покровитель путников.

4. Когда один из них падал, другой рвался вперед.

Быстро идет Косерхан. Шаль – под мышкой, в руке – бумага.

Косерхан. Госема! Госема!
Госема. Ах, что Косерхан, что случилось?
Косерхан. Радостная весть! Мужик мой отличился. Смотри-ка, орден ему дали (показывает).
Госема. Да пребудешь ты в радости всегда, и вернется путник твой здоровым, невредимым. Ну, что он пишет?
Косерхан. Чудеса, чудеса, чтоб не жить мне: в разведку, говорит, ходили, немецкого офицера, говорит сцапали и, говорит, через линию фронта на спине его тащил. Боже мой, как это он его тащил-то, поясница ведь у него как болит... Так беспокоюсь я о нем. Как бы не заболел. Сколько раз твердила ему, – не таскай тяжести и вместе того, чтобы послушаться, тащил какого-то ищака на спине.
Госема. (смеется). Видимо, так надо было, не зря же орден-то дали.
Косерхан. (гордо). Да, да, разве не удивительно, столько лет прожили вместе, состарились, а я не знала, что он герой. Думала, что он только и умеет, что водку пить. Зачем только я ругала его, чтоб умереть мне! Вернулся бы он ко мне живой, бросила бы его в бочку с водкой.
Госема. Ха-ха-ха! Говоришь, а опять пожалела бы для него стопку.
Косерхан. Что ты говоришь, чужой он мне, что ли. С тех пор, как он ушел, я не гнала араку! Корыто рассохлось. Как увижу, сердце разрывается, любила его больше жизни.
Госема. Кого? Мужа или корыто?
Косерхан. Да пропади это пропадом, вот с мужем бы увидеться. Но страх меня берет... Видела сон я, будто он вернулся... С какой-то женщиной. И меня он прогнал, боюсь, вдруг окажется вещим мой сон... (протяжно запричитала).
Госема. Ну что ты разревелась... Он в тебе души не чает.
Косерхан. Любит? Он говорил тебе об этом?
Госема. А ты сама не знаешь разве?
Косерхан. Хотя зачем мне его любить... Лишь бы сам вернулся. Ну, прости, я еще кому-нибудь расскажу о своей радости (убегает, шаль выпала из-под мышки).
Госема. (Ей вслед). Косерхан, шаль твоя! Бедняжка, готова летать от радости (взяла шаль и пошла за ней. Сразу появляется Урузмаг. За ним Ацамаз, с косами за плечами).

Ацамаз. Скажи, Урузмаг, что случилось, почему ты до конца на южном склоне не скосил траву?
Урузмаг. Я страшную услышал весть... Боюсь сказать тебе...
Ацамаз. Скажи мне что случилось?
Урузмаг. Погиб Ахсар...
Ацамаз. Что ты сказал мне, Урузмаг! Значит... Ахсар... Плачет.
Урузмаг. Крепись. Не надо слез! Надо мстить! Сегодня же иду и я.
цамаз. Ацамаз, ты куда?
Урузмаг. Один из братьев пал в бою, другой обязан пойти на место павшего.
Ацамаз. Ты здесь нужней, на фронт отправлюсь и я.
Урузмаг. О, нет, первым должен идти старший. Потребуется, и ты пойдешь сменить кого-нибудь из нас.
Ацамаз. А, горе мне сдавило грудь, пылает гневом сердце. Прошу как старшего брата, уступи мне дорогу.
Урузмаг. Гневом ты не победишь врага. Надо иметь горячее сердце и холодный рассудок.. Аца, за старшего останешься ты в доме. Смотри же, будь мужчиной (появилась Залда).
Залда. О, боже, чего же вы так рано? Еще не время оставлять работу. Что случилось?
Урузмаг. Не удивляйся нашему приходу. Иду на фронт, жена.
Залда. (обмерла). Уж больше года я боялась, что произнесешь ты эти страшные слога и вот ты произнес. (Ацамаз ушел).
Урузмаг. Трудно там приходится нашим братьям...
Залда. А как же буду я одна, без тебя?
Урузмаг. Я знаю, будет нелегко тебе, но все ж прошу: крепись, терпи, не падай духом.
Залда. Легко сказать.
Урузмаг. (обнял ее). Сколько уж лет живем мы вместе... И никогда я не мог сказать тебе об этом, что в сердце у меня. Язык был каменным.
Залда. Знаю я, что хочешь ты сказать...
Урузмаг. Лишь об одном прошу я. Куда иду, ты знаешь. Я, как бы ни была моя дорога...
Залда. Не надо... (показалась Госема).
Госема. (Поняла намерение сына). Значит, и ты уходишь?
Урузмаг. Да, ухожу, настало время, мать. Пера идти.
Госема. (Сдерживает себя). Раз настало, я не могу сказать "не уходи". (Залда). Иди, собирай его в дорогу. (Залда ушла. Гладит голову Урузмага). Материнскую любовь впервые к тебе я испытала. После гибели отца и горе, и радость с тобой я делила. Когда на семь частей я хлеб делила вам, ты долго не съедал и, разломав опять на семь кусков, младшим братьям отдавал. Ложился ночью позже всех, а утром раньше всех вставал. Пока ты был со мной, спокойно, почему-то, было мое сердце. Но что со мною будет без тебя теперь?

Урузмаг. Мать, если когда-нибудь будет трудно, вспомни случай: мальчишкой был я, и с тобой вместе с равнины хлеб на себе тащил. Обессилев под тяжестью ноши, упал посреди дороги. К груди своей прижала ты тогда меня и сказала: "Держись сынок, братишки с голоду, неверно помирают. Лишь мы с тобой спасти их можем. Какая-то сила поставила меня на ноги. Я полз, карабкался превозмогая слабость, и наконец достиг вершины горной. Посильны человеку и трудности, и горе.

Госема. Нет выбора, мой сын, придется все перенести. Зайдешь домой, я в путь благословлю тебя. (пошли в дом. Идет Косерхан, что-то высматривает).

Косерхан. Вот невезенье, шаль куда-то подевалась. Подарок мужа. (Опираясь на две палки, появляется Дади).

Дади. Что ты ищешь?

Косерхан. (Увидела Дади). Помилуй, господи, Дади! (Разглядывает его).

Дади. Чего уставилась, потеряла что ли такого как я...

Косерхан. На каком фронте ты был ранен?

Дади. Там, где отец Готтыр воевал. У домашнего очага.

Косерхан. Ты, значит, пролил кровь за Родину у очага родного и орденом из теста позволь мне наградить тебя!

Дади. Ты только весела сегодня...

Косерхан. А почему не быть веселой! Мой муж не так как ты коптится дома. Смотри-ка вот! Герой! Тра-та! Тра-та-та! Однако надо шаль найти, герой вернется мой и задаст мне тра-та-та! Черти что ли ее проглотили! (Ходит, посматривая вокруг).

Дади. Герой! Из товарищей никто кроме меня, в деревне не остался. В школе я не мог на них равняться, да и теперь опять в хвосте остался. Тьфу, я сам себе противен. Друзей я обогнал лишь в пьянке. Напиваюсь так, что и дворняжки стыдятся на меня залаять. До жизни этакой зачем я докатился. Мать моя Дуду! Во мне души не чает, один я у нее. Мне б пищу сытную, красивую одежду. Сыр мне, себе – похлебку! Мне курятину – она же глотает кости. Я праздно время провожу, она трудится постоянно. Да! Она так хочет! Люблю я тебя, единственного сына. А та любовь здесь в глотке у меня застряла. Но с ногой неладно что-то. Я повредил ее изрядно захмелев на свадьбе у Аца, – с тех пор никак зажить не может, хоть времени прошло не мало (со стороны слышится крик).

Дуду. (в сторону). Да-да, что, Дади, где же ты?

Дади. Видите? У овцы овечка заблудилась.

Дуду (появилась). О, господи! О, боже мой, зачем ты встал с постели?

Дади. Ну, ну, держи меня, иначе я сбегу, и что тогда с тобою станет!

Дуду. Если что с тобой случится, я брошусь в пропасть.

Дади. Что надо от меня?

Дуду. Всегда будь рядом, чтоб я смотрела на тебя, дыхание твое, слова твои, чтоб были мне слышны. Ты свет моих очей, частица сердца моего ты.

Дади. А сыновья Госема по-твоему не от матери родились, куски скалы?

Дуду. У Багиан семеро детей, хоть один останется при ней. Пошли домой, родной

мой. Шашлык готов уже для тебя. И водочки я раздобыла.
Дади. А что отраву для меня не принесла?
Дуду. О горе мне. Так дует. Простудишься и рана воспалится.
Дада. О, бедная моя ты голова. Как здесь могу я простудиться. Под солнцем плавится земля! Оставь меня, иначе тут же растянусь и отдам богу душу.
Дуду. Тьфу, тьфу, не говори такое. Разгневишь бога.
Дади. Я начинаю злиться... Начинаю злиться. Берегись, возьму я в руки палку...
Дуду. Пошли, пошли, родной. Гляди, уходят люди на войну и многие уже не возвратились. Заберут тебя – останусь одинокой.
Дади. Не только на войну, отправился бы я в ад, избавиться бы только от тебя.
(Уходят. Появилась Госема, за ней Урузме, Ацамаз и Залда).
Урузмаг. С невестками еще бы повидаться.
Ацамаз. Ушли они на сенокос. До вечера сюда не возвратятся.
Урузмаг. Не медли с сенокосом. Не возметесь дружно, помешают вам дожди. Ну, я пошел. Счастливо оставаться.
Госема. Счастливого пути, мой сын... Да бережет тебя ангел-хранитель!
Ацамаз. Я до райцентра довожу тебя.
Урузмаг. Не надо. Возвращайся в поле.
Госема. (Залде). Ты проводи его.
Урузмаг. Счастливо оставаться. (Собирается идти).
Госема. Нет, нет мой сын, уйти ты должен с песней, как братья младшие твои. Или с женой никак не можешь ты расстаться?
Ацамаз. Мать!
Госема. (Ацамазу). Спой с ним и ты, пусть знают люди, что из дому Харзойти еще уходит один путник.
Урузмаг. (Через силу поет. Ацамаз подхватил песню. Урузмаг и Залда уходят. Ацамаз хочет идти, Госема его удерживает).
Госема. Сынок, гляди в глаза мне прямо и скажи: когда ты пел, зачем дрожал твой голос? Зачем поспешно так собрался ты в путь, Урузмаг?
Ацамаз. Мне с братом трудно было расставаться...
Госема. Нет, нет! Не отводи глаза. Ты с детства не умеешь лгать.
Ацамаз. Мать, не надо было песни.
Госема. Почему же?
Ацамаз. Ахсар...
Госема. Что Ахсар? Что с ним случилось?
Ацамаз. Погиб в бою...
Госема. (затряслась). Сын мой!.. Пошатнулась).
Ацамаз. (схватил ее). Мать!
Конец первой части

II. Жизнь – на волоске (Жизнь – на лезвие ножа)

5. Свинцом кипящим горе влилось в душу.

Сенокос. Слышатся возгласы косарей. Появляются Тега и Госема. На руках Тега – коса, а у Госемы – грабли.

Тега. Эй, держись Фардыг, Налкута догоняй!
Госема. Смотри, смотри! Коси поосторожней! Тому-то впереди, косой охватит ноги! Косами взмахивайте разом!
Тега. Да насладишься ты своих невесток счастьем, – они ж мужчинам не уступят в ловкости и силе.
Госема. Врагу достанутся пусть их несчастья. (присела на камень).
Тега. Что пишут сыновья?
Госема. Нет никаких вестей. Как пень сырой без пламени от страха тлею, но высказать всю боль души не смею. И слезы горькие сочатся не из глаз, а из глубин сердечных...
Тега. Держи себя в руках, крепись! Согнешься ты, и младших сносит горе.
Госема. Я это знаю. Горечь, что проглотила я, в груди кипит расплавленным свинцом и обжигает душу… Креплюсь... Но сколько может длиться все это?
(Появились Фардиг и Налкута с косами).
Налкута. (Тега). Пожалуйста, косу мне отточи.
Тега. Ану-ка! (Смотрит косу). Вот те на, стала как пила коса. Говорил же я, коси поосторожней.
Налкута. Стараюсь я, но все же...
Тега. Наточу как бритву, а ты тем временем холодной принеси воды.
Налкута. (Взяла кувшин). В мгновенье ока буду здесь.
Фардиг. Налкута, давай сходку я за тебя....
Налкута. Нет, я сама.
Фардиг. Нет, нет, устала ты, немного отдохни (взяла у нее кувшин и пошла).
Налкута. (грустно). Жалеют все меня, С него бы это? (Присела рядом с Госема). Мать, спросить об одном хочу я. Зачем все так жалеете меня? Зачем мне уделяют внимания больше чем другим?
Госема. (ласково). Приятно мне, что всеми ты любима. Что тут плохого?
Налкута. Уже больше года от Ахсара нет вестей...
Госема. Ну что ж из этого. Хамиц и Ахсартаг ведь тоже давно не пишут.
Налкута. Сколько ж можно ждать?.. Госема. Что делать нам, невесткам. Судьба видать, у женщины такая.
Тега. Готовы наши косы.
Налкута. Спасибо (взяла косу и ушла).
Тега. Бедняжка, эх, сердце ей подсказывает что-то. Неспроста она печальна.
Госема. Слаба она, боюсь, не перенесет ужасной вести, (ушла. После паузы появляется Фардиг).
Фардиг. Нет больше сил несчастье видеть. Налкута, обрушилось на нее горе, а мы

скрываем от нее удар судьбы, на миг для себя такое представлю, и сердце рвется на куски. Что было бы, коль стали б от меня весть страшную таить? Нет, нет!
Не вынесла бы я такого (присела на горку и грустно поет). Тревога страданья закралась в душу. Себе не нахожу я с ночи места. Что может значить сон, который мне приснился? (Появился Ацамаз с косой. Поднял кувшин, который Фардиг поставила под деревом и жадно пьет),
Ацамаз. Пусть проживет не менее ста лет, кто принес кувшин воды дилодной мне.
Фардив. Принесшая кувшин, не согласится прожить хотя бы больше часом того, кто воду пьет сейчас.
Ацамаз. С тобою жить. Фардиг и тысячу лет мне будет мало. Но почему ты так грустна, родная.
Фардиг. Да так...
Ацамаз. Нет, нет, скажи...
Фардиг. Сон страшный видела я ночью. Как будто всадник, истекая кровью, заехал к нам во двор. С собою посадил тебя он рядом. За ним помчалась я, но он во мраке ночи исчез бесследно, искала я тебя. Звала на помощь, но на зов никто не появился. Матаюсь я. Голос подорвался и от кошмара я проснулась. Я вся дрожала и, сидя у твоей постели, глаз не смыкала до утра. Аца, родной Аца, войне не отдам тебя, на растерзанье.
Ацамаз. Не бойся, милая. Ведь я с тобою рядом.
Фардиг. Серной сейчас, но если призовут?..
Ацамаз. Не думал я, что ты уж так струсила, сноху за слабость стали б презирать.
Фардиг. Пускай бы презирали.
Ацамаз. И все же...
Фардиг. Что все же? Медведь, ты, медведь! (Обиделась и убежала. Появились Азау и Дзанатхан. Не видят Ацамаза).
Азау. Зачем торопишься Дзанатхан? Осталась бы еще, повременила.
Дзанетхан. С трудом на день отпросилась. О, если бы я могла здесь навсегда остаться.
Азау. Ты неспроста торопишься обратно. Заметила я глядя на тебя, что сердце гложет горе и тоска. Скажи мне, в чем же дело?
Дзанетхан. Азау... Азау. Скажи, что случилось? (Дзанетхан на мгновенье держится спокойно, затем закрывает лицо). Случилось то, чего я так боялась. Солнце для меня померкло.
Азау. Что? Что?
Дзанетхан. Взгляни-ка, вот (подает Азау бумагу). Азау. (Читает). О, горе, мне! Хамыц погиб в бою... Дзанетхан. Окутал мрак меня. Угасла в сердце жизнь.
Азау. Покойна будь, Дзанет, моя. Возвожно, все это неправда.
Дзанетхан. Прошла неделя, как я получила. Когда терпеть уж горе не могла, явилась к вам сюда. Узнать хотела, извещена ли мать. Узнав, что нет, – я говорить не стала. На луг пошла я с вами, чтоб отвлечься, но легче мне не стало.

Азау. Сейчас не отпущу, пока побудешь с нами. А вдруг проговорюсь, мне жаль свекруху. Ты храни молчанье... (Ушли).
Ацамаз. Что слышал я... Хамыц наш тоже пал. Готовься в путь, Ацамаз! И твой черед настал! Фардиг, Фардиг! Сюда скорей, сюда! (Появилась Фардиг). Я отправляюсь...
Фардиг. (Испуганно). Куда?
Ацамаз. На поле брани пал второй из братьев, и на его место мне надо встать.
Фардиг. (окаменела), Я чувствовала сердцем, что ты поступишь так. Но что со мною будет, коль сложишь голову и ты.
Ацамаз. Должна на смену мне тогда придти ты.
Фардиг. Одного тебя я не пущу. Иду и я с тобой.
Ацамаз. Когда понадобишься, то сообщат тебе.
Фардиг. Идем. И я смогу перенести то, что другим под силу.
Ацамаз. Ты жди меня, родная. Вернусь с войны и вместе в институт поступим. До встречи.
Фардиг. Я буду ждать тебя... (Ацамаз обнял Фардиг и быстро зашагал прочь). Счастливого пути, Аца! (Бежит за Ацамазом и машет ему рукой. Появилась Салимат.)
Салимат (Рвет цветы и разговаривает с ними). Цветики мои ненаглядные, вы первые свидетели того, как в юности в груди моей любовь родилась. Помню, как Сослан Солому скирдовал, а я ему охапки подавала. В какой-то миг скрестились наши виды и мы в глаза друг другу заглянули и диво дивное – в груди огонь зажегся. Но по сей день горит, не угасая (прижала к груди цветы). Сослан, соколик цветам и мне оставил ты любовь и песню, сам улетел на поле брани. Где же ты? Хотя бы издали мне на тебя взглянуть! (В форме танкиста появляется *Сослан*. Подкрадывается сзади и закрывает Салимату глаза). Кто ты? Азау? Фардиг? (Трогает руки Сослана). Шершавые руки... (Вдруг резко повернулась) Сослан, это ты? Боже мой!
Сослан. Я, дорогая, я. На зов явился твой.
Салимат. Милый мой! (Повисла на шее у Сослана).
Сослан. Салимат, цветок мой. (Появилась Госема. Увидев Сослана, сперва замерла на месте, затем стала приближаться к нему).
Госема. Сын мой. (Бросилась к Сослану)
Сослан. Мама, моя мама.
Госема. О, всевышний бог, ты даровал мне радость!
Сослан. После госпиталя домой на две недели отпустили.

Вдали идет Косерхан.

Косерхан. О, радость ты моя, о, ненаглядная. (Обнимает Солана). Орел, крылатый орел! Ну, как ты! А как там мой Вой? Ты не встретил его нигде?
Сослан. Фронт большой, Косерхан. Он где-то в другом месте.
Косерхан. А зачем он согласился на другое место? Я просил его держаться ближе

к землякам. 0-ой-ой, его упрямство. Все бьют врагов, а он их на своей спине таскает. Вернется снова будет пить: тут болит, там болит. (Появляется Фардыг).
Фардыг. Ушел...
Салимат. Кто? Фардиг, Аца... Госема. (вздрогнула) Куда?
Фардыг. На фронт...
Госема (радость мгновенно пропала). Он омрачил мне радость дня. Ушел и даже не простился (сцена погрузилась во мрак).

6. Ночь тревожная, ночь тяжелая.

Комната. Слышатся раскаты грома и шум дождя. Скрестив руки на груди, Госема стоит у окна и смотрит на улицу.

Госема. Ночь темным-темна, подобно мне, надела траур. Где же вы, теперь, отрада сердца моего? Может, кто из вас в эту непроглядную ночь ползет на четверинках по мосту, перекинутому от жизни к смерти. Тогда сгустись, ночная мгла, чтоб чума конец ослепила, и беда, чтоб сына обошла. А если черной вражьей стороной пробито моего орла крыло, коль сбился он с пути, тогда, ночная мгла, умоляю – сними с земли черный свой покрой, открой сомкнутые очи и сыну моему дорогу освети. Сердце мое раскололось на восемь частей: за восьмерых тревожусь. Семь Волов с моего двора и трое из них наземь пали. И снова сердцем чувствую несчастье... О, горе мне, коль завтра черный ворон накаркает про новую беду. (Кто-то снаружи тихо стучится в дверь. Она прислушалась. В дверь постучали сильней. Госема бросилась к двери), кто там?
Ацамаз (тихо). Мама, это я...
Госема. (резко отворяет дверь. На пороге стоит, застыв, Ацамаз). Аца!
Ацамаз. Мама!
Госема. Сердечный мой! О боже, ты еле живой. Глаза ввалились... Одежда –
Ацамаз. Рассмотришь ты меня потом, ну, а сейчас поесть дай, я голоден ужасно.
Госема. Чтоб умереть мне, мой родимый. Сейчас досыта накормлю (просит войти). Невестки, подымайтесь! Фардиг, ну где ты, вот Аца с похода возвратился...
Ацамаз (не дает Госеме говорить). Поздний час, не надо их будить.
Госема. Нет, нет, мой ненаглядный! Сейчас я на ноги село все подниму, и с ними радостью я поделюсь своей.
Ацамаз (встал перед ней). Никого не надо звать, Гыцци.
Госема. Это почему же, никого не надо звать?
Ацамаз. Все расскажу тебе, немного погоди. Ну, а теперь давай мне что-нибудь поесть...
Госема. Мать твоя сейчас тебя накормит (накрыла стол). Кушай радость моя, кушай.
Ацамаз (жадно ест. Мать гладит его по плечу. Ацамаз подавился).
Госема. Ешь медленней, мой сокол... Прежде жадно так не ел ты никогда.

Надолго отпустили? (Кусок застрял у Ацамаза в горле). Не ранен ли?
Ацамаз. Не ранен...
Госема. А что? (Ацамаз стих, словно проглотил язык). Ты в битве отличился, и разрешили с матерью повидаться, (Ацамаз сидит неподвижно). Сынок, ты почему молчишь?
Ацамаз. (тяжело встал с места и, отводя от матери глаза подошел к окну). Знал я, что только лишь переступлю порог, и ты меня об этом спросишь.
Госема. Знал? Ты что сказал?
Ацамаз. Гыцци, меня не ранило, да и в бою не отличился.
Госема. Так что же?..
Ацамаз (резко повернулся). О, если бы знала ты, Гыцци, как страшно и опасно там. Смерть за тобою ходит неотступно. Куда не глянешь – вновь шагаешь по колено в ней и...
Госема. И что?
Ацамаз. Сперва по воздуху нагрянула к нам смерть. Бросала бомбы! Земля гудела, все вокруг пылало. Мы укрылись в углу окопа, кругом взрывались бомбы. По пояс нас землей зарыло, в одно время, сразу стих небольшой гром. Мы стали вылезать, но гром ударил снова! Глядим и видим – смерть теперь в образе железных исполинов ползет как раз на нас. Рядом падали солдаты, обливаясь кровью. Патроны кончились... А смерть все наступает. Лишь пасть разинула, чтоб проглотить меня, я закричал от страха и...
Госема. (пошатнулась). Какой позор на голову седую...
Ацамаз. Мать!
Госема. Так, значит струсил, да? У смерти в пасти братьев оставил и бросился спасать трусливую душонку, аж пятки засверкали. О, святая Мария, какой же ты жестокой оказалась.
Ацамаз. Пойми меня, я не был виноват... Я не хотел... Там люди гибли...
Госема. О, позор! Узнал бы твой отец на свете тем, что сын бежал трусливо, оставив землю, добытую кровью, врагу на поруганье, в гробу б перевернулся!
Ацамаз. Я не хотел, я не хотел, мать, но разум помутился мой!
Госема. А может, этой ночью темной кто-нибудь из братьев истекая кровью, о помощи к тебе взывает, а ты бежал задворками, пришел домой, чтобы у матери за пазухой укрыться! Ох, ох! вот на стене висит жены косынка,- возьми и повяжи на голову себе!
Ацамаз. Гыцци, не трус я, пойми ты это. При виде крови разум помутился...
Госема. Когда сбежал, скажи?
Ацамаз. С тех пор прошел уже месяц. А день я не припомню.
Госема. И где же был с тех пор?
Ацамаз. Скрывался я в пещере...
Госема. Что будешь делать дальше?
Ацамаз. Не знаю...
Госема. А я знаю. Рассветает. Собирайся в путь.
Ацамаз. Куда?

Госема. Назад, туда, откуда убежал. Пойду с тобой. Я попрошу их... Простят тебе, хорошо. Позор с лица ты омоешь как мужчина. А если нет,- тогда я не пойду. Скажи, идти с тобой, мой сын?
Ацамаз. Мать, не надо. Мне не простят... Ты лучше спрячь меня надежно, или же я вернусь в пещеру.
Госема. (резко повернулась). Что я слышу? Кто это говорит, мой сын, или мой враг! О, нет! Это говорит не тот, в ком кровь наша течет! Я слышу голос не того, кого вскормила Грудью. Нет, нет! Меня подводят уши! Не верьте, это не сын мой! Под видом сына приползла змея и жалит грудь мою жалом ядовитым!
Ацамаз. Мать!
Госема. Молчи! В расщелине скалы ты думаешь укрыться, но не простит земля предательства тебе! Обрушится скала и захоронит под собой тебя и твой позор. Оставь мой дом! Пока позор с лица не смоешь - нет места для тебя в родных краях. Тебя не примет и Фардиг жена!
Ацамаз (закричал и стал на колени перед матерью). Довольно!
Госема. Ползай, ползай на коленях! Если честь не дорога тебе, иди назад в свою пещеру и там живи с позором, как в ракушке ритна! А если так жить не хочешь, тогда вставай. Мне будет тяжело тебя таким запомнить навсегда. Из двух жизней выбери одну.
Ацамаз. Прости, Гыцци! Твой сын ошибся! Но ты поверь, не трус я. Страху я поддался... Я же сказал тебе. Я знал – ты не простишь. Я знал и мучился в пещере, вот, полюбуйся! (снял шапку. Седая, как снег, голова).
Госема. О, боже мой, ты же постарел совсем! (хотела кинуться к нему).
Ацамаз. Не приближайся! По имени тебя не назову. Ты мне не позволяешь. Испугался. Честно я тебе признался. Сбежал. Позже понял, что ошибся. Решил назад вернуться, но страх заставил отказаться от этой мысли. Если бы я признался, что сбежал, прикончили бы меня. Я же не хотел из жизни с таким именем уйти. Не вынесла бы ты, когда бы узнала о позоре сына. В пещере я терзался и пришел к тебе. Не просить прощенье, а в помощи твой сын нуждался. Расстрел мне уготован, заранее я знаю. Но больше нет мне страшнее смерти ничего.
Госема. Коль мать тебе простит родная, то верь, что такое родина простит.
Ацамаз. Прощай. Не ночью, а с первыми лучами солнца вернусь к тебе я завтра, искупив вину.
Госема. Ты, может, хочешь повидать Фардиг, я разрешаю.
Ацамаз. Нет, нет, мать, довольно и того, что сделал. Фардиг печалить я не буду. Представь, перед ней сгорю я от стыда. Ты услышишь завтра, что сын твой жив.
Госема. Этой радостной вести мать твоя ждать будет день и ночь.
Ацамаз. Считай, что это все тебе приснилось.
Госема. Идем. (Ушли, из соседней комнаты выскочила Фардиг).
Фардиг. Несчастье мне, послышался мне голос Ацамаза, а здесь не видно никого! Куда он делся? (Ищет). Свекрови тоже нет в постели. Где ж она? (Посмотрела на

пол). Мой платок? Аца! Аца был здесь! (неожиданно грянул гром, и где-то блеснула молния). Аца, мой свет, зачем таишься от меня! (Выбегает во двор). Сцена поварачивается. С криком бежит Фардиг. Ветер треплет волосы девушки. Идет дождь. Снова грянул гром, небо озарилось и сверкнула молния). Аца, куда же ты делся! (еще раз кричит и исчезает во мраке ночи).

7. У Человека двух жизней не бывает.

Рассвело. Двор. Дождь перестал, но гром не стихает. Двор наполнился шумом. Слышится крик.

Тега. (снаружи). На помощь, люди добрые! Гибнут наши корма. Бегут люди. Появился встревоженный Тега, Багиан, Залда, где вы! Река разлилась и скирды затопило! (Из дома выбегают Залда, Салимат, Налкудз и Азау). Вилы, вилы! Может быть немного хоть спасем! Вбегают. Появилась растерянная Дуду).
Дуду. О, силы небесные! О, благодетели земные! Я вас молю спасите моего сына!
Голос. Пощады быть не может! Не проси!
Дуду. Почему же? Кто будешь ты?
Голос. Я смерть, и сегодня же унесу душу сына твоего!
Дуду (завопила). О, горе мне, не делай этого. Лучше душу мою унеси, а сыну жизнь не обрывай. Умоляю, стоя перед тобой на коленях.
Голос (резкий смех). Ха-ха-ха! Твой сын лишний на земле! Здесь он никому не нужен. И я преследую таких. Он будет мой теперь ха-ха-ха!
Дуду. Уйди ты прочь! Не подходи и близко! Пока он в жизни ничего не видел.
Голос. Ха-ха-ха! Твой сын бежал от жизни и мне в объятия попал! Он уже не твой!
Дуду. Он мой, он мой! Я землю выгрызу, до неба доползу и сыну нужное зелье найду! И над тобой любовь моя восторжествует!
Голос. Любовью никого ты не согрела. Она не делала добра, уста она была и перед смертью бессильна!
Дуду. Я не хотела, чтобы сын погиб на войне и я...
Голос. Ему ты ядом сердце отравила понемногу, за счет любви сынам таких же матерей, хотела счастье сыну обеспечить. Хотела, чтоб гибли сыновья других на войне, а твой, чтоб-был с тобою дома. Ошиблась ты, Дуду! Двух жизней нет у человека.
Дуду. Люблю его, люблю, один он у меня и умереть не должен.
Голос. Ты больше не надейся. Я душу вырву у него. Ха-ха-ха!
Дуду. Я не отдам тебе единственного сына! О, святая Мария, рой нас под крылом! Где вы, о, люди добрые, придите же на помощь, бегает. Появляется Госема, уставшая, понурая. За день заметно постарела, ссутулилась).
Госема. Отправила я сына. Его простили. Но большая, чем прежде на сердце тревога (неожиданно появляется Фардиг). Совсем промокла, волосы растрепаны, спадают на лицо. Орлицей бросилась Госеме).

Фардиг. Где он?
Госема. Кто?
Фардиг. Аца?
Госема. Аца?
Фардиг. Да.
Госема. А где ты видела его?
Фардиг. Я знаю, ночью был он дома. Куда ты увела его,
(Госема молчит). Ну, отвечай же, где он? Ушел обратно...
Фардиг. Почему, как вор, пришел он ночью и сразу же вернулся?
Госема. Мой сын... твой муж поддался страху и сбежал...
Фардиг. Неправда это! Аца мой не поступит так.
Госема. Поступил... Но слово дал мужское.
Фардиг. А знаешь ли, что значит слово дать?
Госема. Знаю.
Фардиг. Знаешь и все же сама его в могилу проводила?
Госема. Замолчи!
Фардиг. Зачем, зачем война и ты меня лишили мужа, друга?
Госема. Зачем тебе такой муж, который в трудный час тебя на поруганье другому отдал. Ты же женщина! Как бы ты, решив нажить детей, терпела, чтоб в жилах деток текла кровь труса?
Фардиг. Ацы не был трусом! Но ты его наверно не любила, жестоко с ним так поступила.
Госема. Родителю ли не любить того, в ком воплотилась кровь и плоть его? Эх, невестка, ты совсем ребенок, материнскую любовь пока ты не познала. Но будешь матерью сама – и все поймешь тогда. У человека есть одно... То Родина и мать... А мать свою никто не продает.
Фардиг. Аца не изменил, он, видно, испугался...
Госема . Да, да, он испугался. Молод он пока, не закален. Сдался. Слово дал. Потому назад его послала. Верю я ему.
Фардиг. А может, если я была бы рядом,- тогда б не струсил он. Свекровь, молю: ты отпусти меня к нему...
Госема. Кто смел и храбр лишь подле юбки бабы, тот не мужчина, и зачем тебе такой. Успокойся. Отца кровь течет в жилах у него, и он к тебе вернется достойным мужем.
Фардиг. Свекровь, (бросилась Госема на грудь, зарыдала).
Госема. Так, дорогая моя, так. (Неожиданно появилась Лариса в военной форме капитана медицинской службы, Прихрамывает на одну ногу. Госема увидела Ларису).
Госема. О, творец, дитя мое живым домой вернулась! Лариса! жизнь моя (отпускает Фардиг и бросается к Ларисе).
Лариса. Мама, дорогая мама!
Фардиг. Лариса вернулась (обнимает ее).

Госема. О, радость ты моя. Дай-ка погляжу. Что с бой, зачем ты опираешься на палку? Ты навсегда или на время?

Лариса. Вернулась навсегда. Борьба окончилась моя...

Госема. Я счастлива, что живой вернулась. Но тебя пусть не тревожит, поправится.

Лариса. Свекруха, вряд ли. Она осталась там, (стучит палкой по ноге).

Фардиг. (вскрикнула). Деревяшка! О, создатель мой, как ветоко это!

Госема. Что сделали с тобой, моя родная, зачем так искалечили тебя! Отчего же писем не писала? Алан и мать твоя...

Лариса. Я ничего о них не знала.

Госема. А сейчас это слышно?

Лариса. Когда меня выписали из госпиталя, я отправилась ним... Там ужасное мне рассказали. Враги спалили мать мою и дом. Красного командира, говорят, она скрывала. Сказали, что Алан ичез в тот вечер. А куда, спрашивала я... Никто на это мне не смог ответить.

Госема. Кровь залила землю нашу и люди утопают в ней... (Появляется Дуду).

Дуду. Помогите мне, о, люди добрые!

Госема. Дуду, что стряслось у вас, скажи-ка?

Дуду. Опух весь мой единственный сын и глаз не открывает (Увидела Ларису). Лариса, доктор, на счастье сына моего ты послана мне богом! О, жизнь моя, спаси его, спаси его от смерти.

Лариса. Пошли, где твой больной? (Фардиг, Лариса и Дуду ушли).

Госема. Дуду, ты тоже вся в тревоге! (Пауза). Нет в доме никого, куда все подевались? (Появилая Тега, за ним Салимат, Азау Налкута, Залда, сельчане). О, боже мой, что снова приключилось? Где вы были всем селом? Где вымазались так в грязи?

Тега. Багиан, несчастье приключилось ночью. На южном склоне сползла земля и русло перекрыло разлившейся реки. Вода разлилась и снесла все село. Немного нам удалось спасти.

Госема. Чтоб обрушиться тебе, о, небо, и ты, как чума, против нас.

Залда. Погибнет скот зимой от голоду.

Тега. Багиан, придумать надо что-то. Сегодня соберем народ.

Госема. Тяжелые дела... Есть выход лишь один... В Кизляр погнать стада.

Тега. Но кто погонит, кто? Мужчин в деревнене осталось.

Госема. Нет мужчин, но женщины ведь есть.

Тега. А разве женщина управится в Кизляре. Ей слишком трудно, тяжело придется. Пошел бы сам, но сердце еле бьется. На полпути...

Госема. Женщины, что косят за мужей, пашут по весне, им ли не справится в Кизляре? Время так требует.

Тега. Да, но кто осмелится из женщин?

Госема. Пойду сама, за мной пойдут невестки. И многие еще решатся. Из стариков пойдут с нами Дзаха и Дзабидир. (Появились Лариса и Фардиг).

Лариса (после паузы). Я не смогла уже ему помочь. От заражения крови умер мой Дади. (Свет убавился).

8. Назло чуме не в траур, – в яркое облачилась.

Перед занавесью.

Автор. Колесо войны на запад укатилось и смяло под собой несчастия народов. Кончилась война! О, люди добрые! Кровью и жизнь жизнью своей добыли победу. Кончилась война! С кровавого пути вернулся победоносный солдат. Вернулся и принес на острее ножа победу и мир. Кончилась война! Кончилась, ноутуш всех, вместе с радостью пришло ко многим горе (автор уходит. Поднимается занавес, на холмике стоят, скрестив руки на груди, Лариса и Азау).

Азау. Стада пригнали наши из Кизляра. Вот видны они за гребнем, видишь... Впереди и идет свекруха наша. Не идет она, а словно бы бежит. Иди спокойнее, свекруха, не спеши. Очаг твой залит кровью. Небо обрушилось на голову тебе. Все твои невестки в траур облачились.

Лариса. Азау, родная, сдерживай себя.

Азау. Треплюсь, но из-под ног земля как будто ускользает. (Появился Тега).

Тега. Такого горя Осетия не знала и стойкость вам придется проявить. Несчастной женщине не говорите.

Азау. Язык неужто повернется?

Тега. Обрушилось на нас несчастье, но я прошу, держитесь крепче. О, боже наш, ты поступил жестоко. Гора и та б не выдержала это, превратилась бы в груду щебни. Азау, прошу прощенья. Забудь про горе и неси гармонь...

Азау. Тега, я этого не в силах сделать.

Тега. Я знаю, тяжело, но иначе нельзя.

Азау. Прошу тебя, мне легче прыгнуть в пропасть. С гармошкой вместе сердце разрывается.

Тега. Дочь моя, иди. (Лариса и Азау уходят). О, творец, мир не вмещает горе. (Ушел, появилась Дуду в черном).

Дуду. Я тоже в трауре. Очаг мой опустел, как дом Харзойти Афэко, Дадаи, единственный мой, что сделала я с тобой. Сама тебя свела в могилу! Лучше б мертвым на поисках с поля боя принесла тебя. Никто за гробом не пошел твоим. О, люди добрые, что сделала я вам, никто из вас по сыну моему не обронил слезу? Горе вы мое не разделили. (Ушла. За сценой слышен разговор).

Голос. (за сценой). Идут, идут! (слышится веселый шум, обрывки фраз. Слева появились Тега и несколько стариков. За ним, народ, вернувшиеся с фронта солдаты - кто с палкой, кто с подвязанными руками. Среди них Азау и Лариса).

Тега. (Азау), Азау, растягивай гармонь! (Азау растянула гармонь. Появилась *Госема*. За ней Фардиг, Залда, Салимат, Налкута и те односельчане, которые были с ней в Кизляре. Тега приготовился приветствовать чабанов, но услышав звуки гармони, Госема замерла на месте).

Госема. (Азау), Невестка, не поет гармонь твоя, а будто бы рыдает. Отчего? (Звук гармони оборвался. Госема ищет глазами среди людей своего сына). Где же воины мои? Родителя чего же не встречают. Или ходить они не в силах?
Тега. Из далекого похода никто из сыновей твоих пока что не вернулся. Пока что многие в пути из нашего села. Наверно скоро будут.
Госема (Азау). Почему гармонь вдруг замолкла?
Азау. Свекровь...
Тега. (встал перед Госемой). Госема, и ты с солдатами с войны вернулась. Я низко голову перед тобой склоняю. (Появилась ДУДУ, Ударяя себя в грудь).
Дуду. О, несчастье нам с тобой, Багиан. Лишь ты поймешь мое большое горе! (причитая . подошла к Госеме). Госема. Скажите, что все это значит? Д.УД У» На небе звезда моя погасла. Трава сгорела на земле. Своей черной бородой, мой сын, ты отворил ворота того света. Пусть смерть все это испытает, чтоб познала горе утраты близкого, Багиан, мы с тобой несчастны. Черные надочажные цепи вынесем на солнце Погибель нам. Остались без потомства! Смерть одного мне трудно пережить. Перенесешь ли ты гибель стольких сыновей?
Госема. Замолчи, Дуду, замолчи!.. Из пасти черных змей извергла ты. (К людям). Что стало с сыновьями?! Я спрашиваю Вас. (Люди молча стоят). Пусть хоть один из вас окажется мужчиной и правду скажет мне в глаза! Тега, ты старший, я к тебе взываю.
Тега. (встал перед Госемой на колени). О, лучше бы язык мой отвалился. Гром бы поразил меня, чтобы уста мои страшные слова не произносили. Багиан, я стою перед тобой на коленях и прошу от имени всего села: перенеси чудовищную весть, не убивайся горем. Из сынов твоих в отчий дом никто не возвратился...
Госема. (на какое-то время онемела, затем пошатнулась. Ее поддерживают. Разразилась бурным смехом). Ха-ха-ха! Смеетесь надо мною, что ли? Что, не смеетесь? Как же так? Никто из моих сыновей не возвратился?!
Залда. Разрушилась вся наша жизнь, свекровь!
Госема. Невестки, замолчите. Не проливайте слез. Мы наших путников в путь отправили с песней и с песней мы их встретим здесь. Кто слезы проливать начнет, тот станет ненавистным моим детям. Их боевую песню запевайте! (Люди безмолвно опустили головы вниз). Ну, что же вы, день радостный сегодня! Победы день! Ну, сделайте же милость! Почему умолкли? Почему не запоете песню моих сынов? Они отсюда улетели с песней. Пойте! (Кто-то из вернувшихся солдат затянул песню. Песня окончилась. Люди стоят молча.)
Тега. О, бог великий, случилось на земле огромное несчастье, и ты услышишь про это! О, ровесники предков, седые горы! Слушайте и вы: в Осетии впервые горюющая мать стон сердца в песню жизни обратила! Помните об этом. Через века перенесите и поведайте потомкам.
Госема. Тега, наш старший, односельчане, прошу у вас прощенья, но я хочу побыть одна. Одна хочу привествовать я путников своих. (Люди расходятся, понурив головы. Рядом с Госемой осталась Дуду). Дуду, иди и ты.
Дуду. Тебя одна я в горе не оставлю. С тобою горе выплачем мы вместе.

Госема. Пусть смерть сама поплачет. А я не собираюсь плакать.
Дуду. Что за сердце у тебя в груди. Не делай так, а то прогневишь бога.
Госема. Если б бог заботился обо мне,- он не послал бы столько горя, О, нет! Не будет слез назло жестокой смерти. Ты можешь плакать. Твой сын заслуживает слез. Моих же слез на семерых не хватит. Слез на семь частей не может разделиться. Уйди. Оставь меня.
Дуду. Куда идти теперь? С кем поделиться с горем и печалью? Мой горький плач не слышен за стенами дома. (Ушла).
Госема. Погибла я. С семью невестками в слезах остались. Вокруг ночная мгла сгустилась. Счастливицей из сказки считала я себя, но проклята я кем-то. Кто же это мне весть черную принес, которая смогла бы обрушить небо, которую нельзя перенести? Кто этот глашатай беды? О, сердце мое, держись, не разрывайся! Не верь, Госема, все это неправда! О, черная смерть ты обвела меня, Впилась в меня когтями и семь своих ядовитых клыков в меня вонзила. Ты целишься мне в сердце, но нет, смерть черная, тебе назло не сдамся я! Ты хочешь извести меня. Но нет! Сама я изведу тебя. О, люди добрые, не верьте, не верьте, что потомство Афако Харзойти все скошено войной! Если будете у дома проходить, не думайте, что он необитаем! Стучитесь в дверь, зовите сыновей. Харзойти Афако вдова за сыновей своих воздаст гостям почет сполна. Когда на помощь звать придется, сынов моих не забывайте имена! (Появились невестки в черном. Госема - среди них. Опустили головы). О, несчастные мои невестки, как горе пережить мне ваше и мое? Не падайте, не спотыкайтесь, я обращаюсь к Вам! Огромное свалилось на нас горе, но надо назло смерти не в черные, а в белые наряды облачиться.

Конец второй части.

III. Жизнь победила смерть
9. Весна стучит в окно

Автор (перед занавесью). Война... Она жестокостью своей людские нервы стиснула смертельной схваткой. И своя судьба, и судьба родимого порога слилась с судьбою Родины Великой. Время требовало так. Но когда у вражьего порога была задушена война... расслабли нервы. Люди получили возможность свободно вздохнуть и тогда ощутили все трудности войны. Ощутили, – не дождались кормильца семьи, ощутил, - когда невесты остались без женихов. Ощутили, – когда женщины в трауре убрали с постели вторые подушки. Ощутили, – когда над пустыми могилами сынов на кладбищах устраивали рядом дубовые кресты. Ощутили, – когда сельчане справляли первые свадьбы и жизнь потребовала песни... (Неожиданно доносился звук гармошки и песня дружков). Постепенно шум веселья утихает и душераздирающе плачет скрипка. Со стороны села появляется взволнованная Госема, словно звук гармони расстревожил ее сердечные раны, она еле волочит ноги).
Госема. Плящут, поют, дала я им на это согласие, но звук гармошки беспощадно

мне сердце ранит... Безжалостно ты, жизнь, свое берешь... О, жизнь, не ко всем ты справедлива... Даже коршун для потомства одного цыпленка оставляет. (гармошка заиграла громче). В деревне нашей свадьба. Один счастливчик устраивает себе жизнь. И пусть... Как хорошо, что не убита радость... что будут теперь справляться свадьбы и пиры, но двор мой больше не огласится песней, й скоро он травою зарастет. Наследник! О, опора жизни моей, над тобой сбылись злой женщины проклятья! (Присела и гладит землю во дворе кончиками пальцев). Сыны мои, моя отрада. Своими ножками вы здесь все истоптали, а я не догадалась, вынуть сердца из груди и расстелить его по тверди грунта, чтобы по мягкому ступали вы. (Ища следы своих сыновей, она входит в дом).

Автор. Здесь не ищи следов сыновей. Они все вышли за порог и остались со следами тех, кто протопал дорогу к победе поколений (Госема выходит из дома с люлькой).

Госема. Следы все ваши смыла гроза лютая. Но вот оставили вы лодку эту, в ней ваше прошлое осталось памятью моей безмерной боли. Люлька, моих сердечных люлька! Моей гордости, моей опоры люлька! (Разговаривает с люлькой). Ну, что умолкла ты? Ведь я их родила, а ты качала. Остались мы вдвоем на старости с тобою. И какая же ты крепкая. Как не разлетишься ты на щепки? Ужель не помнишь, как длинными зимними ночами, в тревожные знойные дни лета, в бессонце уставшие мы проживали в трудностях, невзгодах. А помнишь ты? Ахсара убаюкивала на руках я, а Ахсартага ты.

Автор. Трудными и тяжелыми были те дни для тебя мать, но все же сладкими. Ты помнишь еще их?

Госема. Да, помню, помню (Вдруг она вспоминает давно ушедшие дни своих детей, на мгновенье забывает о своем страшном горе. И становится счастливой матерью). О, святая Мария, что слышу я? Ацамаз мой плачет. (В забытьи качает люлку). Баю-баюшки, баю, сейчас тебя покормить, твоя мать. Сослан, сыночек, покачай братишка, Батрадз, сердечко мое, перестань шалить, поди-ка с Урузмагом и принесите хворостину. Хамиц родимый, возьми с собою книжку и погони на посеку корову, а мать вечером накормит тебя сыром. Не плачь мой сыночек, скоро начнется зима, а весною вам чувяки не нужны, а потом вы подрастете у меня, и ваша мать избавится от забот ваших. (Качает люлку). Только не плачь мой маленький ягненок, нет. Лучше споем мы громко, ведь голод боится песни. (Вдруг словно проснулась) А, люлка ты моя, пуста, пуста... Ну что ж ты, сердце... Ведь грех большой качать пустую люльку, люлька с тобой мы вырастили семерых орлят, благословили их... счастливыми мы были, благословлены...

Автор. И будете благословлены в веках.

Госема. Кому еще нужны мы, у моего очага не заплачет больше ребенок, черная чума проглотила корни сердца Афако Харзойти и повалила его ветвистое дерево. О, захлебнуться бы ему в своей крови, и потух бы очаг того, кто оставил моих внуков без люльки. (Яростно кричит). Гъей-гъей! Пожиратели детей. Вдова Харзоевых ищет вам проклятье! Будьте прокляты! Будьте прокляты! (Падает на землю и рыдает. Появляется Тега).

Тега. Не к лицу тебе. Такой бессильной я тебя не знал. (Поднял ее).
Госема. Что делать, Тега, уж больно я споткнулась... Нет сил удержаться...
Тега. Мудрая ты мать и поступай разумно. Неужто молодежь села не есть твои дети. Твое же большое горе, горе всех людей. Вырви его из груди и каждому по капле дай.
Госема. Кому его раздать, когда в Осетии его хватало всем.
Тега. Мать, но все же надо жить, пути другого нет.
Госема. (в себе). Жить, надо жить...
Тега. Пришел я к тебе от имени села, сельчане наказали мне просить прощенья и пригласить к столу тебя.
Госема. Большое им спасибо. Но как могу я с горем к ним прийти,- испорчу им веселье. Прошу прощенья, но оставь меня.
Тега. Ты этого не сделаешь Госема, нет. Младшего из сыновей твоих Ацамаза свадьбу черная чума в разгаре оборвала. Но эта свадьба снова родилась, так, почему же ты не с ними? Отправляйся к ним, посмотри, как веселятся твои дети, едва тяжелые окончились бои, и с ними вместе порадуйся и ты. Иди и женихов за Ацамаза сынами назови.
Госема. Сельчане, милые, одной надеждою на вас еще живу я.
Тега. Так, почему же ты не с ними? Знай, Госема, ты сильна, когда стоишь с сельчанами рядом в радости и в беде, слаба, когда ты в стороне. Идем и подбодри скорбящих матерей. А тех двоих, что в жизнь сейчас вступают, как мать благослови. Пошли же, мать, пошли и в радостьях народа все горе утопи, иного нет пути. Госема, безжалостна была к тебе судьба и ты назло в долгу остаться не должна.
Госема. назло в долгу остаться не должна... понимаю, наш старший. Но кроме меня, на пороге Харзоевых осталось семь женщин в трауре.
Тега. О них подумать тоже надо. Подумай ты сама.
Госема. (продолжительная пауза). Ладно, надо уважать людей. Иду.
Тега. С уверенностью в этом я пришел к тебе, пусть дни твой продлятся. Ну, я пойду и сообщу селу, что к свадебному подойдешь столу. (Ушел).
Госема (в раздумьи). Сильна ты, когда с народом вместе. Бессильна, когда ты в стороне. Побуду с ними вместе. Но только не одна, возьму с собой невесток. (Смотрит на колыбель). И с колыбелью моих детей. (Притихла). Но... разве она не колыбель несчастья, горя? (Твердо). Нет! Мои сыновья своей жизнью ее защитили, так, пусть же сердца их останутся жить в колыбели. (Вошла в дом. Появились Залда и Налкута).
Залда. (Вслед Госеме). Бедняжка. Хотя при нас крепишься ты, но слезы горя не по щекам, по сердцу твоему пробегают.
(Донеслись звуки гармошки). Хоть постеснялись бы свекрухи.
Налкута. Она им разрешила. Неужто люди из-за нас оставят песни, пляски? (Вздохнула). Свадьба... Веселье... Была и у меня когда-то свадьба. Люди пели, танцевали, затем все стихло. (Вбегает весело Фардиг).

Фардиг. Эх, какой отличный парень? Высокий, стройный, сказочно красив... Аминат же, тьфу, – в сравнении с ним – козленок. Нас всех на свадьбу приглашают. Скорей же, собирайтесь. Отборнейшая молодежь ущелья участье принимает в танцах. (Залда и Налкута молчат). Ну, что же вы молчите. Пойдемте, дорогие, потанцуем.
Налкута. "Чье сердце не полно страданьем, тот пусть поет веселей",
Фардиг. (остановилась у самого порога и резко повернулась назад. Поняла, что обидела сноху). Ну, тогда плачьте... плачьте! Прислоняйтесь друг к дружке и рыдайте!!!
Налкута. Фардиг!
Фардиг. Что Фардиг?! На себя взгляни. Седая стала голова. Твоей красе завидовали люди, а сейчас ты мертвенно бледна! Ты словно высохший осенний лист! И неизвестно, когда сорвешься с ветки и ветер где навеки схоронит. Да, да, позволь мне досказать! Ты на, ногах еще стоишь, но сердце мертво у тебя! (Из дома вышла Госема, увидев их, замирает у порога, прижавшись грудью к столбу).
Госема. Пошатнулась крепости моей последняя опора...
Залда. Не говорим тебе, чтоб ты не шла. А голос повышать не следует тебе.
Фардиг. Не голос повышать, оплакивать вас надо! Коль мертвых можно было бы воскресить, – себя б не пожалела. Так, что ж прикажете мне делать? Не стало одного, так умирать и мне? А может умирать я не хочу пока? Слышите?! Еще не видела я жизни! Да, да! Лишь раз для жизни человек родился, я тоже жить хочу! Смеяться, танцевать! Петь!
Налкута. Стыдись! Совесть потеряла!
Фардиг (резко). Совесть? Какая совесть? Хочу танцевать, что тут плохого?
Налкута. Сначала сними траур свой!
Фардиг. Что хочешь этим сказать? (Вскипела), Несчастные вороны, под вашими черными крыльями радость на дворе Харзоевых заглохла! (Слышатся звуки гармошки, Фардиг кричит неистово). Играй, сильнее играй, пусть назло смерти лопнуть, твои меха! Так, так не удалось мне потанцевать на собственной свадьбе, теперь я должна украсть немного чужого счастья и порадоваться над собой!
Залда. Замолчи! Замолчи! Свекровь услишит!
Фардиг. Ее тоже зовите! Пусть увидит, как умеет танцевать ее младщая невестка! (Истерический пляшет). Асса! Хлопайте, сестра мои в трауре!
Налкута. (Схватили ее). С ума сошла! Стыдись!
Фардиг. Да, сошла с ума! Танцуйте! Ацамаз очень любил танцевать! Ха-ха-ха!
Налкута. Замолчи! Не имеешь права!
Фардиг (резко). А кто имел право отнять мое солнце ранней весной моей жизни?! Кто имел право сделать меня вдовой в мои 18 лет?! (К публике). Слышите, вас я спрашиваю?! Кто имел права утопить в крови мою большую любовь? Вас я спрашиваю, кто имел права! (Падает и плачет).
Залда (подходит к ней и утешает). Успокойся, у нашей свекрови сердце разорвется...

Фардиг. Устала я, устала! Печаль и горе сердце иссушили мне.
Залда. Пусть будет проклят тот, кто отнял в молодые годы и смех, и песню у тебя.
Фалкута. Иди, Фардиг, иди. Развлекись немного. Я себя ввиду имела. Зачем слова мои обидели тебя.
Фардиг. Вы думаете, мне легко. Коль имя Хсара свято для тебя, так, почему считаешь, что запятнали твое имя Аца? (Будто извиняясь). Прости, мой сокол, что разум помутился... Аца, родной, Аца, прости... (Не перестает всхлипывать. В это время Госема подошла к ним).
Госема. Что случилось? Зачем я вижу слезы? Люди плящут и поют. В моем же доме плач? Постыдились бы людей!
Фардиг. Прости, свекруха...
Госема. Уже сколько раз говорила вам, что в нашем доме места нет слезам. И мне, несчастные невестки, не легко. Каждая из вас лишилась одного орла, а у меня их было восемь, восьмой еще и лететь как следует не научился, Фардиг. Утри слезы и чтобы больше я не видела их. С сегоднящнего дня положите конец горю и слезам. Что делать, судьба нам изменила, но убиваться права не имеем. Фардиг, иди на свадьбу. И вы, невестки, идите, развлекитесь. Нас пригласили. Стыдно от людей. Подарки не забудьте.
Залда. Нам тяжело, оставьте нас, свекровь.
Госема. Кому я говорю! Очаг моих сынов пока что не угас и есть кому представить этот дом.,,
Налкута. В следующий раз...
Госема. Не в следующий раз! Сегодня! Ступайте же. Смените облаченье. В таком виде не показывайтесь людям. Сама я первая пойду. (Невестки вошли в дом). В водовороте горя совсем утратила я память. Не стало одного, а если я желаю жить, тогда? Права, Фардиг, права... Сама то я погибла, ну, а невесткам до каких пор ходить в слезах. Нет, Госема, ты мать и пока здесь горе их не иссушило, устроить помоги им жизнь... «Подумай»,- не зря мне говорил Тега... Подумай же, подумай!

10. Не дрогнула опора дома

Комната. Госема с невестками. Видно, что между свекрухой и невестками произошел тяжелый разговор, который каждая из них остро переживает.
Госема. Лучшие невесты мира сыновьям моим достались. Лучшие, красивейшие, порядочнейщие из людей. Семь невесток. Не невестками, а дочерями были для меня. Хотя бы я насладилась жизнью с вами, но прокляла судьба меня, я подавилась счастьем. Не стало тех, из-за которых пришли вы в этот дом. Честь честью ждали мы. Как правильней и лучше будет дальше, сейчас мы все решить должны. В последний раз собрала я вас вместе в этот дом, чтоб заявить вам: хватит ждать. Теперь же отправляйтесь по своим родным домам.
Залда (после паузы). Свекровь, ты нас гонишь из твоего дома? Как быстро надоели мы тебе.
Госема. Я не гоню, а жить вас посылаю. Дзанетхан.

Дзанетхан. В чем перед тобою провинились, зачем ты так жестока к нам. Тебя мы любили ведь как родную мать.
Госема. Знаю, мое сердце. Но дом мой будет больше вам не радость. Пока вы молоды, каждая из вас должна найти свое счастье.
Налкута. Мы не стремимся счастье обрести. Решили мы остаться верными навек тем, ради которых в этот дом вошли.
Госема. Как повернулись ваши языки? Как вы могли решить бежать от жизни и в четырех стенах себя похоронить? Узнав на том свете про решенье ваше, сыны мои могилы разнесут. Знаю, тяжело вам очень. Было бы лучше вам,- сама бы не отпустила. Знаю я и то,- чем будет ваше завтра. А я как мать беспокоюсь за ваше будущее.
Залда. Как будешь ты без нас?
Госема. Пока что крепко я держусь. В селе народ хороший. Будет трудно,- помогут люди мне.
Лариса. Нана, я тоже мать. Знаю, ты заботишься о нас, поэтому так строго все решила. Возможно ты права. Будь на твоем месте, я поступила бы также.
Госема. Разорваться бы сердцу на куски! Столько горя свалилось на меня, что даже и не знаю, о ком мне горевать. Уж слишком много смертей для дома одного, но что нам делать. Какому дому долю уступить? Ведь горя всем в Осетии досталось вдоволь. Ну, собирайте вещи и надевайте свадебные платье. Последний раз на вас я полюбуюсь, милые мои. (Невестки ушли в соседную комнату). О, сердце мое, держись, не разрывайся. Семь смертей прибавится к восьми смертям. Но крепись, крепись, Багиан. (обращаясь к фотографиям сыновей на стене). Мои родные. Я отправляю ваших жен. Не обижайтесь сыновья на мать. Лучшего она для них придумать не могла. (Выходят невестки в свадебных платьях).
Залда. Твое желание мы исполнили, свекровь...
Госема (рассматривает их). Вот так, таким я запомню вас навеки. Я пожелаю вам вновь найти то счастье, котрое вы потеряли в этом доме. Услышит ежели Нана, что счастливы вы все, то буду счастлива я с вами. Я жить вас посылаю. А жизнь ухабиста. Счастливого пути я вам желаю. Споткнулась раз, как будто счастливы в дальнейшем! Вот мое последнее вам слово.
Вместе. Спасибо, мать.
Госема. Счастливого пути, мои невестки. Простите мне, если я обидела кого-нибудь из вас словом или делом. Прощайтесь с домом, в котором счастливо хотели вы прожить, но тщетно. (Все они медленно поворачиваются, сгорбившись, молча глядят на семь фотографий, высящих на стене).
Невестки (вместе). Прощай...
Залда. Прощай, мать. (закрыла глаза и резко-повернулась к двери. Другие выходят за ней, опустив головы. Госема провожает их до крыльца. За окном видно, как она стоит, скрестив руки на груди, и глядит в след невесткам. (Вернулась в комнату).
Госема (облокотилась о косяк двери и разговаривает сама с собой). Ушли...

Опустел мой некогда веселый шумный дом, у Афако Харзойти оборвался род. Вот тебе мечты, надежды... (Появляется автор).
Автор. Так надо было, мать, нельзя было иначе. Осетия горда твоими сыновьями. В час испытанья они своей не запятнали чести.
Госема. То верно, проявили мужество они, но их родная мать одна осталась, как лесная ворона. И как мне быть, как жить мне дальше?
Автор. Крепись, излечит время раны.
Госема. Все же сердце не хочет верить. Не может подарваться вера. Буду ждать. Сяду здесь у порога. Отсюда хорошо видна дорога. Если кто-нибудь из них появится, то побегу навстречу...
Автор. А сколько сможешь ждать?
Госема. Ждать буду день, ждать буду год, ждать буду, пока в глазах моих не потухнет свет. Когда вконец ослепну, то буду слушать. Усядусь здесь и буду слушать. Я по шагам узнаю их. Вскочу мгновенно и отворю им дверь.
Автор. А вдруг устанешь ждать, и зимними ночами твоим рыданьям будет ветер подвывать!
Госема. Видеть не буду я. Я от имени всех скорбящих матерей своим погибшим сыновьям песню сложу. Такую песню, чтобы зверей, съедающих детей, перевелась порода, чтобы на поле брани не гибли дети у матерей. Приговор войне мои сыны своей кровью вынесли. Суровый приговор! Живые права не имеют отменить его! (Снаружи стучатся в дверь. Госема вздрогнула. Прислушалась). Кто же это может быть?.. Может из соседей кто... О, нет. Кто-то незнакомый… Но кто же?! (Стучат сильней. Госема удивлена). Ко мне никто так не стучался… Посмотрю кто это. (Открывает дверь. Прямо на пороге стоит мальчик лет пятнадцати-шестнадцати в форме учащегося суворовского училища. Некоторое время оба стоят молча). Кого ты ищещь, мальчик?
Мальчик. Харзойти Госема здесь живет?
Госема. Да. Здесь.
Мальчик. Это ты?
Госема. Да, но кто же ты?
Мальчик. Внук твоя я, Алан.
Госема (вдруг пошатнулась, но удержалась). Что, Что? Что я слышу? Или мой слух? Повтори-ка, еще раз…
Мальчик. Скажу, а как же: я твой внук… Если не… Вот бумага. Мне из Москвы ее прислали. Бабушка моя ищет внука. И вот пришел к тебе.
Госеме (волнуется). О, нет! О, нет! Наверно, это сон… О, всевышний! Если это сон, то не дай мне проснуться! А если это явь, то не разорвись от счастья, мое сердце! (Схватила мальчика и ввела в дом). Входи, входи…Садись… Вот так.
(посадила мальчика на стул и уставилась на него, словно хотела проглотить его глазами). Ты говоришь, что внук мой, да? Мальчик. Так точно.
Госема. А где же твой отец?
Мальчик. Он до войны меня у матери оставил, а сам поехал до своей мамы на свадьбу. Но обратно не вернулся. Говорят, потом погиб в бою.

Госема. (вдруг показала рукой на семь фотографий, высящих на стене). Скажи-ка, кто из них отец твой?
Мальчик (встал, медленно подошел к фотографиям и стал внимательно рассматривать. Показывает на фотографию Батрадза) Вот... Отец!
Госема. Он, это он! Мальчик, ты умеешь танцевать?!
Мальчик. Умею...
Госема. А петь?
Мальчик. Петь тоже.
Госема. Пой тогда! От порога до очага отцовского с песнею пройди! Пой, мой милый! (Мальчик запел).
Госема. О, люди добрые, односельчане! Один из путников моих восьмерых в отцовский дом живым вернулся. О, смерть, ты не смогла сгубить семью Афако Харзойти! Один из ее надежд вернулся тержествуя. Танцуй, мой мальчик, танцуй!
Мальчик. Нана! (Обнял Госему. Собрались люди).
Госема. Пляшите, люди добрые! Пляшите, милые! много лет назад здесь пляска оборвалась, и сейчас я с вами должна доплясать ее до конца! (Веселый гомон и звук гармошки слились вместе как морские волны, затопили все кругом. Пляшет *Госема*. Алан стоит у самого порога и гордо смотрит на людей. Автор отделился от людей, медленно выходит вперед. Сцена затемняется.

11. Сыны твои в солнце обратились
Место первой картины.

Автор. Бессмертие тебе, мать. В башню ты достойна обратиться! Достал бы для тебя я с неба солнце и памятник бы тебе на вершине самой высокой горы поставил! Чтоб люди шли к тебе толпой, чтоб честью, именем твоим скрепляли клятвы. О, если мог бы я в магическую плетку обратиться, вернул бы к жизни сыновей, Гыцци. Хотя бы день по свету, походили, чтоб видели плоды своих побед! (Появились Госема и Алан. Встали на пригорке и смотрят в ущелье).
Госема. Сынок, дорогой, это твой отец со своими братьями отправился куда-то. Ведет дорога эта к солнцу. Они его достигли. Очистили лицо ему от пятен и сами в солнце обратились.
Автор. Мать, прекрасно ты сказала,- сыны твои обратились в солнце и слава им. Почет и слава вам от имени Осетии. От матерей, что кровью сыновей крепили и свободу для потомков. Славные Осетии сыны не умирают. Их славу время принесет через века. Слава вам, слава! (неожиданно раздались звуки музыки. Госема стоит в центре сцены, гордая и сильная и смотрит на солнце).

Конец.

А. Сулейманов

АЙБИКЕ

Комедия в четырех действиях, семи картинах
Перевод с кумыкского О. Антоновой

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Айбике – врач, заведующая сельской больницей.
Аян – фронтовик, агроном.
Роза – медицинская сестра.
Исак – работник больницы.
Абакар – председатель колхоза.
Джайран – его жена.
Салимат – сестра Абакара.
Аминат – дочь Салимат.
Астемир – хирург, фронтовик, заведующий райздравотделом.
Салимов – инструктор райкома КПСС.
Мамаева – секретарь райкома КПСС, фронтовичка.
Абдулла – шофер колхоза.
Ибрагим – колхозник.
Гость Ханмурза – муж Аминат.

ПРОЛОГ

Фронт. Ночь. Под залпы артиллерии, грохот и шум боя медленно раздвигается занавес. Звучит голос диктора.

Диктор. Четыре года идёт Великая Отечественная война. Громя остатки фашистских полчищ, Советская Армия ведёт последние бои на подступах к Берлину... История, которую я хочу рассказать вам, началась весной 1945 года на одном из участков фронта.

Тёмной ночью, наступающий Дагестанский эскадрон под огнём немецкой батареи форсирует реку. *(Голос диктора смолкает.)*

В луче прожектора раненая девушка с санитарной сумкой через плечо и боец с автоматом. Он торопливо перевязывает девушке плечо и, пытаясь привести её в сознание, прислушивается к отдалённому шуму боя.

Аян. Много крови потеряла, обессилела... Девушка! Сестра!

Айбике (очнувшись, увидела рядом мужчину, смущенно прикрывает грудь) (Слабо). Кто вы?

Аян (радостно). Жива? Это хорошо! А то я уже отчаялся. Думал, водой захлебнулась... *(Поит её из фляги.)* Пей, пей сестра, легче будет.

Айбике. Там на реке, вы спасли меня?.. Спасибо вам!.. Кто вы?

Аян. Разве важно кто вас спас... Да тот самый, что утром шутил. Вот и напророчил... *(Айбике застонала, Аян, спохватившись, участливо)*. Больно? Потерпи сестра... Недалеко санчасть... Я тебя на руках донесу.

Айбике (тихо). Что вы, лучше сообщите обо мне... Я... *(теряет сознание.)*

Аян. Ва, только что говорила... Сестра! Сестра! *(В отчаянии.)* Что делать?.. *(Роется в сумке. Достает флакон.)* И как это я раньше не догадался... *(Дает ей понюхать.)* Сестра, сестренка! *(Оглядывается.)* Хоть бы один человек попался на глаза... *(Наклоняется к ней.)* Девушка!?

Айбике (приходит в себя, стонет). Пить...

Аян (дает флягу). Пей, милая, пей. Хорошо теперь?

Айбике (облегченно вздыхает). Хорошо. Скажи мне свое имя, джигит?

Аян. Хочу услышать твое имя, девушка? Мое имя Аян.

Айбике (с трудом). Меня зовут Айбике!.. Дай мне сумку... *(Аян подает ей сумку. Айбике бессильно опускает руки).* Помоги...

Аян. Что делать?

Айбике. Достань... там, на дне, портсигар... *(Аян достает золотой портсигар, любуясь им, подает Айбике.)* Красивый, как ты сама. Зачем он тебе, я положу его обратно.

Айбике. Нет! Нет! Возьмите его на память обо мне, Аян! Он принадлежал моему отцу. Я бережно хранила его. Пусть он теперь принадлежит тебе...

Аян (смутился). Что ты, разве я достоен такого подарка? У меня ничего нет, чтобы подарить тебе, Айбике.

Айбике. Ты уже подарил мне жизнь... Это дороже моего подарка... Я так хочу жить... жить... Аян! Помоги мне, брат! *(Роняет голову на руки Аяна).*

Аян (взволнованно). Какой же я буду человек, если брошу тебя! *(Берет ее на руки и бережно уносит.)*

Затемнение. Голос диктора.

Диктор. Так встретились девушка и юноша, бойцы Дагестанского эскадрона. Оба выращенные нашей Родиной у Каспийского моря, готовые отдать свои жизни за нее. Кончилась война. Разными дорогами вернулись на свою Родину к мирной жизни Айбике и Аян, затаив в своих сердцах мечту и горячую надежду найти друг друга.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Картина первая

Озелененная часть двора и фасада сельской больницы. В тени деревьев стоят скамьи, стол. Над крыльцом висит большая вывеска: «Больница». В раскрытое широкое окно виден врачебный кабинет: стол, на столе телефон. В глубине двора низкий деревянный, зубчатый забор, за ним – улица аула. Вдали речка и хребты высоких гор. Летний знойный полдень. Слышен шумливый птичий гомон, он затихает и тишину вдруг нарушил чей-то голос, затянувший было песню и лениво оборвавший её. На подоконнике сидит Роза. Закинув назад голову, она мечтательно смотрит куда-то вверх.

Роза (сама с собой). Летайте, резвитесь, птички милые! Ловите мошек, отдыхайте на зеленых веточках, хорошо вам, весело! Как бы я хотела полетать с вами... но я летаю только во сне...

Издали доносится голос Исака.

Исак (за сценой поет). Девушка красавица, подобной не найти... Кто же тот счастливец, кого полюбишь ты?

Входит с двумя пустыми ведрами.

Роза. Я вижу тебе весело, Исак!

Исак. Очень весело, Роза. Потому, что весь день сегодня тебя вижу.

Роза (смеясь). А я наоборот, не вижу тебя – отдыхаю.

Исак. Один мудрый молла правду сказал: «Когда девушка влюблена, она думает одно, а говорит другое».

Роза. Я что думаю, то и говорю. И не люблю я никого...

Исак. Ты – как заведующая аптеки.

Роза. А причем тут она?

Исак. Она тоже никого не любит. Даже себя любит только два дня в неделю. В выходной и под выходной.

Роза. Болтунишка ты! (Скрылась, задвинув оконные занавески.)

Исак (бросается к окну, нарочито шумно вздыхает). Ва, Аллах! Тебе, Исак, нанесли оскорбление! Враг бежал. Что остается делать? Умереть достойно мужчине! Пойду налью два ведра воды и утоплюсь в них. Прощай, Роза! *(Берет ведра, уходит.)*

Роза (раздвинула занавески, смотрит вслед Исаку, смеется). Исак, не забудь завещание оставить!

Исак (на ходу). Я завещаю тебе свое сердце! *(Уходит. Роза исчезает.)*

В кабинет входит Айбике, подходит к столу. На ней белый халат, врачебная шапочка прикрывает прическу. Время мало изменило ее: внешне, наложив лишь на ее, по-прежнему красивое лицо, следы переживаний и строгой задумчивости.

Айбике (берет трубку телефона). Девушка, соедини, пожалуйста, с МТС. Товарищ директор? Здравствуйте! Вчера мы с вами говорили насчет света в больнице. Да! Но монтер не пришел. Я понимаю... Но вы же обещали, дали слово... *(Разговор, видимо, прерывается. Айбике кладет огорченно трубку, задумывается у окна.)* Что же делать? Света нет, водопровода нет... С дровами плохо... Даже медикаменты приходится доставать с трудом... И это больница в передовом колхозе... А ведь ехала сюда, думала весь мир перевернуть... И ничего не сделала!..

Входит Роза, подходит к Айбике, обнимает ее.

Роза. В палатах уже тишина, все спят. Почему ты, Айбике, не отдыхаешь?

Айбике (улыбнулась). Отдыхать будем, Роза, когда будет время. А сейчас много дел и забот...

Роза. О чем ты думаешь, Айбике? Ты всегда такая грустная.

Айбике (не сразу). Вот любуюсь аулом, красивый он у вас.

Роза (лукаво покосилась на Айбике). Он был бы еще красивее, если бы здесь жил один человек.

Айбике (улыбаясь). И кто же этот человек?

Роза (шутливо). Кажется его зовут, Астемиром.

Айбике. Глупости, Роза! Астемир приезжает сюда по делу. Он же наш начальник... *(Садится за стол, пишет.)* Марля и вата у нас на исходе?

Роза. Да, Айбике, я еще утром хотела тебе сказать... *(Айбике пишет.)* А летом у нас хорошо! *(Садится на подоконник.)* Весной соловьи поют. Правда, Айбике, что они поют о любви?

Айбике (не отрываясь). Не знаю, Роза...

Роза. Это мне Исак сказал... *(Смеется.)* Он говорит, что соловьиные трели ранили его сердце.

Айбике (улыбаясь). А может быть его сердце ранила одна девушка?

Роза (смутившись). Откуда мне знать...

Айбике (шутливо). Конечно, ты этого не знаешь! *(Обе смеются.)* Кто дежурит сейчас в палатах?

Роза. Забия, а что?

Айбике. Сегодня нужно отправить больного на рентген в район. О машине я вчера договорилась.

Роза. Машины ушли на вокзал, Абакара встречать.

Айбике. Одна, а другая отвезет больного.

Роза. Обе машины на вокзале! На одной уехала жена Абакара, а на другой его родственники.

Айбике. Это возмутительно. Третий день не могу добиться машины. Всегда они в разгоне.

Роза. Потому что у Джайран всегда находится много дел... Ей двух машин не хватит, не только одной.

Айбике. Одна машина у них для обслуживания колхозников?

Роза (качает головой). Да! Но колхозники у нас даже на вокзал пешком ходят. За пять километров. Привыкли.

Айбике. Больные пешком не пойдут. Придется об этом переговорить с председателем.

Роза. Э, сколько об этом говорил у нас Аян и на собраниях, и в районе, а все равно Джайран распоряжается, по своему усмотрению машиной хозяйничает.

Айбике. Аян? Кто это?

Роза. Бывший наш агроном.

Айбике. Бывший? Я вчера слушала его лекцию в клубе.

Роза. В колхозе он уже не работает. Его Абакар снял с работы.

Айбике. За что же?

Роза. Да разве кто угодит нашему Абакару! Он любит, чтобы все к нему подлаживались, угождали бы ему... А Аян этого не делал... Он всюду критиковал его работу. И даже за Аминат заступился. Вот Абакар и избавился от него.

Айбике. Аминат? Дочка Салимат что ли?

Роза. Да!

Айбике. А при чем тут она?

Роза. Абакар же ей родным дядей приходится. Он выдал её замуж и заставил бросить учебу. А когда Аминат ушла от мужа, Абакар хотел выгнать её из дома, Аян за неё заступился. А теперь помогает ей готовиться в институт.

Айбике. Что здесь плохого, чтобы ссориться из-за этого. Абакару с Аяном?

Роза. В этом то и дело, Айбике, что Абакар боится, как бы они не поженились. Все видят, Аминат дружит с Аяном, а Абакар хочет, чтобы Аминат вернулась к мужу.

Айбике. Ну, это зависит от Аминат. Если они с Аяном любят друг друга, Абакар ничего сделать не сможет.

Роза. А родственники? Они все надеются уговорить Аминат помириться с мужем.

Айбике. Почему же они хотят плохого девушке?

Роза. Многие, Айбике, соблюдают старые обычаи. Если девушка засватана ещё при рождении, её всё равно отдадут жениху. А муж Аминат всех родственников одарил подарками... А когда ещё был жив отец Аминат, он получил за неё, говорят, большой выкуп. Бедняжка Аминат, сколько она слёз пролила, некому ей было помочь тогда.

Айбике. Значит, Аминат выдали замуж по старому закону?

Роза. Конечно! В ауле об этом все знают. Только не говорят, боятся с Абакаром отношения испортить. А Аян в глаза ему всё сказал.

Айбике. Видно этот Аян, хороший человек, и любит Аминат? Что же, надо пожелать им большого счастья!

Роза. Ты бы поговорила, Айбике, с Аминат. Она ведь так переживает! А решиться не может... Ты посоветуй ей...

Айбике. Что?

Роза. Уехать с Аяном. Пусть бы тогда Абакар лопнул от злости...

Айбике (улыбается). Ради этого, такой совет давать нехорошо, Роза! Аминат правильно поступает. Сначала она получит образование, а потом и свое счастье устроит... Такой друг, как Аян, поможет ей. Вот только жаль, если он уедет отсюда... Боролся с недостатками в колхозе, и не доведет своего дела до конца... От того такие люди, как ваш Абакар, и сильными становятся.

Роза. У Абакара пол-аула родственников и в районе его поддерживают. Кто его победит!

Айбике. Если верить, что справедливость всегда побеждает, надо за нее бороться до конца!.. А у вашего Аяна, видимо, этой веры нет. Вот он и оказался побежденным.

Роза. Ты не знаешь Аяна, Айбике. Зачем так думаешь?.. Он только ждет Абакара... И поедет в город. Аян сильный, он не боится Абакара.

Айбике. Ну, если он такой человек, это хорошо. Я тоже не люблю подлаживаться. Постараемся вместе влиять на Абакара. Заставим его понять свои ошибки. Человек всегда может измениться к лучшему.

Роза. Это надо начинать с его жены Джайран. Он во всем её слушается. У нас, если кому что нужно, все идут к ней. Словно Джайран – закон! Она скажет: Абакар сделает.

Айбике. Вот даже как?! Ну что же, посмотрим! Ты не знаешь, где Исак?

Роза. Он воду носил на кухню. А потом ушел топиться. *(Смеется)*

Айбике. Топиться? Что ты говоришь, Роза!

Роза. Честное слово, Айбике. Сам сказал. Я назвала его болтунишкой.

Айбике. Он все шутит. Веселый парень…Ты не обижай его. Он ведь тебя любит.

Роза. Нужна мне его любовь! Отчего так бывает, Айбике, одних красивые парни замечают, а других обходят. Мне такие, как Аян, ни разу в любви не объяснялись.

Айбике. Зачем тебе красивые, Роза, ты не красоту лица ищи, а красивое сердце.

Роза (тихо, с радостью). Ты... ты такая хорошая, Айбике! *(Обнимает её.)*

Айбике. Ну, не перехвали меня! Найди Исака. Нужно послать его за медикаментами.

Роза. И куда его ветер унёс *(Смотрит в сторону, откуда должен появиться Исак.)* Вот ненормальный! Сколько времени прошло...

Айбике (смеется). А все же беспокоишься?

Роза (шутливо). Нужен он мне! Наверное, на кухне сидит и песни свои сочиняет. *(Убегает.)*

Айбике садится на подоконник с книгой. Но солнце мешает ей! Она закрывает занавески. Появившийся с ведрами Исак, смотрит на занавески, и думая, что это Роза, заметив

его, задвинула занавески, тихо подходит к окну, садится под ним. Ждет, нетерпеливо поглядывая на занавески. Затем нарочито шумно вздыхает, закрывает лицо руками.

(Говорит с наигранным отчаянием.) Ва, Аллах! Почему ты пришел обратно, Исак? Почему не бросился головой в ведра? Во всем ты, Роза, виновата!

Айбике раздвинула занавески, удивленно смотрит на Исака. Исак не замечает Айбике. Тем же тоном.

Я подумал: какой я есть человек, если оставлю тебя одну, Роза, на свете... *(Входит Роза, Айбике делает ей знак. Обе, улыбаясь, слушают.)* Она же одна будет жалеть меня, что выпустила из рук... Бедная будет рвать волосы на себе, рыдать над моим трупом, ломать руки, кричать: *(Подражает женскому плачу.)* Ой, Исак! Дорогой! Так ли ты должен умереть... не показав себя, как истинный мужчина в битвах... Покинул свою Розу... *(Роза прячется за Айбике.)*

Айбике. Исак, что с тобой такое? *(Сдерживает улыбку.)* Ты заболел?

Исак (вскочил, смутившись, растерянно поправляет на себе одежду. Не знает, что сказать, но быстро находит выход. Улыбается.) Извините, Айбике Мурадовна! Я думал, что это не вы, а Роза, мы с ней к репетиции готовились... В клубе спектакль будет... я роль учил...

Айбике. А-а! *(Смеется.)* Ну, зайди ко мне. Ты мне нужен. *(Уходит.)*

Роза (качает головой). И даже здесь, сухим из воды вылез.

Исак (смеется). Ты же знаешь, Роза, упавшему в реку, дождь не страшен!.. *(Делает ей гримасу.)* Хотела подвести меня, ничего не получилось. *(Убегает в дом.)*

Роза (ему вслед, смеется). Ну, погоди же курносый! (*Хочет уйти. Появляется Аминат. Она в новом платье, туфлях, яркая косынка прикрывает ее длинные красивые косы. Заметив ее, радостно.)* Аминат!

Аминат. Роза, я к тебе на одну минуту... Выйди, пожалуйста!

Роза (появляясь на крыльце, бросается к Аминат). Что случилось? Почему долго не приходила, забыла, где живу?

Аминат (садится на скамью). Времени не было, Розочка! Аян уезжал, занималась много... готовилась... Да и по дому маме помочь нужно, сама знаешь. А почему ты сама не приходила? Я ждала тебя...

Роза. Думаешь, у меня было время? Айбике надо все показать... Одной ей пока еще трудно... Ой, какое красивое платье на тебе! Где купила, или Аян привез?

Аминат. Что ты, у Аяна нет других забот что ли. Тетя Джайран подарила, ей из города привезли, но размер не подошел.

Роза. Помирились? Расскажи, как это получилось.

Аминат (с грустью). Мы не ссорились. Откуда ты взяла это?

Роза (с упреком). Скрываешь, думаешь я ничего не знаю! Какая же ты подружка. А туфли? Я таких никогда и не видела!

Аминат. Туфли мама заказывала в Москву

Роза. Ну как у тебя дела с Аяном? Я слышала он уезжает?

Аминат (опустив голову). Не знаю. Я с ним ещё не виделась...

Роза. Рядом живешь и не виделась? Как твое сердце выдержало!

Аминат (с недоумением смотрит на Розу). Что же тут такого! Жаль, конечно, если он уедет, я не подготовлюсь к экзаменам. *(Нерешительно.)* Роза, Астемир не приезжал?

Роза. Он был на той неделе, а что? Зачем он тебе вдруг понадобился?

Аминат (не глядя на Розу, с наигранным равнодушием). Дело есть. Хочу посоветоваться кое о чем... Ты не слышала, когда он приедет?

Роза. Сегодня приедет. Должен скоро уже приехать.

Аминат (сдерживая радость). Сегодня?.. Роза. Ну, да! Утром ещё звонил Айбике. Аминат *(тихо).* Айбике... Ну прощай, дорогая! Надо идти...

Роза. Куда ты? Что так спешишь, дома у тебя хинкал стынет, что ли?

Аминат. Извини, но я обещала маме скоро вернуться. Приходи к нам. *(На крыльце появляются Айбике и Исак).*

Роза. Обязательно приду. *(Тихо.)* У меня есть много новостей для тебя.

Айбике (Исаку.) Вернешься, Исак, нужно навести во дворе порядок. Смотри кругом мусор, окурки. Почему не поставить здесь урну? В больнице должна быть всюду чистота.

Исак. Сколько раз говорю, всем надо соблюдать санитарию, но что делать, никому мои слова не входят в голову.

Айбике (увидев Аминат, идёт к ней. На ходу Исаку). Нужно следить самим, тогда и другие привыкнут. Здравствуй, Аминат!

Исак хотел было унести ведра, но увидев Аминат, уходит без них.

Аминат. Здравствуйте, Айбике Мурадовна. Как ваше здоровье?

Айбике. Как видишь, дорогая, здорова. А вот ты изменилась. Не заболела ли? Похудела что-то.

Аминат. Нет, я здорова. Занимаюсь много...

Айбике. А мама? Как у нее с сердцем? Лекарство у нее ещё есть?

Аминат. Ничего, спасибо! Лекарство есть... Чувствует себя лучше.

Айбике. Какая ты красивая сегодня, Аминат!

Роза. Аминат у нас самый красивый цветок в ауле.

Айбике. Я тоже подумала: напрасно наши поэты сравнивают девушек с цветами, надо бы наоборот, сравнивать цветы с нашими девушками. Ты, Аминат, даже красивее цветка будешь...

Аминат (смущенно). Что вы, Айбике Мурадовна!.. Шутите, конечно.

Айбике. Нисколько. Я любуюсь тобой, и представляю, как смотрят на тебя парни.

Аминат. До свидания, Айбике Мурадовна, извините, но меня ждёт мама.

Айбике. Заходи чаще к нам, Аминат! *(Аминат кивает головой.)*

Роза. Я провожу тебя... *(Входит Аян. Он в штатском костюме, в шляпе. Строен, красив. Небольшая прядь седых волос на виске даже украшает его цве-*

тущее лицо. В руках он держит цветы. Увидев Розу и Аминат, он бросает им цветы, не замечая Айбике.)

Аян. Здравствуйте, девушки-красавицы! Ловите щедрые дары моего сада! *(Роза и Аминат, смеясь, разбирают цветы. Аян замечает Айбике и смущенно снимает шляпу.)* Здравствуйте!

Аминат. Познакомься, Аян.

Роза. Это наша новая заведующая больницей.

Аян (протянул руку). Очень рад, Аян Амаев.

Айбике (улыбаясь, подаёт свою). Айбике Мурадовна.

Аминат. Аян, я тороплюсь домой, ты придёшь сегодня?

Аян (смотрит пристально на Айбике). Извините... *(Аминат.)* Знаешь, Аминат, завтра я должен уехать в город. Забегу, но только ненадолго.

Аминат. Хорошо! *(Уходит с Розой.)*

Аян (Айбике). Каждый раз, когда я встречаю человека с именем Айбике, я вспоминаю свою молодость... Это имя много значит для меня...

Айбике (смотрит вслед Аминат, стараясь изменить разговор). Какая милая девушка Аминат...

Аян (растерянно). Да! Способная. За полгода прошла курс за десятый класс. Теперь готовится держать экзамен. Я советую ей поступить в сельскохозяйственный институт. Она любит природу.

Айбике. Это хорошо! Я вчера слушала вашу лекцию. Понравилась. Так тепло и просто вы говорили о природе.

Аян. И, наверно, удивлены?

Айбике. Почему?

Аян (с горькой усмешкой). Безработный агроном, читает лекцию о природе... Агитирует людей, а сам ничего не делает. *(Нервно достает золотой портсигар. Закуривает.)*

Айбике (увидев портсигар, с трудом удерживается от вскрика изумления и радости...В смятении, пользуясь тем, что Аян не смотрит на неё, она на мгновение закрывает лицо рукой).

Вы были на фронте? *(Аян посмотрел на Айбике, кладёт папиросу обратно и прячет портсигар.)*

Аян. Извините...

Айбике (порывисто). Курите! Пожалуйста, курите!

Аян (глухо). Спасибо, это просто привычка... Вы спросили меня был ли я на фронте? *(Он не понял Айбике, с горечью смотрит в сторону.)* Да! В моём возрасте можно встретить немного людей, которые бы не были на фронте. *(Сдержанно.)* Я к вам... По делу... Айбике Мурадовна...

Айбике (с трудом). Говорите...

Аян. В больнице лежит мой друг Идрис. Я хотел бы с ним повидаться перед отъездом. Он просил меня... Хочет показаться профессору, а я как раз завтра еду в Махачкалу.

Айбике. Идрис Гаджиев? Но он уже дал согласие на операцию. И я подготавливаю его.

Аян (бросил взгляд на Айбике, лицо его прояснилось) Ясно!

Айбике. Но я могу дать вам свидание через полчаса. Сейчас у нас час отдыха... Больные отдыхают.

Аян. Я зайду!

Издали доносится голос Абдуллы.

Абдулла. Абакар, куда машину поставить?

Голос Абакара (за сценой). Поезжай домой, поможешь жене. (Вбегает Роза).

Роза (радостно). Айбике, Астемир приехал с Абакаром! *(Входят Абакар и Астемир. В руках Астемира плащ и цветы. Астемир подходит к Айбике, даёт ей цветы.)*

Абакар (увидев Аяна). А, ты ещё здесь? *(Взглянул многозначительно на Айбике*.) А-а!? Где есть сладкий сок, туда муха летит (*Смеётся, довольный своей остротой. Подходит к Айбике.)* Здравствуй, заведующая.

Айбике (смущена). Здравствуй!

Аян (с иронией Абакару). Я думал, что после курорта ты поумнеешь, Абакар... Но ты нисколько не изменился. *(Уходит.)*

Абакар (смотрит вслед Аяну, зло усмехаясь). Ученый, а умнее ответа не придумал... *(Астемиру.)* Ты смотри за ней, Астемир. *(Показывает на Айбике.)* Видел, какие тут сторожа нашлись, ходят охранять твою невесту... *(Смеется Айбике.)* Не сердись, я по-простому... *(Розе.)* Показывай, стрекоза, где тут мой бухгалтер лежит? Нужен он мне. *(Роза смотрит на Айбике.)*

Айбике (*Абакару, сдерживая раздражение)*. Вам придется немного подождать. Сейчас больные отдыхают.

Абакар. Что? Ожидать у меня нет времени, дорогая... *(Розе.)* Ну, веди! *(Идет к крыльцу. Роза растерянно смотрит на Айбике.)*

Айбике (нетерпеливо). Товарищ председатель!..

Астемир. Айбике, ну, сделай исключение... Абакар такой человек... Я все тебе расскажу... Прошу тебя. *(Удерживает Айбике. Розе.)* Роза! Проведи Абакара. *(Абакар входит уже в больницу.Роза убегает за ним.)*

Айбике. Нет, это ужасно!.. Как он обходится с людьми, которых он первый раз видит? Что это, невежество или он просто хам?

Астемир. Успокойся! Ничего особенного не произошло... Абакар очень хороший человек... Он привык держаться везде запросто... Ты извини его... А я поговорю с ним.

Айбике. Почему же ты не поддержал меня? Не сказал ему ни одного слова?..

Астемир. Прости, Айбике... Ты знаешь, увидел тебя, все из головы вылетело... Мчался сюда... будто не видел тебя целую вечность... Посидим. Я приехал поговорить с тобой... Уже все знают о наших отношениях... Спрашивают, когда свадьба... Ты пойми моё положение? Почему ты молчишь, Айбике?

Айбике (встает). Пойду, посмотрю, что там... *(Смотрит на Астемира.)* Ты прав! Я подумаю, Астемир... Возможно, что сегодня мы решим этот вопрос. (Уходит.)

Астемир (вскочил радостно). Айбике! Что с ней произошло?.. *(Из-за кустов выходит Аминат. Заметив ее, Астемир хмуро смотрит на нее, резко.)* Зачем ты пришла?

Аминат (дрогнувшим голосом, полным отчаяния). Я ждала тебя, Астемир... Почему ты скрывал, обманывал меня?

Астемир. Ты подслушивала? Уходи! Я ничего тебе не обещал, у меня ничего с тобой не было... Все прошло. Я не люблю тебя. *(Смотрит на дверь больницы.)* Ступай домой. И не ищи со мной больше встречи.

Аминат (с трудом сдерживается). Астемир, ты говорил, что любишь, обещал...

Астемир. Что ты хочешь от меня? Я сказал, не люблю тебя.

Аминат (сквозь слезы). Что же делать мне? Астемир, я тебе верила... Ради тебя... Я все скрывала... Даже от матери…

Астемир. Ничего не знаю, что ты выдумываешь?

Аминат (встревоженно, горячо). Выдумываю? И то, что ты говорил, любишь меня, что я стану твоей женой, я тоже выдумываю?

Астемир. Не устраивай скандала, Аминат. Этим ты ничего не выиграешь, а только опозоришь себя. Кто поверит тебе? Все знают, что ты дружила с Аяном.

Аминат. Астемир! Как ты можешь? Ты сам же советовал, чтобы я с Аяном готовилась к экзаменам! Аян честный человек. Ты называл его другом...

Астемир. Ну и выходи за него замуж! *(Уходит.)*

Аминат (вслед ему с болью). Астемир! *(С криком отчаяния убегает.)*

В окне появляется Роза.

Роза (кричит). Исак, Исак! *(Скрывается.)*

Входит Исак. Ищет глазами Розу.

Исак. Ва, только что она звала меня, и нет её. Не девушка, а настоящая стрекоза. *(Кричит в окно.)* Роза, Роза!

Роза (появляется в окне). Что ты кричишь?

Исак (шутливо). Кто, я кричал? Тебе показалось. Ты, наверное, думала обо мне, и тебе послышался мой голос.

Роза (с иронией). Послышался?! Ты бы ещё в окно влез. И так от твоего голоса чуть все больные не вскочили с постелей.

Исак. О, я не знал, что у меня такой приятный голос, и тебе понравился! Тогда я...

Роза (перебивает). Слушай, Исак.

Исак. Я всегда тебя слушаю, Роза. А когда на тебе женюсь, буду смотреть на тебя, как на княгиню.

Роза. Исак, брось дурачиться. Ты думаешь, что если ты вернулся, мы можем обойтись без медикаментов? Завтра операция, ты понимаешь это? Нужно достать медикаменты.

Исак (озадаченно смотрит на Розу). Где достать? Меня Астемир вернул, сказал, что аптека закрыта, а заведующая уехала в город... Где ещё достать могу? Ты думаешь, что говоришь?

Роза. Где хочешь... К утру нужны медикаменты. Понял?

Исак (огорченно). Ва, я на тебе еще не женился, а ты уже разговариваешь со мной, как дочь князя... *(Указывает на ведра.)* Помогла бы вот лучше.

Роза. Вот ещё!.. И одному скучно не будет. *(Убегает.)*

Исак (чешет затылок). Не язык у этой девушки, а бритва! Не любит она меня. Эх, любит или не любит, от этого вода сама не пойдет на кухню. *(Берет ведра, уходит напевая.)* Девушка-красавица подобной не найти... *(Из больницы выходят Абакар, Астемир и Айбике.)*

Айбике (продолжая разговор). У нас определенные часы для свиданий, товарищ Алиев.

Абакар. Ты что же будешь и мою работу делить на часы? Слушай, дорогая... Я тебе по-хорошему советую не ссориться со мной... Когда нужда будет, не куда-нибудь, а ко мне придешь.

Айбике. Но колхоз обязан помогать больнице. Это его долг.

Абакар. Э, ты мне насчет долга голову не морочь... твоя больница государственное учреждение... Ты вот кому долг предъявляй... *(Указывает на Астемира.)* Счастливо тебе оставаться! Скучно будет, приходи, моя жена, Джайран, рада будет... *(Идет. Астемир провожает его.)*

Айбике. Товарищ Алиев! *(Абакар продолжает идти, не отвечает.)* Абакар Юсупович!

Абакар оборачивается и подходит к Айбике.

Абакар. Как ты меня назвала? Абакар Юсупович? Кто тебе сказал, как меня называть? Уж не в Махачкале ли?

Айбике (сдерживает улыбку). Нет, мне Роза сказала.

Абакар (разочарованно). А-а! Это другое дело! *(Хочет уйти.)*

Айбике (идет за ним). Как же насчёт дров?

Абакар. О делах приходи говорить ко мне в кабинет. *(Уходит с Астемиром.)*

Астемир (возвращается улыбаясь). Ты не обращай внимания на его слова, Айбике... Тебе он ни в чём не откажет. *(Смотрит на Айбике влюблённо.)* Ты подарила сегодня мне самый счастливый день в моей жизни, Айбике! Я терпеливо ждал его. И очень устал ждать!.. *(Входит Аян, держа на руках*

Аминат. Она без чувств. Айбике бросается к нему. Тяжело дыша, Аян кладёт её на скамейку.)

Айбике (испуганно). Аминат? Что с ней?

Аян. (взволнованно). Не знаю... Спасите её, она ещё жива... *(Айбике слушает пульс.)* Аминат, Аминат, что ты наделала? *(Айбике.)* Жива?

Айбике. Очень слабый пульс. *(Кричит.)* Роза! Роза!

Астемир (наклонился над Аминат, лежащей без сознания. Аяну, резко). Что случилось?

Аян. Почему ты спрашиваешь меня?

На крыльце появляется Роза.

Айбике. Скорее несите носилки!.. Аян. Я сам её донесу... Вы только скорее помогите ей!..

Аян уносит Аминат в больницу, Айбике уходит за ним.

Астемир (сумрачно смотрит им вслед... нервно закуривает). Идиотка!.. *(Бросает недокуренную папиросу. Уходит в больницу.)*

Входит Исак с ящиком, видит окурок, поднимает его, и, качая головой, молча бросает его в ящик.

Занавес.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Картина вторая

Та же сцена. На другой день. Раннее утро. На стенах, дверях, и на деревьях, где только можно, висят печатные плакаты, призывающие бороться с болезнями, за гигиену. Рядом с ящиком стоит метла и железная лопатка с коротенькой ручкой. Исак, напевая, прилаживает над ящиком плакат, написанный им же – крупными буквами разного размера и формы: «Граждане соблюдайте чистоту и санитарию. Окурки и всякий мусор кладите в этот ящик. Надо быть сознательным и понимать, что здесь больница, а не клуб». Любуется своей работой. Из больницы выходит Роза.

Исак (тихо напевая).

Я люблю, друзья, веселье.
Ноги сами пускались в пляс.
Пел я песни от безделья,
Днем и ночью я пел для вас.

По секрету вам скажу я,
Что безделье забыл Исак,
Что в работниках хожу я,
Бывший лодырь-весельчак!

Роза. Что ты здесь делаешь?

Исак. А сама ты не видишь?

Роза (вздохнув, с упреком). Вижу, но не понимаю, к чему ты все это развешал? Не двор больницы, а красный уголок получился.

Исак. У тебя нет медицинского глаза, Роза. А вот я поговорил с Айбике и у меня сразу же изменилось понятие о всей медицине.

Роза. Ты ненормальный, Исак. В больнице такое горе, а ты со своими шутками.

Исак (испуганно). Что, умерла Аминат?

Роза. Болячка тебе на язык! Что выдумал! Айбике всю ночь не спала. Аминат уже пришла в себя... Ох, и устали же все!.. Никто не приходил еще?

Исак. Нет, не приходил... Роза, а медикаменты я привез. Соседняя больница выручила.

Роза (обрадованно). Ой, какой ты хороший Исак, где же они?

Исак. Там в кабинете у Айбике...

Роза. Что же ты не сказал сразу?! (Убегает.)

Исак *(невесело поглядел вокруг на свою работу).* Аминат плохо... Я не знал... Кровь свою дал бы... *(Снимает печатные плакаты.)* Лучше повешу, когда Аминат поправится. *(Собирает плакаты, уходит.)*

На крыльцо выходят в белых халатах Астемир и Айбике.

Астемир (заботливо). Отдохни на воздухе, Айбике. Глупо доводить себя до такого состояния... Кровь, можно было затребовать из района... *(Кричит.)* Роза? *(Входит Роза.)* Давай скорее кофе. *(Роза уходит и возвращается со стаканом кофе.)*

Айбике (выпивает кофе). Диагноз ясен, Астемир. В результате тяжелой травмы разорвалась печень... Большая потеря крови... Медлить нельзя, нужно делать операцию.

Астемир. Не спеши Айбике. Нужно еще обсудить результаты обследования и, по-моему, вызвать опытного хирурга из города.

Айбике. Нет, Астемир может наступить шоковое состояние, ждать нельзя. Очень хорошо, что сделали переливание крови. Но кровь потребуется еще и после операции. Нужно позвонить в район. Сделай, пожалуйста, это. Роза, готовь инструменты.

Роза. Айбике, Исак привез медикаменты.

Айбике. Я видела. Спасибо ему. Как раз кстати. *(Роза уходит.)*

Айбике. Ты же понимаешь, что нельзя ждать.

Астемир. Понимаю, но нельзя и рисковать, дорогая. Лучше заручиться согласием родственников. Ты же не бог, может быть и плохой исход...

Айбике (с упреком). Ты советуешь мне застраховать себя от ответственности.

Астемир. Да. Ты малоопытный еще хирург. Зачем тебе переоценивать свои силы? Кроме того, разве не знаешь, что здесь за люди? Если Аминат даже умрет не от операции, тебя обвинят в ее смерти.

Айбике. А если до операции?

Астемир. Тогда ты будешь ни при чем.

Айбике. Не смей мне давать таких советов, Астемир. Это подло! Ты понимаешь, что значит не выполнить врачебного долга? Это хуже чем преступление.

Астемир. Что ты нервничаешь? Я смотрю трезво на вещи и не философствую. Кто виноват, что она связалась с этим Аяном. Он обманул ее и теперь собирается уехать. Ясно, у них произошло объяснение...

Айбике (глухо). Но мы еще не знаем причины... Как можно только на основании голых предположений обвинять человека чуть ли не в убийстве, Астемир.

Астемир. Ты его не знаешь... А я хорошо знаю, да и многие другие знают, что это за человек... Парторг, партия ему доверила воспитывать людей и помогать им... А что он делает, мерзавец? Абакар прав, таких людей нужно гнать из партии. Пойми, Айбике, у Аминат мало надежды на жизнь. Я хочу, если она умрет, чтобы отвечал Аян, а не ты.

Айбике (горячо). Допустим, что Аян виноват... Но мы, врачи, по-твоему, должны оставаться в стороне, и сознательно допустить, чтобы человек умер?

Астемир (нервно). Как ты понимаешь мои слова! Суд не станет учитывать твоей психологии, будет судить с точки зрения закона.

Айбике. Закон совести сильнее, Астемир.

Входит Роза.

Роза. Астемир Салимович, вас Аминат зовет.

Астемир (встает). Этот закон тебе не поможет, Айбике.

Айбике. Астемир! Я пыталась говорить с Аминат... Но она даже при моем приближении теряет сознание... Что с ней? Попробуй поговорить ты?!

Астемир (не сразу). Хорошо. *(Уходит.)*

Айбике. Пришла в сознание... Это хорошо... Ты говорила с ней?

Роза. Она молчит. От неё ничего не добьёшься, Айбике... Только попросила позвать Астемира.

Айбике (с горечью). Да, положение тяжелое... Абакар послал машину за матерью...

Роза. Ну и люди! Поехали за святой водой… Чем вздумала лечить свою дочку... Но если она явится, Айбике, то она ни за что не даст согласия на операцию. Она заберёт её и сделает скандал... Я-то хорошо знаю тётю Салимат. Она всей душой приросла к старым обычаям.

Айбике (встает). Тогда мы обойдемся и без неё. Готовь наркоз. *(Роза уходит. Входит Аян, ведя велосипед, на котором прикреплён небольшой чемодан и плащ.)*

Аян. Доброе утро, Айбике Мурадовна!

Айбике (удивленно и неприязненно). Здравствуйте, вы не уехали?

Аян (смутился). Нет, не мог уехать. Купил билет, сел в поезд, а потом соскочил на ходу... *(Виновато.)* В общем вернулся! Решил зайти по пути узнать, что с Аминат.

Айбике (пристально смотрит на Аяна, сдержанно). Аминат плохо.

Аян (с тревогой). Плохо? Но вы же сказали...

Айбике (нервно). Исследования показали другой диагноз. *(Наблюдая за Аяном.)* Тяжелая травма. Нужна операция. Возможен плохой исход, мне советуют дождаться ее матери и заручиться ее согласием... Но ждать нельзя... Состояние больной тяжелое.

Аян (горячо). Зачем ждать... Какая польза от ее матери? Я еще вчера узнал, что Аминат была не совсем здорова, и что мать лечит ее какими-то травами... Кто мог дать вам такой бездушный совет? Когда надо спасать жизнь человеку, думать не приходится. Вы врач и знаете это лучше меня.

Айбике (с трудом). Извините, я иду на операцию. *(Уходит.)*

Аян (вслед Айбике). От всего сердца желаю вам... *(Айбике уже вошла в больницу, Аян осекся, взволнованно смотрит на дверь.)* Нет, я, кажется, ошибся!.. Она не узнала меня. Почему же она так встретила меня? *(С болью.)* О, я просто сошел с ума, Айбике! Но ведь, как ты была взволнована, когда увидела портсигар...» Айбике! Айбике! Зачем сошлись наши пути... Астемир завладел твоим сердцем, и ты просто испугалась, увидев свой подарок. Делаешь вид, что не узнаешь меня. А я то... еще надеялся... Вернулся... Эх, Айбике! Какое право я имею вмешиваться в твою жизнь... *(Резко повернул велосипед, из больницы выходит Астемир.)*

Астемир. Аян!

Аян (обернулся с неприязнью смотрит на Астемира). Что тебе нужно от меня, Астемир?

Астемир (подходит к нему, хмуро). Кто тебе дал право вмешиваться не в своё дело? Давать советы там, где тебя не спрашивают?

Аян. Ты о чём?

Астемир (зло улыбаясь). Ты хорошо знаешь, о чём я говорю. Прикидываешься сочувствующим?

Аян (вспыхнув, с брезгливостью). Червяк! *(Быстро уходит.)*

Астемир (нервно закуривает, вслед Аяну). Посмотрим! Я запомню это слово, учёный! *(Бросает папиросу, уходит в больницу).*

Входит Исак. Берёт метлу, лопатку, оглядывает всё кругом, нет ли где мусора. Видит окурок и заметает его на лопатку.

Исак. Ну откуда ты появился? Какой шайтан тебя занёс сюда? Только что подметал. *(Бросает окурок в ящик. Смотрит на свой плакат, качает огорченно головой.)* Нарочно написал большими буквами, всё равно, не находится сознательных людей...

На крыльце появляется Роза.

Роза. Исак! Никого не пускай в больницу. Ни единого человека. Понял?

Исак. Понял, Роза... А как Аминат?

Роза. К операции приступаем.

Исак (горячо твёрдо). Тогда никто не пройдёт! Будьте спокойны, Розочка. *(Роза убегает.)*

(Исак садится на крыльцо, положив рядом с собой метлу). Операция?! Ва, аллах, это трудная комбинация... Но медицина не подкачает... Наука победит!..

Во двор входит высокий худой человек средних лет, похожий на выходца из старого мира. В дорогой черкеске, бухарской папахе, с серебряным кинжалом на поясе, он важно подходит к Исаку.

Гость. Здравствуй!

Исак. Доброе утро, дядя! Тебе кого? Видать издалека к нам пожаловал?

Гость. Из Барагона.

Исак (в сторону). Об этом я сразу догадался... по твоему виду. *(Громко.)* Какое дело есть?

Гость (важно). А ты кто такой, что я должен тебе докладывать?

Исак. Медицина. Видишь, куда пришел? *(Показывает на вывеску.)*

Гость (с усмешкой). Уж ты не главный ли здесь?

Исак. На этом месте главнее меня, сейчас никого нет. Вход и выход охраняю.

Гость. Ну, так пропусти меня. У меня дело есть.

Исак. Никаких дел не принимаю. Вход запрещен.

Гость. Это как же запрещен? Кто запретил?

Исак. Командующий.

Гость. Какой в больнице может быть командующий? Что ты болтаешь... Мне не до шуток. Жена умирает.

Исак (загораживает вход. Строго). Я же говорю, приказ командующего – не пускать никого.

Гость (хмуро). О, кто же этот командующий?

Исак. Роза.

Гость (в сторону). Э, да он со мной шутить задумал... Видно не знает с кем имеет дело... Ну так я ему покажу, как в Барагоне шутят. *(Громко.)* Эй ты, парень, а ведь я тебя где-то уж встречал? *(Садится рядом с Исаком.)* Тут у вас один сумасшедший в ауле... Уж не ты ли это?

Исак (в сторону). Эге, этот Барагонский гость хочет мне голову заморочить? На это они мастера. Ну, да кто кого перехитрит. *(Громко с равнодушием.)* Нет, это другой. Я тоже, дядя, приглядываюсь к тебе, где-то я тебя встречал? Как живешь, дядя?

Гость (косится на него). Дай бог каждому так жить.

Исак. В семействе, надеюсь, все здоровы?

Гость. Семейства пока у меня нет. Один живу.

Исак. Ну, а как соседи, друзья?

Гость. Хорошо живут все.

Исак. А как все остальные в вашем ауле?

Гость (раздраженно). Живут, слава Аллаху, хорошо.

Исак. Ну, а как аул, все еще на старом месте стоит?

Гость (отодвинулся от Исака, с подозрением). Да ты что ко мне прилепился?

Исак (подвигается к нему). Ва, наконец-то припомнил тебя, дядя... Ты кажется немного прихварывал раньше...

Гость (в недоумении смотрит на Исака). Очень редко хворал.

Исак. А как теперь, не беспокоит?

Гость. Что, малярия что ли?

Исак. Вот-вот, помню теперь – она из тебя, дядя, чуть было душу не вытрясла тогда...

Гость (подозрительно). Что это ты чепуху, парень, мелешь?

Исак. Как же, я сам лечил тебя... Ай, ай, сам пророк Магомед тебя привел ко мне, дядя... Я давно искал малярика... *(Гость отодвигается от Исака. Исак все время подсаживается к нему.)* Как вовремя я нашел тебя!

Гость (в сторону). Аллах, что за шайтан на мое несчастье свалился мне на голову? *(Громко.)* Ты меня оставь в покое... Я не лечиться пришел сюда. У меня важное дело. Мне надо туда идти. *(Указывает на двери.)*

Исак (преграждает ему дорогу и делает вид, что ищет что-то в карманах). Знаешь что, дядя из Барагона, я придумал новое лечение от малярии. Укол! И не нахожу человека проверить хорошо ли он действует.

Гость (отскочил, с испугом). Какой такой укол? Что ты, не в своём уме, парень?

Исак. Ты погоди, сейчас я тебе его сделаю, дядя! Ты благодарить будешь меня всю жизнь. *(Ищет, наступая на него.)*

Гость (пятится от него). Что ты, что ты, наверно, тот самый сумасшедший и есть? *(Отдергивает руку, которую Исак держит.)* Пусти, не надо мне твоего укола... Рехнулся ты, что ли?

Исак (крутит головой). Ты, кажется, угадал, дорогой! Голова кружится... Ай, ай, закрутилась... Давай скорей укол делать... А то совсем закрутится!

Гость (вырывает руку, с ужасом в сторону). Аллах, святой Магомед, спаси Ханмурзу от этого бешеного! *(Убегает.)*

Исак (кричит вслед). Стой, стой! *(Смеётся.)* Ловко я пугнул это чучело в бухарской папахе! Больше ты, Барагонский шутник, не явишься ко мне. Ишь ты, жена умирает, что выдумал. Кто-кто, а я-то вас барагонцев знаю. *(Садится на крыльцо. В окне появляется Роза).*

Роза. Исак, что за шум.

Исак (виновато). Извини Роза, я свою позицию здесь психической атакой отстаивал. Ну, как там?

Роза. Скоро конец... Ох, Исак! Если останется жива Аминат, это чудо! *(Уходит.)*

Исак *(стоит, опустив голову. Незаметно вытер рукавом глаза, сел на крыльцо).* Аминат! Аминат! Пусть твоя жизнь еще долго продлится. Пусть она будет счастливой, Аминат! Красивой, как утренняя заря, как твое лицо, живи Аминат!

Во двор входят Абакар, Джайран и гость.

Исак (увидев их, поднимается). Ого, никак этот бухарский шах ведет подкрепление. Не сдавайся, Исак! Мужество – отличие джигита! *(Становится у дверей.)*

Абакар (подходит к Исаку). А ну, отойди в сторону, парень!

Исак. Не могу, дядя Абакар. Операция идет. Приказано никого не пускать.

Джайран (всплеснув руками). Режут? Нашу Аминат?

Исак. Не режут, тетя Джайран, а оперируют.

Абакар. И меня не велено пускать?

Исак (нерешительно). Приказано никого не пускать, пока не кончится операция... *(Указывает на скамейки.)* Посидите там, дядя Абакар, отдохните!

Абакар. Астемир здесь?

Исак. Здесь.

Абакар. Позови его.

Исак. Так он же на операции.

Абакар. Ну, поглядим, что дальше будет.

Джайран. Как, что будет? Там может быть нашей Аминат уже и в живых нет! Кто дал им право резать человека без согласия родственников? И даже матери родной не дождались! Вай, Аллах! Я…

Абакар. Замолчи ты...

Джайран (с плачем). Легко тебе молчать, а у меня уже сердце разрывается от горя! Бедная Салимат, что ждёт её!

Абакар. Где она завязла там, я машину за ней послал. Нашла время по святым местам ездить.

Джайран. Зря послал. Она теперь пока всех родственников не объедет и не вернётся.

Абакар. Ну, хватит языком болтать, глупости... *(Исаку.)* Ты долго будешь торчать у меня перед глазами? Кто я здесь, гость или хозяин в своём ауле? *(Грозно.)* Ну?

Гость (тихо на ухо Абакару). Ты поосторожнее с ним, Абакар, он бешеный! Укусит.

Абакар (с досадой). Что ты мне под ухо как муха жужжишь, Ханмурза! *(Отталкивает от дверей Исака, все бросаются к дверям. В это время раздаётся шум машины и крик Салимат. Все оборачиваются в ту сторону. Вбегает Салимат, сбрасывает на ходу с себя сумки с продуктами.)*

Салимат (кричит). Где моя дочь, моя Аминат!

Джайран (бросается к ней, помогает снять с плечей груз). Ой, тётя Салимат!

Салимат (роняет последнюю сумку из рук). Умерла?! *(Плачет.)*

Абдулла (Джайран). Что делать с продуктами?

Джайран. Вези к нам. Кому теперь до них. *(Абдулла собирает мешки, уходит.)* Успокойся, Салимат, никого не спросив, они уже режут Аминат.

Салимат (в ужасе). Зарезали? *(Поднимает руки.)* О Аллах, где твоя милость, или я не коснулась её!! *(В отчаянии, опускается на крыльцо, бьёт себя кулаками в грудь, рвёт на себе волосы.)* Аминат! Дочь моя... Хочу видеть тебя... облегчить твою боль! Или она уже умерла, и не по воле Аллаха, а я не буду за нее держать ответ перед всевышним! *(Абакар с Джайран помогают ей подняться. Салимат плачет.)* А ты, брат, разрешил этим безбожникам резать ее, вмешиваться в святые законы!

Абакар (хмуро). Откуда я знал, сестра...

Салимат. Ох, ты же знал, что я уехала за святой водой в Зиярат, и привезла ее. *(Достает из-за пазухи пузырек с водой, роняет его.)* Вай аман! Плохой признак, вода разлилась, умрет моя дочь, Аллах не простит ей грехи!

Исак. Что ты, тетя Салимат, жива будет Аминат. На то мы и медицина здесь, чтобы спасать людей...

Абакар (резко толкает Исака). Ну-ка, посторонись, медицина! *(Ханмурза старается быть ближе к Абакару, испуганно косится на Исака.)*

Салимат (увидев Ханмурзу, всплеснула руками). Аллах! Зачем прилетела эта черная ворона сюда? Или почуяла кровь моей дочери? Прочь отсюда, я тебе ее даже мертвую не отдам! *(Наступает на него.)* Прочь, прочь с глаз моих! *(Ханмурза испуганно пятится назад и убегает.)*

Абакар. Успокойся, сестра... Пойдем к дочери...

В дверях появляются Астемир и бледная Айбике. Абакар и Джайран отступают. Салимат с криком и поднятыми кулаками бросается к Айбике, Абакар ее удерживает.

Салимат. А-а! Убила мою дочь! На твоем халате ее кровь! Искромсала ее и успокоилась? Проклятая безбожница, где моя Аминат?!

Входит Роза, неся табуретку, становится перед Салимат.

Роза. Жива, жива твоя дочь, тетя Салимат! Успокойся!

Айбике (глубоко вдыхая свежий воздух, устало и тихо). Все, все кончилось пока хорошо, Салимат... Не волнуйся, Аминат будет спасена! *(Обессиленно опускается на табуретку, теряет сознание, все бросаются к ней.)*

Астемир. Воды, спирт. *(Роза, Исак убегают.)*

Салимат (опешив, растерянно смотрит на Айбике). Да воздаст тебе небо... За добрую весть! *(И руки, которые тянулись к Айбике, чтобы нанести ей удары, благодарно по-матерински обнимают ее колени.)* Прости меня! *(Плачет.)*

Занавес.

Картина третья

Осенний пасмурный вечер. В свете прожектора больничное окно. Оно закрыто, занавески на нем задернуты. Кутаясь в плащ от ветра, у окна стоит Аян. Его осунувшееся лицо взволнованно обращено к окну, откуда доносятся звуки гитары и грустная, полная чувства и тепла песня Айбике.

Айбике (поет):

Под градом пуль и залпы батарей
Мой милый друг, мы встретились с тобой.
Но почему ты не назвал своей
Ту девушку, чье сердце взял с собой?
Как время быстрокрылое летит
Шли годы в ожидании, тоске.
Но почему, любимый мой джигит
Забыл ее, чье имя Айбике?

И если повстречаюсь я с тобой,
Моя любовь блеснет как солнца луч!
Но почему, о, друг мой фронтовой,
Я без тебя, как месяц среди туч?

Песню обрывают редкие аплодисменты.

Аян (с болью, рванулся к окну). Айбике! *(Закрыл лицо руками. Оторвался от окна, с силой.)* Прощай, моя девушка в серой шинели, пусть твой выбор будет счастливым! *(Резко повернулся, чтобы уйти, появляется Исак, с охапкой дров.Увидев Аяна, насторожился.)*

Исак. Эй, кто ты?

Аян (обернулся, узнал Исака). Здравствуй, Исак!

Исак (узнает, бросает дрова, радостно). Аян откуда ты появился, дорогой! *(Обнялись.)* Где так долго был? *(Шутливо).* В ауле все девушки из-за тебя перестали петь песни. Ва, Аллах, как я рад, что ты жив, здоров!

Аян. Пожалуй, друг, ты один в ауле рад этому. Спасибо!

Исак. Ты ошибаешься, Аян, тебя вспоминают многие, а кое-кто пожалеет, узнав о твоем возвращении. Слушай, заходи в дом, Роза рада будет, если увидит тебя.

Аян (с горечью). Роза, а другие?

Исак. Все будут рады гостю. Сегодня у нашей заведующей праздник... День рождения... А через неделю свадьба.

Аян (упавшим голосом). Свадьба? С Астемиром?

Исак. С ним... Сегодня приехал, подарки привез... А гостей нет... Зато уж свадьба будет, как полагается... На весь аул... Хорошо, что ты вовремя вернулся.

Аян (глухо). Прощай, друг!

Исак. Что так спешишь? Дома никто не ждет тебя... Куда торопиться... Роза узнает, обижаться будет, что не зашел.

Аян. Спасибо, не могу. Я обещал навестить Аминат. Давно не видел ее. Передай привет Розе... Увидимся еще... Я тебе книги привез.

Исак (радостно). Не забыл? Ва, какой ты человек! Большое спасибо тебе. Ну, а как твои дела, почему ты не сказал ничего о них?

Аян (тяжело вздохнул). Длинная история, Исак! В райкоме ждут нового секретаря... Дело мое из города переслали на новое рассмотрение в райком. Все, друг, начинается сначала. Ну, будь здоров!

Исак (взволнованно). Пусть твой приезд будет для тебя счастливым! Доброй ночи, Аян! *(Аян уходит. Исак смотрит ему вслед, качает головой, с горестью.)* Ай, ай, какого человека замучил Абакар! Чтоб на его поганом языке вскочил чирий! *(Собирает дрова, затемнение.)*

Свет. Залитый электричеством, врачебный кабинет. У окна стоит в хмурой задумчивости Астемир. На диване сидит Айбике, прислонившись к грифу гитары. Задумалась. У стола, накрытого скромным угощением, суетится Роза в праздничном наряде.

Роза. Хинкал остыл, ещё осталось немного вина. Пойду, подогрею закуску. Исак наверно уже растопил плитку на кухне *(Уходит.)*

Астемир. Зачем ты огорчаешь меня, Айбике, своими воспоминаниями? Твоя песня – это удар кинжала в моё сердце.

Айбике (улыбаясь). Сегодня день моего рождения, Астемир. Мне всё должно прощаться... *(С грустью).* Я пела не для тебя...

Астемир. А для кого?

Айбике. Для себя...

Астемир. Айбике, через неделю наша свадьба... Но я не спокоен... Ты мучаешь меня. Я знаю, у тебя нет чувств, чтобы согреть, поднять, наполнить радостью и счастьем моё сердце. Но будь справедлива. Я люблю тебя, Айбике!

Айбике. Астемир, давай говорить о другом. Мне сейчас грустно... Очень грустно!

Астемир. Ты сама начала эту тему...

Айбике. И сама предлагаю перейти на другую.

Астемир (садится рядом с Айбике). Спой для меня песню!

Айбике (с наигранной весёлостью). Могу уважить. *(Лукаво посмотрела на Астемира, играет на гитаре «Чижика», поёт.)*

Что с тобою Астемир,
Ты обижен на весь мир?

Астемир (резко встаёт). Можешь не продолжать дальше.

Айбике (смеётся). Что ты сердишься? И пошутить нельзя с тобой.

Астемир (развязывает галстук). Душно, понимаешь, душно!.. *(Хочет открыть окно.)*

Айбике. На улице ветер, Астемир. Будет холодно. *(Кладёт гитару.)*

Астемир (отходит от окна, садится за стол, наливает вино). Нет, ты абсолютно не понимаешь меня. А, впрочем, это не важно. Придёт время – поймешь. *(Пьет.)* Скажи, зачем ты спела вдруг эту нескладную песню?

Айбике. Тебе хочется со мной поссориться сегодня?

Астемир. Нет. Ты обидела во мне самое святое к тебе чувство. Допустим, что ты любишь. Но кого ты любишь? Случайного парня, которому может быть и совсем не нужна была твоя жизнь, а просто он не хотел рисковать своей головой в бою. Мало этого, он ещё получил щедрый подарок. И кто знает, что сделал с ним... *(Айбике пристально смотрит на Астемира.)* Ты думаешь, таких случаев мало было на фронте? Не он, другой бы вытащил тебя из воды. И почему ты строишь из этого что-то необыкновенное, героическое. Себя мучаешь и меня... И превращаешь наши отношения в какую-то пытку... *(Наливает вино.)*

Айбике (берёт у него рюмку). Не пей больше, Астемир. Хватит. Ты и так уже пьян.

Астемир (покорно встаёт). Хорошо. Ты пойдешь сегодня домой?

Айбике. Я сегодня дежурю.

Астемир (садится около Айбике, смотрит на неё). Мне кажется, что ты не здорова. Хочешь, я останусь за тебя дежурить, а ты пойдешь отдыхать?

Айбике. Нет.

Астемир. Что ты на меня так смотришь? Айбике (*продолжает вглядываться в него*). Мне очень хочется понять тебя, Астемир. Как человека... *Астемир*. Ты давно могла бы это сделать. Айбике. Но ведь мы редко встречались...

Астемир. Два последних года мы встречались довольно часто.

Айбике (вздохнув). И всё же ты казался мне не таким.

Астемир. А именно?

Айбике. Ты был лучше... Я, может быть и полюбила бы тебя, но ты для меня всё ещё не ясен... В тебе чего-то не хватает для меня...

Астемир. Ну да, твой воображаемый герой оказался достойнее меня *(Рассматривает бумаги на столе).*

Айбике. А разве плохо нам быть просто друзьями и уважать друг друга? *(Берёт у него из рук бумагу.)* Не трогай, это конспект для статьи.

Астемир. Секрет?

Айбике. Не секрет, но и не входит в форму отчёта, которую ты устанавливаешь для меня... *(Улыбаясь.)* Это для газеты.

Астемир. Любопытно.

Айбике. Но если так, можешь прочесть... *(Отдаёт ему лист бумаги. Входит Роза.)*

Роза. На улице ветер. Холодно. Куда Исак пропал с дровами?

Айбике. Роза, почему Аминат не приходит на перевязку?

Роза. Ты же знаешь, как она изменилась. На что сердится – не знаю... Я слышала, ее Джайран уже прибрала к рукам. Наверно, она не пускает ее. Пойду Исака поищу. *(Уходит.)*

Астемир (читает вслух). «Первая часть. Обычаи старины...» *(Смотрит на Айбике.)* Не понимаю.

Айбике. Я хочу написать о том, как отцы наши, не думая о нашем будущем, скрепляли свою дружбу за бокалом вина и продавали нас...

Астемир (читает). Горькая доля наших матерей, крик опозоренных девушек. Дикая резня, бесчинство ханов и князей. *(Смеется.)* Для твоей статьи не хватит и четырех страниц газеты.

Айбике. Читай дальше.

Астемир (читает). Остатки старых пережитков... Пример: Абакар и... *(Смотрит недоуменно на Айбике.)*

Айбике. И Аминат. Очень наглядный пример.

Астемир (лицо его меняется, хмуро). Но зачем тебе нужно об этом писать?

Айбике (берет у него черновик и кладет в ящик стола). А по-твоему надо молчать, если председатель колхоза, член партии по старым обычаям насильно выдает замуж свою племянницу за человека нелюбимого ею, чуждого ей. А когда она хочет жить по-новому, принуждает ее вернуться к старому. Можно ли на это глаза закрывать и оставаться только свидетелями такого дикого факта в наше время?

Астемир (растерянно). В общем, конечно, нет. Но в частности, можно.

Айбике (возмущенно). Как это – в частности? Если Аминат не по своему желанию попала к человеку со старыми предрассудками, не вынесла и ушла с надеждой найти свою дорогу в жизни... По-твоему – это частный случай? Помочь ей, бороться за её настоящую жизнь. Это тоже?

Астемир. Погоди, Айбике! Ты меня не так поняла...

Айбике. Я очень хорошо поняла тебя, Астемир. Не понятно то, что ты сам хотел помочь Аминат. Обещал убедить Абакара, чтобы он помог ей продолжать учение. И ты этого не сделал. Почему? Дал слово мне, своей партийной совести, Аминат, которая ищет выхода и не может его найти... Скажи, почему?

Астемир (подавленный натиском взволнованной Айбике, не знает, что сказать. Нервно ходит по комнате. Айбике следит за ним и ждёт ответа). Пойми, Айбике...

Айбике. Что?

Астемир. Жизнь иногда ставит человека в такие обстоятельства, которые заставляют его многое не замечать вокруг себя. И подавлять в себе чувство... Как бы это тебе сказать...

Айбике (с иронией). Ты говори проще. Яснее! *(Подходит к окну, стоит, отвернувшись от Астемира. Затем резко повернулась и прямо смотрит ему в глаза, как бы желая угадать его мысли.)* Абакар твой друг и это мешает тебе выступить против него?

Астемир (овладев собой, с деланным спокойствием). Да, я так думал. Потому, что Абакар наш общий друг. Он очень много помог и тебе в твоей работе... Твой авторитет в районе... во многом зависел от него... И отплатить ему за это неблагодарностью – несправедливо. *(Айбике с трудом сдерживает себя.)* Мало этого, ты своим выступлением против Абакара приобретешь себе врагов. У него здесь каждый встречный – родственник. И он добьётся того же, чего добился с Аяном. А самое основное, ты причинишь мне большую неприятность. Ты сорвешь все мои планы на наше будущее.

Айбике. Тебе?

Астемир. Да. Вся твоя статья – это холостой выстрел в воздух... Абакар – это не единичный случай... Такие случаи всюду есть. И чтобы бороться с ними, нужна большая сила. И факты! У тебя их нет... Одни разговоры... И бред этой девчонки, которая сама не знает, чего она хочет. Если ты жалеешь ее, ты напиши вот об Амаеве. Таких негодяев нужно разоблачать... Он во всем виноват... А не Абакар, который стоит за сохранение семьи и правильно делает.

Айбике. С Амаевым разберутся и без нас с тобой... Ты скажи о себе, какую неприятность причинит тебе моя статья?

Астемир (подходит к Айбике, ласково). Я же, дорогая, не собираюсь засиживаться в районе. Это лишь моя первая ступенька к повышению. С моими способностями я буду подыматься все выше и выше, до тех пор, пока в моих руках не будет портфель министра. А тогда, ты увидишь настоящую жизнь. Ради этого нам нет смысла ссориться с Абакаром. В нашем министерстве сидит его родственник.

Айбике (вспыхнув). Уйди!

Астемир. Что с тобой?

Айбике. Почему ты раньше не говорил мне об этом?

Астемир. Не было случая...

Айбике (повернулась к окну, хочет открыть его). И в самом деле, у нас душно!

Астемир. Простудишься, Айбике, отойди от окна.

Айбике (едва владея собой, сдержанно). Наконец-то ты сам помог мне понять тебя. Так вот ты какой!

Астемир (с упреком). Какой?

Айбике (вспыхнув). Самый обыкновенный мещанин, мелкий обыватель, подхалим и карьерист!

Астемир. Айбике! Ты с ума сошла! Айбике *(с трудом удерживает слезы, тихо, с силой)*. Нет, я никогда, слышишь, никогда не пойду с тобой твоей дорогой... Никогда не буду твоей женой!.. *(Хочет уйти, Астемир с силой поворачивает ее лицом к себе, Айбике вырывается.)* Пусти!

Астемир (лицо его искажается злобной гримасой). Но я не мальчишка, чтобы позволить играть со мной, Айбике! *(Берет ее пальто. Другим тоном, смягченно.)* Ты становишься истеричкой. Черт знает, что приходит тебе в голову в этой захолустной дыре. Одевайся, я отведу тебя домой. Извини меня.

Айбике (отстраняет его, взволнованная, одевает халат). Мне нужно пройти по палатам... Надеюсь, ты оставишь меня в покое и уйдешь. *(Уходит.)*

Астемир (подходит к столу, выливает в стакан остаток вина и залпом выпивает его, с усмешкой). День рождения? *(Одевается и уходит.)*

Входит Роза с блюдом горячего хинкала.

Роза. Уже разбежались? *(Смотрит на бутылку.)* И вино выпили... Ну, какое же это веселье?

Где-то стучат. Входит Исак.

Исак. Роза, стучит кто-то, наверное, это Астемир вернулся, пойду открою. *(Уходит.)*

Входит Айбике.

Айбике. Роза, убери, пожалуйста, со стола. И дай грелку в первую палату. Я буду во второй, если что нужно будет – спросишь. *(Уходит.)*

Входит Исак, Ибрагим с чемоданом и Мамаева. Это седая, с умным выразительным лицом женщина. Она в дорожной одежде, с фотоаппаратом через плечо. Одна рука ее перевязана платком, сквозь который проступила кровь.

Исак. Заходите сюда в кабинет. Сейчас я скажу заведующей. *(Уходит.)*

Мамаева (садится на диван). Это районная больница?

Ибрагим (поставил чемодан). Да, как сказать, сюда теперь со всех концов приезжают. Пожалуй, что и районной стала, не знаю.

Мамаева. А кто здесь заведует?

Ибрагим. Женщина, хороший доктор... Полгода не работает, а больницу не узнать. Даже председателя нашего раскачала. Раньше здесь лампы горели, а теперь электричество. Воду провели. Люди говорят, не хуже городской стала наша больница.

Входит Исак.

Исак. Очень занят доктор, вливания делает больному. Просит извинить и подождать немного. *(Присел у дверей, рассматривает Мамаеву, тихо Ибрагиму.)* Из редакции что ли?

Ибрагим (тихо). Не спрашивал.

Исак (также). Видишь с фотоаппаратом. Значит корреспондент.

Ибрагим (кивает головой). Ну да, пожалуй, ты прав.

Мамаева. А как у вас идут дела в колхозе?

Ибрагим (нехотя). Как сказать, будто в передовых ходим.

Мамаева. Хорошо работаете? А как председатель? *(Исак смеется).* Почему смеешься?

Исак. В нашем колхозе о председателе нечего сказать. Потому что он только называется председателем, а всеми делами командует его жена, Джайран. Вот о ней можно две газеты заполнить.

Ибрагим (Исаку). Это не наше дело, Исак. Чего зря болтаешь?

Мамаева. Это интересно. Что же делает жена председателя?

Исак. Ничего. За нее люди делают.

Мамаева. Ты, я вижу, человек с юмором? А я слышала, что ваш председатель опытный руководитель.

Исак. Я людей делю на три разряда: одни сами знают и людей спрашивают – это полноценные люди. Вторые – сами знают, ни о чем не спрашивают – это половинчатые люди. А третьи – сами ничего не знают и у других ничего не спрашивают – вот из таких и наш председатель будет. Он своей головы не имеет, головой жены работает.

Мамаева (улыбаясь). Любопытная философия у тебя.

Исак. Я все это хотел рассказать большому начальнику, да не удается...

Мамаева. Но на этот раз может быть и удастся?

Исак. Теперь совсем не удастся. Говорят, в район приезжает новый секретарь райкома, женщина.

Мамаева. Ну и что же?

Исак. Женщина с женщиной всегда найдут общий язык.

Мамаева. По-твоему, женщина-секретарь – это плохо?

Исак. Зачем плохо? Джайран узнает, обрадуется.

Ибрагим. Это не так важно, Исак. А вот агронома у нас нет, это плохо... Выгнал Абакар хорошего человека, а и плохого не найдет. Вот о чем надо говорить и ругать председателя. Не слушает он народ.

Входит Айбике.

Айбике (Мамаевой). Извините, я задержалась с больным.

Мамаева (радостно). Айбике!

Айбике (бросается к ней). Асият-ханум! Какая радость. *(Обнялись. Заметив перевязанную руку)* Что это? Вы ранены?

Мамаева. К тебе привел меня вот этот человек. *(Показывает на Ибрагима.)* Сделай перевязку. Авария с машиной была... Так пустяки!

Айбике. Пойдемте, скорее в перевязочную. *(Уходят).*

Ибрагим (уходя). Надо сказать Абакару, пусть прикажет взять на буксир ее машину. Мост провалился... Беда! Сколько раз говорили Абакару сделай новый мост, не слушает. *(Уходит. Исак провожает его и возвращается. Входит Роза).*

Исак. Слушай, Роза, корреспондент из редакции приехал, в аварию попал.

Роза (печально). Ну и что же?

Исак. Как это что же? Распишет так в газете, от Абакара пух посыплется...

Роза. Не беспокойся, Джайран не растеряется. Она из его пуха перину сделает. *(Оба смеются.)*

Входит Айбике и Мамаева, рука у Мамаевой уже перевязана.

Айбике. Роза, сообрази насчет чайку. И чего-нибудь закусить.

Роза. Хорошо. Исак, иди неси дрова. *(Исак и Роза уходят.)*

Айбике (радостно, взволнованно). Ну, рассказывайте, как сюда попали? Давно из Москвы?

Мамаева. Только что приехала. Получила назначение в обкоме секретарем райкома в ваш район.

Айбике. Асият-ханум, милая, как я рада!

Мамаева. Ну, а ты давно здесь, а впрочем, я знаю – полгода. Сколько же времени мы не виделись стобой?

Айбике. Два года...

Мамаева. Замуж не вышла?

Айбике (задумалась). Нет... раздумала выходить замуж. Лучше жить одной, чем с человеком, которого не можешь полюбить.

Мамаева. Ну, а рыцаря своего так и не встретила? Того, что спас тебя на фронте?

Айбике (с грустью). Но он оказался не таким рыцарем, каким я вообразила его сама себе...

Мамаева. Так все-таки ты его встретила?

Айбике (опустила голову, тихо). Да. Но дороги наши разошлись, Асият-ханум...

Мамаева. Вот как? Жаль, что так получилось. Ты ведь столько лет мечтала о нем. Ну, а как здоровье?

Айбике (*как бы очнувшись, с улыбкой*). Хорошо. Вы же нисколько не изменились Асият-ханум. Вот разве только серебра прибавилось в волосах... Но это даже идет вам.

Мамаева (вздохнула). Серебро мое еще с фронта, Айбике... Разве ты не замечала?

Айбике. Нет.

Мамаева. Когда получила извещение о гибели своих сыновей... В одну ночь поседела... *(Айбике нежно обняла ее.)* Очень трудно мне было возвращаться в родные места, Айбике... Ведь здесь все напоминает мне их... школа, друзья их детства... Но и не могла оставаться в Москве... Тянуло на родину.

Входит Роза с подносом, на нем ужин, чай. Накрывает стол.

Айбике. Садитесь, дорогая Асият-Ханум! *(Мамаева садится за стол. Айбике ухаживает за ней. Роза уходит.)*

Мамаева (овладев собой). И странно, вот встретила тебя... как работа у тебя идет, жаловаться не будешь?

Айбике (с улыбкой). Нет, Асият-ханум, а вот просить кое о чем буду... не для себя...

Мамаева. В больнице чего-нибудь не достает?

Айбике. В отношении больницы у меня многое задумано. Но этого я буду добиваться сама. Мне нужно помочь одной девушке. Родственница нашего председателя.

Мамаева. Постой, это Алиева?

Айбике. Да. Неприятная история. Я хочу написать статью в газету об Алиеве.

Мамаева. Постой, Айбике, ты говоришь неприятная история? А не связана ли эта история с вашим агрономом Амаевым?

Айбике (озадачено). И вы уже знаете о ней?

Мамаева. Обком передал мне дело о нем. Он парторг?

Айбике (тихо). Да.

Мамаева. Его незаконно отстранили от работы? Айбике. Да, кажется так...

Мамаева. Это дело со мной. Обком поручил мне разобрать его и вынести решение. Вопрос о восстановлении Амаева мною был уже согласован. Но перед выездом я получила письмо из райкома, от моего заместителя Салимова, он переслал мне анонимное письмо, касающееся Амаева.

Айбике (удивленно). Анонимное? Кто же мог его написать?

Мамаева. Подписи нет. Но письмо очень грязное. О поведении Амаева в отношении родственницы председателя.

Айбике (с болью). Аминат...

Мамаева. Ее зовут Аминат? Так это правда?

Айбике (взволнованно встает, подходит к окну, с трудом старается не выдать своего состояния). Да, Асият-ханум. Амаев, тяжело сказать... обманул ее.

Так говорят, и уехал. Они, кажется, любили друг друга. И, видимо, ссора Амаева с председателем поссорила и их. Что-то произошло между ними. Эта девушка была близка к смерти. Да я расскажу вам, Асият-ханум подробнее потом... Тяжело вспоминать все это, сейчас, да и много нужно рассказывать.

Мамаева. Неприятно! Если эта анонимка, которой я признаться не придала никакого значения, окажется не клеветой?.. Придется не только снимать его с партийной работы, но и исключить из партии. А это мне будет очень тяжело, Айбике. Как же меняются люди...

Айбике. Почему вы так говорите, Асият-ханум?

Мамаева (садится рядом с Айбике на диване). Видишь ли, дорогая, во время войны, в эскадроне, где и ты была ранена, находился боец... Он перед боем пришел ко мне с заявлением и сказал: «Хочу идти в бой коммунистом, и если погибну, то умру с честью, как коммунист. Я дала ему рекомендацию... Это был очень хороший боец... И фамилия его была Амаев. Вот почему я не поверила анонимке... И вот почему теперь мне будет тяжело исключать его из партии.

Айбике (закрыла лицо руками, с трудом). Асият-ханум, дорогая... Ведь это же он спас мне жизнь... (*Опустив голову на плечо Мамаевой, тихо плачет*). Как тяжело!.. Милая Асият-ханум, похоронить в сердце свою мечту!

Мамаева (с удивлением). Он? *(Ласково, по-матерински прижала Айбике к себе, взволнованно)*. И ты все еще его любишь?

З а н а в е с

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

Картина четвертая

Дом Абакара. Вокруг дома открытая галерея. Одна сторона галереи выходит во двор, затененный деревьями, другая – на улицу. На галерею выходят двери и окно с тюлевой занавеской. На подоконнике стоит телефон. Около крыльца на земле стоят горшки с цветами. В глубине двора на веревке висят ковры, одежда, виден каменный забор с калиткой. Утро. Во дворе под деревом на кушетке, любуясь собой в зеркало, сидит Джайран. Рядом – стол, блюдо с фруктами. Тихо играет радио.

Джайран (поет под радио).

Если хочешь быть красивой,
Стрелкой брови подведи.
Упадет к ногам любимый –
На него ты не гляди.

Звонок телефона.

Какой шайтан звонит в такой час? Не подойду *(Поет.)*

Пусть страдают и вздыхают
Все мужчины лишь по мне.
Пусть сердца их догорают
В несгорающем огне!

(Звонок телефона. Джайран смотрит на телефон, с досадой.) Что случилось? Потоп что ли? (*Продолжает петь*)

Чтобы страстью запылали
Все сердца ко мне...

(Продолжительный звонок. Джайран вскакивает, раздраженно.) Ох, умереть бы тебе от черной болезни! *(Берет трубку, слабым голосом больного человека.)* Кого надо? Абакара дома нет. (Лицо ее меняется, радостно. Это ты, Патимат? Здравствуй! Как здоровье? Семья? Откуда звонишь? Из склада своего пузана? Передай ему привет... Что? Есть габардин шерстяной? Бери, бери! В магазине трудно достать. И коверкот бери! Покрывала?! Очень хорошо! Бери сколько можно. Да! Все бери, я машину пришлю! Хорошо! И тебе здоровья желаю! *(Вешает трубку, что-то подсчитывает на пальцах.)* Если за габардин взять высокую цену... и остальные вещи... Вай, сколько денег заработаю! Тысячи! *(Напевает, танцуя.)*

Стол накрыла, бокалы наполнила
До полночи ждала любимого…

(Кричит.) Абдулла! Абдулла! (*Входит Абдулла.)*

Абдулла (сонно протирает глаза). Звала, тетя Джайран?

Джайран. Ты что за ночь не мог выспаться? В город надо ехать... *(Берет чашку, макает палец в мед, облизывает палец.)*

Абдулла. А как же с бригадиром? Мамаева после обеда хочет на совещание ехать в район...

Джайран (презрительно). Э-э, не хватало еще, чтобы сын пустоголового Ахмеда на победе моей раскатывался. Пусть на своем ишаке едет.

Абдулла (смеется). Да он-то ничего не скажет, люди говорить будут.

Джайран. Какое мне дело до людей! Машиной я распоряжаюсь?

Абдулла. Ты, тетя Джайран. Конечно, люди ничего не скажут.

Джайран. Захочу – ездить буду, захочу – пустой будет стоять.

Абдулла. Твое право, тетя Джайран.

Джайран. Поедешь в город, возьмешь у Патимат вещи и привезешь.

Абдулла. Ладно, привезу.

Джайран. По пути заедешь в степь к Магомеду, пусть зарежет барашка, привезешь домой. Там недалеко и птицеферма. Туда заедешь – захватишь штук шесть петухов, да пусть их обделают как следует.

Абдулла. А без бумажки Абакара дадут?

Джайран. Ты что, сегодня только родился что ли?

Абдулла. Ладно, привезу! Можно ехать?

Джайран. Поезжай. К обеду дома должен быть, У нас вечером гости будут. *(Абдулла уходит. Джайран цто-то вспоминает, кричит.)* Абдулла! *(Абдулла возвращается.)* Еще захвати в городе шампанского две-три бутылки.

Абдулла. Деньги давай.

Джайран. Ты не знаешь, где деньги взять? У тебя машина в город пустой должна идти что ли? Возьми пассажиров, вот тебе и деньги будут. (*Абдулла не доволен, уходит. Джайран лакомится медом и, снова что-то вспомнив, бросается за Абдуллой с криком.)*

Абдулла, Абдулла! *(Убегает.)*

(Из дома выходит Аминат, она в фартуке, с тряпкой и ведром в руках. Голова ее повязана полотенцем. У нее бледное, осунувшееся после болезни, мрачное лицо.)

Аминат (устало прислонившись к дверям, схватилась за грудь). Ох, умереть бы мне! (*Схватилась за грудь*.)

Входит Джайран.

Джайран. Комнаты убрала? Ступай наноси воды... Будем готовить ужин, много воды потребуется. *(Хватается за голову.)* Вай, опять начинает болеть голова... И живот тоже... *(Ложится на тахту, берет чашку с медом, кушает. Аминат снимает с себя полотенце, фартук.)* Врачи в Махачкале советовали кушать мед и фрукты. Если бы Абакар не приставал ко мне, не стала бы кушать... Ради Абакара кушаю... *(Аминат уходит на кухню. Издали доносится голос Абакара.)*

Абакар (за сценой). Астемир! Заходи, ждать буду!

Джайран (вскочила, увидев полотенце, завязывает им голову, ложится на тахту). Почему Абакар не вовремя вернулся? (*Входит Абакар, подходит к столу, пьет воду, кладет портфель. Джайран тихо стонет. Абакар подходит к ней.)*

Абакар. Целыми днями ты валяешься, как буйвол, какая болезнь схватила тебя?

Джайран (стонет). Ой, у меня температура... Как ты ушел, ничего не кушала...

Абакар (трогает рукой ее голову). Голова не горячая…

Джайран (вспыхнув). По-твоему не горячая? У меня нет температуры, да?

Абакар (снова кладет руку на ее голову, шутя). Ой, какая горячая, как огонь! Айбике приходила?

Джайран. Никого не было.

Абакар. Я звонил ей. Пусть она тебя полечит, а я тебя обрадую.

Джайран (настороживишись). Чем?

Абакар. Купил тебе на платье панбархат, такого еще ты не видела.

Джайран. Где достал?

Абакар. По знакомству.

Джайран (забыла о болезни, с нетерпением). Где он? Давай скорей.

Абакар (как бы вспоминая). Вай, Аллах, в магазине забыл, наверно, его уже украли! *(Смеется.)*

Джайран (поняла, что ее обманули, с досадой бросает полотенце, встает). Обманул? Я это чувствовала. И тоже приготовила для тебя подарок.

Абакар (шутливо). Ну, какой? Покажи.

Джайран (кокетливо). Попроси, как следует быть.

Абакар (подходит к ней, ласково). Ты моя дорогая! Ты моя кошечка... Моя Ханум-Джайран, дай-да!

Джайран (ехидно). Твоя Аминат не хочет мириться с мужем!

Абакар (опешив, смотрит на Джайран, хмуро) Почему?

Джайран. Спроси её сам. Она хочет гулять, веселиться. Какая ей нужда уходить из дома, где ее кормит, балует родной дядя! *(Зло.)* Хватит мне кормить твоих родственников, благодарности от них никакой!

Абакар. Гони ее в шею! Пусть идет к матери своей.

Джайран (с насмешкой). Конечно, от этого твое положение улучшится! Ханмурза не станет требовать от тебя своего калыма!

Абакар (садится, лицо его темнеет). Ты же говорила, что она согласилась.

Джайран. Не совсем. Но мне уже удалось ее расположить к согласию. А сегодня она совсем отказалась.

Абакар. Что же с ней случилось?

Джайран. Ты не знаешь, кто нам мешает в этом деле? Кто сбил ее с пути и бросил?

Абакар. Аян вернулся что ли?

Джайран. Вчера пожаловал... И успел уже повернуть ее голову в свою сторону.

Абакар (упавшим голосом). Ну, тогда с ней ничего не сделаешь.

Джайран. Была бы я ей родной теткой. Она бы у меня покорнее овцы была. И голоса не подала бы против моего слова.

Абакар. Что бы ты сделала? Силой ее теперь не заставишь. Во всем виноват этот прохвост и жулик, Аян! Вай, Аллах, почему он опять свалился на мою голову?

Джайран. Если бы я действовала по-своему. Мы бы давно это дело кончили!

Абакар. Ради Аллаха, Джайран, придумай что-нибудь. Я тебе не один, а два, три отреза на платье куплю! Клянусь здоровьем, куплю!

Джайран (решительно). Четыре? Одно панбархатное, креп-жоржетовое, креп-сатиновое и шифоновое.

Абакар (махнул рукой). Пусть будет по-твоему. Давай кушать. Сейчас Астемир придет.

Джайран (обрадованно). Астемир? Давно бы.

Абакар. Почему не мог дозвониться? Джайран приготовит хороший ужин... Ты приходи вечером с Айбике.

Астемир (хмуро). Она что-то капризничает... Но постараюсь уговорить ее.

Абакар. Что случилось у тебя?

Астемир (уклончиво). Да разве женщинам угодишь? Девяносто девять раз сделаешь хорошо, а один раз плохо, все идет прахом!

Абакар (улыбаясь). Как говорят мудрые люди «ум женщины находится в подоле ее платья. Когда она встает, он падает!» *(Смеется).* Ничего друг, за бокалом вина помиритесь.

Астемир. Ты не слышал, как дела Аяна Амаева?

Абакар (раздраженно). Слышал, он был в городе, и там в обкоме добивался, чтобы отменили мой приказ. Но у него ничего не вышло... Без Аяна мне было хорошо... Я отдыхал. Теперь он снова появился в ауле... а кто знает, какие он мысли держит в голове?

Астемир. По-моему его интересует здесь Айбике. Я давно это заметил, еще когда он приходил в больницу к Аминат.

Абакар. Я же говорил тебе: если Аяна вовремя не выгнать из аула, то он отнимет у тебя невесту. Я был прав!

Астемир. Был бы он здесь или не был... Не в этом дело. Если есть мед, пчела из Багдада прилетит. Важно узнать какие у них друг с другом отношения. Вчера я приехал, Айбике весь вечер нервничала. А сегодня я узнал, что он приходил в больницу.

Абакар. Вай! Надо скорей избавиться от него. Он сначала совал свой нос в мои дела и получил свое. Теперь лезет в твои дела... Что это за человек?!

Астемир. Человек, у которого нет ни совести, ни чести. Одну женщину чуть ли не до смерти довел, теперь хочет разбить счастье другой.

Абакар. Видно он хочет расстаться с партбилетом? *(С иронией.)* Но если он сам этого желает, надо помочь

Астемир. Ты послал письмо в райком, которое я тебе составил?

Абакар. В тот же день послал.

Астемир. Без подписи?

Абакар. Как ты советовал... Аминат не хочет ни в чем признаться... Как доказать?

Астемир. Ну и правильно сделал! Там разберутся. Найдут людей, которые знают кое-что... Главное вовремя подлить масла в огонь... Я пошел!

Абакар. Куда спешишь? Джайран уже что-то готовит. Покушаем и пойдем вместе.

Астемир. Спасибо, я только что из столовой. Ты не задерживайся долго. *(Хочет уйти, но вспомнив что-то, вернулся.)* Да, совсем забыл спросить тебя... Ты видел корреспондента, что вчера приехала к тебе?

Абакар. Нет, не видел. Я рано сегодня уехал на птицеферму... А когда вернулся, мне сказали, что она уехала в соседний колхоз. Пусть не возвращается, какой толк, когда приезжает женщина?

Астемир. Это она попала в аварию?

Абакар. Какая там авария! Просто машина застряла на мосту. Подломились доски. Я послал людей, машину вытащили.

Астемир. Я жду тебя, Абакар!

Абакар. Хорошо, хорошо! *(Уходит в дом, слышен его голос.)*

Входит Аминат.

Астемир (увидев ее). Аминат, я перед тобой очень виноват. Я хочу поговорить с тобой... Почему ты избегаешь встреч со мной? *(Аминат, не глядя на Астемира, уходит. Вслед ей, иронически.)* И не глядит, красавица. *(Уходит.)*

Входят Абакар и Джайран с блюдом в руках. Накрывают на стол.

Джайран. Что ты кричишь? Живот заболел чтоли? Где Астемир?

Абакар. Ушел. *(Кушает.)* Джайран. Зачем отпустил, не угостив?

Абакар (раздраженно). Хватит болтать. Приготовь чесучевый пиджак и шляпу... Наши гости уже в пути... Постарайся приготовить ужин. Я пошлю Розу и Исака, они помогут тебе. *(Уходит в дом.)*

Джайран. Конечно, одной трудно управиться. *(Возвращается Абакар в белом пиджаке, в шляпе, берет портфель.)*

Абакар. Будут звонить из бригад, говори, меня нет в ауле... (*Джайран уносит посуду, Абакар идет к калитке, навстречу ему входят Айбике и Мамаева.)*

Айбике. Добрый день, товарищ Алиев!

Абакар. Здравствуйте! *(Шутя.)* Оставь эту официальность – «Товарищ Алиев». Да, да! Улыбкой не отделаешься. Я буду сегодня тебя ругать. *(Подает руку Мамаевой.)* Председатель колхоза Алиев Абакар Юсупович! *(Мамаева хочет сказать что-то, Абакар не дает ей, продолжает говорить.)* Очень рад вашему приезду! Дома не был, не мог помочь, только утром узнал. Ай, ай, как это могло случиться... Совсем недавно делали ремонт... Как ваше здоровье?

Мамаева (сдержанно). Ничего, легко отделалась. *(Айбике уходит в дом.)*

Абакар. Это хорошо! Если что нужно, говорите, я прикажу, вам сделают.

Мамаева. Спасибо, мне ничего не нужно. Я зашла побеседовать.

Абакар. Очень прошу извинить. Сегодня не могу. Важные государственные дела есть. Приходите завтра ко мне в кабинет утром, я буду свободным. А сейчас очень спешу. *(Кричит.)* Джайран!

Из дому выходят Джайран и Айбике.

Принимай гостей, окружи их заботой и уважением!

Джайран (Мамаевой). Добро пожаловать! Проходите. *(Подает ей руку.)* Джайран!

Мамаева. Асият-ханум!

Во двор входит Ибрагим.

Ибрагим. Я к тебе, Абакар.

Абакар (недовольным тоном). Что тебе, Ибрагим?

Ибрагим (несмело). Сестра заболела, вчера звонили, чтобы я приехал.

Абакар. Ну и поезжай.

Ибрагим. Так-то так... Да на чем ехать? С утра караулю попутную машину на дороге и, как на горе, – ни одной машины не встретил.

Абакар (хмуро). Ничем не могу тебе помочь, Ибрагим. Одна грузовая возит сено. Другая с зерном на элеватор ходит, а легковая… *(Смотрит на Джайран.)*

Джайран. Нет машины. В район по делу ушла. Какая тебе машина, Ибрагим? Иди к конюху, пусть он запряжет тебе арбу.

Ибрагим. На машине-то полчаса езды. Да, если нет... Пойду на конюшню.

Мамаева (Ибрагиму). Подождите товарищ. *(Абакару.)* Если у нас сегодня не состоится с вами разговор... Так я вернусь к вечеру. *(Ибрагиму.)* Вам товарищ Ибрагим не по пути в сторону Буйнакска?

Ибрагим (Узнает Мамаеву, радостно). Здравствуйте! Мне как раз этой дорогой нужно ехать, в колхоз «Светлый путь». Там живет моя сестра.

Мамаева. Так я вас подвезу. Подождите меня у больницы, товарищ Ибрагим. *(Подходит к Айбике.)*

Ибрагим. Абакар! В горах дождь идет. Ветер несет тучи в нашу сторону...

Абакар. Ну и что же?

Ибрагим. Ахмед просил меня сказать тебе, что у него со шлюзами что-то не ладно... Если вода хлынет с гор, может случиться беда. Ахмед советует заранее проверить шлюзы.

Абакар (резко). Что понимает твой Ахмед! Скажи ему, что я обойдусь без его советов. *(Уходит.)*

Ибрагим (качает головой). Ничего сказать нельзя! *(Мамаевой.)* Спасибо вам, товарищ из газеты, я подожду вас! *(Уходит.)*

Джайран. Ой, гости дорогие! Вы осчастливите меня своим присутствием, если не откажетесь от чашки чая... Поболтаем, поговорим по душам...

Айбике. Спасибо, Джайран. Мы ненадолго, извини, не беспокойся об угощении.

Джайран. Нет, нет я поставлю чай... *(Уходит.)*

Мамаева (Айбике). Этот человек, видимо, тоже вчера принял меня за корреспондента! Вот что наделал мой фотоаппарат. Придется его оставить у тебя, Айбике.

Айбике (смеется). Но это пока не вредит вашей работе.

Мамаева (многозначительно). Пожалуй, ты права!

Входит Джайран

Джайран. Куда пропала Аминат? Почему так долго нет ее?

Айбике. Аминат у тебя живет?

Джайран. Скучно мне одной в доме. Вот и позвала ее... Бедняжка так рада.

Айбике. Почему же она не ходит на перевязку в больницу?

Джайран. Каждый день говорю ей, не хочет.

Айбике. Как она чувствует себя?

Джайран. Очень хорошо чувствует. Кушает, поправляется.

Айбике. Зачем она ходит, ей нужно больше лежать.

Джайран. Тоже говорю, не слушает...

Айбике. Утром Абакар звонил, просил зайти к тебе. Что с тобой?

Джайран. Ох, не говори, сестричка! Давно болею... Если бы не хозяйство в доме, лежала бы...

Айбике. Что болит у тебя?

Джайран. Желудок болит, кушать не могу...

Айбике. Больница рядом, приходи! Сделаем анализ.

Джайран. Ох, не знаю золотко, Абакар пристает – хочешь, говорит, в город поедем, хочешь – домой привезу хорошего доктора... Районное начальство советует в Москву ехать... лучшему профессору показаться...

Айбике. Ну, что же, поезжай в Москву.

Джайран. Не знаю, что делать... Думаю, когда с Абакаром на выставку поедем, там показаться.

Айбике (посмотрела на Мамаеву). Если есть возможность прокатиться в Москву, неплохо.

Джайран. Что ты, сестричка, конечно есть! *(Хвастливо.)* Живу хорошо... Муж председатель... Связи большие, большой авторитет муж имеет... Хозяйство большое, а что касается меня, то в доме всего полно. Живу! «Одна рука в меду, другая в масле». *(С грустью.)* Вот только здоровье плохое...

Айбике. Отчего же?

Джайран. Как тебе сказать, каждый день гости, то из района, то из города... На днях приехал один очень большой начальник, агент Дагторга и пристал, чтобы я выпила с ним... Я выпила и опьянела. *(Кокетливо смеется.)* Очень приятный человек...

Айбике (сдерживает улыбку). Ну, а Абакар как на это смотрит? Он ведь, кажется, придерживается старых обычаев?

Джайран (смеется). Конечно, где надо, он придерживается. Ну, а я же культурная женщина... И не для того вышла замуж, чтобы с мужчинами не разговаривать... Вот люди говорят, что Абакар боится меня, а как же не держать мужа в руках? Если хочешь, чтобы муж хорошо относился к тебе, надо каждый день копать в его сердце ревность. Это меня мама учила... *(Смеется.)* Ты вот выйдешь за Астемира, послушайся моего совета, на руках будет тебя носить.

Айбике (желая переменить разговор). Говорят, что Амаев Аян приехал, надо бы их помирить с Абакаром, колхозу очень трудно без агронома.

Джайран. Ой, что ты, золотко! Абакар решил его совсем из аула выгнать. Никакого покоя он не давал мужу... На собраниях и в районе всюду говорил о нем плохо. Но ведь каждый должен тягаться с равным. Абакара даже в городе все уважают. Ты же знаешь, сестричка. Абакар не любит, когда с ним спорят или вмешиваются в его дела... Кто его слушает и уважает, тому он ни в чем не отказывает. Вот тебе, например, и Астемиру он во всем помогает. А таких, как Аян, он многих переломил...

Айбике. Конечно, лучше жить в дружбе... Но ты бы могла наладить их отношения, ведь тебя Абакар слушается.

Джайран. Конечно слушается. А Аян не только слушать не хотел, он и ругал меня... за то, что я вмешиваюсь в дела Абакара. А как же иначе, он ведь мой муж.

Айбике. Извини, Джайран, сделай, пожалуйста, одолжение – посмотри не вернулась ли Аминат... Я хотела бы осмотреть ее...

*Джайран (нехотя встае*т). Если она пришла, то позову ее сюда. *(Уходит.)*

Айбике. Вот в какой обстановке живет эта бедная девушка... Можно ли быть равнодушным и стоять в стороне?

Мамаева (встает, смотрит на часы). Да, Айбике! Бороться за человека, помочь ему найти свою дорогу в жизни, это большое дело! Ты права. Но я не могу больше оставаться здесь. Меня Салимов ждет в колхозе «Светлый путь». Ты еще раз поговори с этой девушкой...

Входит Джайран.

Джайран. Не пришла... Сама не знаю, где она задержалась... Наверное, с подружками где-нибудь.

Айбике. Ну, что ж делать. Сама она не придет в больницу, придется мне еще раз зайти...

Мамаева. Желаю вам поправиться, Джайран.

Джайран (притворно). Ой, куда же вы? Сейчас чай будет готов.

Мамаева. Спасибо, Джайран. Нет времени.

Джайран. Приходите вечером! У нас гости будут. Хороший ужин приготовлю. Начальство из района приедет.

Айбике. Это кто же?

Джайран. Товарищ Салимов. И секретарь райкома, очень приятная женщина. Недавно приехала из Москвы, и хочет познакомиться с нами. Если придете, мы с Абакаром будем рады. Товарищ Салимов тоже хороший человек, друг мужа. Очень будет приятная компания! Приходите!

Мамаева и Айбике многозначительно смотрят друг на друга.

Мамаева. (сдерживает улыбку). Ты как думаешь, Айбике? Если не поздно вернусь, может быть, в самом деле, следует зайти, чтобы не обидеть хозяев этого дома. И познакомиться с районным начальством?

Айбике (улыбаясь). По-моему вам, как «корреспонденту», (*делает ударение на слове «корреспондент*») даже полезно будет побыть в таком обществе.

Джайран (не поняв иронии в словах Айбике). Айбике права! Вы даже можете сфотографировать нас для газеты. А Абакар поможет вам статью написать. Он многим помогал. Диктует, а они пишут.

Мамаева. До свиданья, Джайран. Спасибо за приглашение. Я думаю, мы еще встретимся с вами.

Айбике. А я не прощаюсь, Джайран. Я приду еще сегодня.

Джайран. Заходи, заходи, сестричка! Аминат рада будет. *(Провожает их до калитки, возвращается. Кричит.)* Аминат! Выходи, они ушли уже! *(Выходит Аминат.)* Ох, с трудом я избавилась от них. Хорошо, что ты не показалась. Они бы до вечера просидели... Айбике еще обещала зайти к тебе.

Аминат. Зачем я ей понадобилась?

Джайран. О здоровье твоем справлялась.

Аминат (с болью). Пусть заботится о здоровье своего будущего мужа! *(Уходит.)*

Джайран (кричит). Аминат! Приготовь мясо и растопи плиту. Пора уже!

Входит Салимат с чашкой в руках. По ее лицу и одежде видно, что и ее жизнь изменилась. Нужда и переживания подорвали ее силы.

Салимат. Сестра Джайран, прошу тебя, одолжи чашку муки, соседи закололи барана, принесли мне кусочек мяса, хочу для Аминат приготовить хинкал.

Джайран (с притворным удивлением). Откуда у меня мука, сестрица Салимат? Клянусь своим здоровьем, давно уже вся кончилась. На днях Абакар привез мешок, так уже немного осталось. Сама знаешь, каждый день у нас гости.

Салимат (вздохнула). Скоро должны за трудодни муку давать.

Джайран. Конечно скоро, и подождать можно немного. *(Уходит.)*

Входит Аминат с ведром воды и кружкой.

Аминат (увидев мать, с упреком). Мама, зачем ты пришла? Я же просила тебя, ничего у Джайран не занимай. Лучше занять у соседей.

Салимат (с горечью). Эх, дочка! Чем чужим людям судить о нашей бедности, пусть лучше судят свои.

Аминат (сдерживает слезы, ласково). Иди, мама, домой, иди!

Салимат (с тоской). Одну горсть муки она поскупилась дать, дочка. Пожалела бы хоть твои руки! *(Уходит.)*

Входит Джайран, в руках она держит кусок хлеба и кусок сыра.

Джайран. Куда ушла Салимат? Почему не подождала?

Аминат (моет цветы и поливает их). Нам ничего не нужно, тетя Джайран.

Джайран (с досадой бросает на стол хлеб и сыр). Ва, Аллах! Лишней рубашки нет смениться, а гордости, как у ханской дочки! Но я думаю, что одной гордостью сытыми не будете. *(Стонет.)* Ох, совсем из сил выбилась... *(Берет фрукты, ест, другим тоном.)* Слушай Аминат, Абакар сказал, что на днях Ханмурза приедет...

Аминат (вздрогнув). Что ему здесь делать?!

Джайран. Наверно за тобой приедет.

Аминат (не отрываясь от работы). Как приедет, также и уедет обратно.

Джайран (продолжая прикладываться то к меду, то к фруктам). Но он уже надоел нам. Сколько можно ему ездить туда-сюда!

Аминат (не поднимая головы, работает). Ваша воля, не принимайте его.

Джайран (вспыхнув). Как это не принимать? Он же наш родственник!

Аминат. Тетя Джайран, ну зачем ты начинаешь этот разговор? Я же сказала тебе, что никогда не вернусь к Ханмурзе.

Джайран. Ты хочешь уморить свою мать голодом, своего дядю опозорить на весь район? Ты этого хочешь,

Аминат (с трудом). Что ты хочешь от меня?

Джайран. Спасти брата твоей матери от позора. А тебя, глупую, от стыда перед людьми.

Аминат. Да лучше умереть от стыда... чем... жить с таким мужем!

Джайран. Вай, Аллах! Что тебе еще нужно? Плохой муж Ханмурза? Дом свой имеет, хозяйство, богатых родственников по всему району имеет. Сам не какой-нибудь колхозник, а председатель артели, первый человек в ауле. Все к нему обращаются. Кому кожа нужна, кому сапоги сшить. Денежки рекой текут в его руки. Да другая бы за счастье считала иметь такого мужа.

Аминат. Головой с обрыва от такого счастья!

Джайран. Ой, бедная Салимат! Она с трудом уже на ногах ходит. Умрет и не дождется твоей помощи, неблагодарная! Ох, сколько она положила сил на твое учение! Света не видела, бедная, как тяжело ей было... День и ночь работать у чужих людей. И все для тебя. Какое надо иметь каменное сердце, если ради матери не пожертвовать собой.

Аминат (едва сдерживает слезы). За что ты мучаешь меня, тетя Джайран?

Джайран. Мучаю? Что нельзя уже правду сказать? *(Со злобой.)* Как жить хочешь? Кто тебя будет кормить с матерью? Или надеешься весь век сидеть на шее своего дяди? Этого не будет! Замуж за другого не выйдешь, кто замужнюю возьмет? Что будешь делать? Любовников заводить? Так ты же не шапка переходить с одной головы на другую... *(Ехидно смеется.)* Хватит, милая, доигралась с одним до позора, пора и за ум уж браться. *(Уходит в дом.)*

Аминат (схватила платок, со слезами). О, небо! Зачем вернули мне жизнь?! *(Бежит к калитке. Навстречу ей входит Айбике. Увидев ее, Аминат бросается в сторону и, прислонившись к дереву, закрывает лицо платком.)*

Айбике (подходит к ней). Аминат, родная! Что с тобой? *(Аминат молчит.)* Почему ты стала так относиться ко мне? В чем я перед тобой виновата, скажи, Аминат? Я пришла к тебе с чистой совестью. Помочь тебе. От всего сердца, хочу, чтобы ты не страдала. Я хочу быть самым близким твоим другом.

Аминат. Уходите, мне не нужна ваша помощь... *(Тихо, с силой.)* Я сама знаю, что мне делать.

Айбике. Я не уйду, Аминат. До тех пор не уйду, пока ты не скажешь, в чем моя вина перед тобой?

Аминат. Я ничего не скажу...

Айбике. Я сышала тебя уговаривают вернуться к мужу? Не делай этого, Аминат!

Аминат (Повернулась. Лицо ее исказилось страданием, хватаясь за грудь, она рванулась вперед и в гневе остановилась перед Айбике). Никто меня не уговаривает! Я сама, сам-а-а хочу вернуться и вернусь к мужу.

Айбике (взволнованно). Ты говоришь неправду, Аминат!

Аминат. Что вам до этого? *(С болью.)* Вы у меня взяли все счастье мое, надежду мою. Из-за вас он ушел от меня... И как поворачивается ваш язык говорить мне ласковые слова? Уходите, не нужна мне ваша дружба! *(Прижалась к дереву, заплакала.)*

Айбике (подходит к ней, тихо и ласково). Разве ты знаешь, Аминат, то, что творится в моей душе? Я раскроюсь перед тобой. Ты права! Я очень люблю Аяна... Я полюбила его еще на фронте. Он спас мне жизнь. Не обещая ничего друг другу, мы расстались, и никогда больше не встречались. Но сердце мое ждало только его, искало его. Ох, как мне было тяжко, Аминат... Когда я узнала, что ты его любишь... Он не узнал меня... Я могла бы открыться ему... Но я молчала ради тебя... Ради вашей любви, Аминат... Прости меня, родная. Аян не знает ничего. И я никогда не скажу ему этого. Я сделаю все, чтобы ты вернула его к себе.

Аминат (взволнованно). Нет, я не люблю Аяна. Кто выдумал это? И он меня не любит... Он мне друг, брат мой... Я... я другого человека люблю.

Айбике (растерянно). Неужели Астемира, Аминат?

Аминат (тихо опустив голову). Да!

В калитку влетают взволнованные, запыхавшиеся Абакар и Астемир, не замечая Айбике и Аминат, они бегут к галерее.

Абакар. Жена! Джайран!

Айбике. Пойдем ко мне, Аминат! *(Уходят.)*

Выбегает Джайран.

Джайран. Что тебе?

Абакар. Гости не ушли?

Джайран. Давно ушли! Что случилось? Пожар что ли?

Абакар (со злостью). Дура! Не могла их удержать? Пропал! Пропал!

Астемир (Абакару). Она уехала! Но, как ты мог принять секретаря райкома за какого-то корреспондента?!

Абакар (вытирает лоб, шею платком). Этот туман напустил на меня Ибрагим! Ва, Аллах! Он же с ней поехал? И дорогой ей такое распишет обо мне. *(Вскочил.)* Надо ехать! Догнать! Вернуть обратно!

Астемир. Правильно!

Абакар. Беги в правление, бери машину и подъезжай к дому. Я переоденусь. *(Астемир удохит.)*

Джайран. Куда ехать? Зачем? Корреспондент вечером сама приедет. Она будет снимать нас для газеты!

Абакар (бежит в дом). Какой тебе корреспондент? Это была секретарь райкома.

Джайран. Вай-аман! Что я наделала! *(Кричит.)* Аминат, Аминат!

Картина пятая

Та же декорация. Вечер. Издалека доносятся нарастающие глухие раскаты грома. На галерее под звуки гармошки танцуют лезгинку Абакар и Джайран. Вокруг их стоят: Астемир, Салимов, Мамаева, Айбике, Исак, Роза, Абдулла и гости. Астемир сменяет Абакара, Джайран устало отходит и сторону, Астемир приглашает Айбике. Она отказывается. Исак подходит к Розе, но Абдулла, опередив Исака, увлекает за собой Розу и танец продолжается. Обескураженный Исак, под общий смех, шутливо принимает вид оскорбленного, берет метлу, и, воткнув ее в землю у крыльца, лихо сдвинув на затылок шапку, ловко, на носках обходит метлу со всех сторон, выделывая комические колена танца. Все смеются и хлопают ему в ладоши. Музыка смолкает.

Астемир. Эй, Исак, ты, я вижу, мастер танцевать, но я слышал, что во всем ауле ты первый мастер сочинять и петь частушки. Правда ли это?

Абакар. Да, я тоже слышал.

Исак. Конечно, если есть голова, то шапку достанешь.

Астемир. В таком случае – спой три частушки и чтобы одна на другую не была похожей?

Исак (лукаво покосился на Розу). Это не трудно. *(Абакару.)* Но ведь без ветра и дерево не шумит, дядя Абакар?

Абакар (смеется). Джайран, принеси вина!

Джайран уходит и возвращается с бокалами и вином. Роза подает Исаку агач-кумус.

Исак (играет и поет):

Я стеснительный. И вот
С ней встречаюсь третий год.
Не могу открыться ей,
Что женат, имею тещу
И полдюжины детей!

Абдулла (загибает палец). Одна.
Исак (продолжает).

Говорила мне черкеска:
– Презираю я бешмет!
Но бешмет увидев женский,
Вдруг влюбилась безответно,
Проклиная белый свет!

Абдулла (загибает второй палец). Два! *(Абакар наливает полстакана вина и ставит его на кумус.)*
Исак (поет):

Юноши и девушки мечтают о весне.
А холостяк не ест, не спит, мечтает о жене.
О чем мечтает весельчак,
Вам сердцем преданный Исак?
Конечно, о вине!

(Все смеются. Исак пьет вино. Джайран наливает остальные бокалы.)
Астемир (берет бокал). Товарищи! Я предлагаю выпить за ханум Джайран – стоя! Она заслуживает этого. Кто хоть раз кушал ее хинкал, никогда не откажется от него во второй раз. Пусть все наши женщин будут похожи на нее!
Голоса. Пожелаем ей долгой счастливой жизни *(Мужчины пьют и уходят в дом.)*
Мамаева (Айбике). Что за люди – эти гости?
Айбике. Родственники Абакара.
Джайран (довольная и счастливая подходит к Мамаевой, льстиво). Вы наши самые лучшие и дороги гости! Всем сердцем готова вам угодить... Что желаете скажите, все для вас будет сделано.
Мамаева. Не беспокойся, Джайран... У вас очень хороший двор. И мы с Айбике немного погуляем, подышим воздухом. (*Айбике и Мамаева уходят во двор.*)
Джайран (с досадой, тихо). Вай Аллах, что за человек, ни чем ей не угодишь. Вино не пьет, не кушает! Ради чего старалась я весь день. *(Хочет уйти в дом. Входит Салимат.)* Чего тебе?
Салимат. Там пришли люди к Абакару.

Джайран. Что им нужно? Что не видят они, Абакар занят с гостями... (Входит Абакар.)

Салимат. Из города театр приехал, Абакар. Пришел человек – договориться хочет.

Абакар. Как невовремя он приехал. Что же делать? Да, скажи, не принимаем. Пусть едут в другой колхоз.

Салимат. Люди радуются, Абакар, хотят посмотреть постановку.

Абакар (резко). Я же сказал! *(Салимат уходит.)* Джайран, надо Абдуллу послать за вином...

Джайран. Конечно, нужно! Вина мало – какое веселье? *(Уходит.)*

Входят Салимов, Астемир.

Астемир (продолжает разговор). Мало того, что Амаев вмешивается в дела правления колхоза, он вносит разлад в семью Абакара. Этот человек потерял всякое человеческое достоинство. Поскольку я знаю всю эту историю с племянницей Абакара, я считаю, что кто бы это письмо ни написал, он сделал правильно.

Салимов (хмуро). Если тебе все известно, ты должен подтвердить, Астемир, эти факты.

Астемир. Пожалуйста! Что знаю, скажу.

Абакар. Амаев и на фронте во время войны отличался своим поведением. У него есть выговор за нарушение воинской дисциплины... (*Подходят Мамаева и Айбике*.)

Мамаева (Салимову). Что за спор у вас?

Салимов (смутился). Да вот, обсуждаем анонимное письмо на Амаева.

Мамаева (садится у крыльца на скамейку). А стоит ли о нем вообще говорить. Оно без подписи. Следовательно, автор этого письма сам не располагал фактами.

Салимов. Это правильно. Но сейчас дело меняется. Находятся люди, которые могут подтвердить некоторые действия Амаева, описанные в письме.

Мамаева. Есть такие люди?

Астемир. Извините, товарищ Мамаев. Товарищ Салимов имеет в виду меня. Я, конечно, удивлен, почему автор письма не подписался. В нем нет ничего выдуманного. Достаточно ознакомиться с историей болезни Аминат Бекишевой в больнице.

Айбике (не глядя на Астемира). Этот случай с Аминат и без истории болезни не подлежит сомнению, товарищ Умаров. В письме он описал правильно. Остается невыясненной лишь причина, которая довела эту девушку до такого состояния.

Астемир (пристально смотрит на Айбике. Нерешительно). Причина? Она как будто бы уже известна и вам, и мне… И мы, как коммунисты, должны сказать о ней прямо и честно партии.

Мамаева (сдержанно). Этот вопрос, товарищи, мы будем обсуждать на партийном собрании. *(Астемиру).* Скажите, товарищ Умаров, какого вы мнения вообще о товарище Амаеве? Как о человеке и как о работнике.

Астемир (растерянно). Моё мнение, может оказаться субъективным, товарищ Мамаева. Как и все люди, я могу ошибиться.

Мамаева (с улыбкой). Мы же не на официальном заседании!

Астемир (несразу). Сказать, что я очень хорошо знаю Амаева, не могу. У нас разные специальности и не приходилось сталкиваться с ним по работе. Но заведуя здесь больницей два года, я жил с товарищем Амаевым в этом ауле... Мы вначале даже были друзьями. Но его отношение к председателю колхоза мне не понравилось... Я говорил ему. Убеждал...

Мамаева. А в чем выражалось это «отношение к председателю», товарищ Умаров?

Астемир. Как вам сказать... Амаев старался подорвать авторитет Абакара среди колхозников. Да и в районе наговаривал на него...

Мамаева (Салимову). Были жалобы Амаева?

Салимов. Да были... Но всё проверялось... И оказывалось клеветой. Мы не раз предупреждали Амаева...

Мамаева. Конкретно, вы не помните, товарищ Салимов, в чем Амаев обвинял товарища Алиева?

Салимов. Кое-что, конечно, помню... *(Смотрит на Абакара.)*

Абакар (вспыхнув). Амаев хотел меня учить.

Салимов. Абакар давно работает в колхозе и колхоз его считается передовым. У нас не было основания верить заявлениям Амаева, кроме того, их никто не подтверждал.

Мамаева. Вы проводили собрания колхозников?

Салимов. Нет. Райком считал, что выкосить клеветнические заявления на коммуниста Алиева на обсуждение колхозников не политично. Это значит – дискредитировать его как руководителя.

Мамаева. Ясно!

Абакар. Я хотел бы просить вас, товарищ секретарь райкома, избавить меня от Амаева. Пока он будет здесь, мне невозможно работать. Пусть райком решит... Или я, или он!

Во двор входят Ибрагим и Амаев в плащах, в сапогах, измазанных грязью. Лица их и руки обоих измазаны мазутом. Видно, что они оторвались от какой-то работы и оба чем-то взволнованны.

Амаев (увидев Мамаеву, Салимова и Айбике, смутился). Добрый вечер. Прошу извинить меня! Я к тебе, Абакар.

Абакар (хмуро). В чём дело?

Амаев. Еще утром тебя предупреждал Ахмед, что у него плохо работают шлюзы... Просил проверить... Почему ты не сделал этого?

Абакар (сдерживает себя). Слушай, дорогой Амаев! Сколько раз просил тебя! Не вмешивайся ты в мои дела! Занимайся своими партийными делами.

Аян (вспыхнув). Я обязан вмешаться, если ты не делаешь того, что нужно делать! Надвигается гроза. Вода уже на полметра поднялась. Если шлюзы не выдержат! Вода прорвется и затопит поля и аул, как в прошлом году. Народ волнуется!

Абакар. По-твоему я – идиот? Да? Ничего не делаю? Ты делаешь всё за меня? Недели не прошло, как был у меня механик. По-твоему он тоже ничего не соображает?

Аян. Сейчас не время спорить, Абакар. Я уже осматривал шлюзы и там действительно нужен большой ремонт. Образовалась промоина, и, пока не поднялась вода, её можно закрыть мешками с песком. Нужны машины, я за этим пришел к тебе, а людей я найду без тебя.

Абакар. Один Аллах знает, что это за человек! *(Качает головой, принимая вид мученика).* Нехорошо поступаешь, Аян! Какая гроза тебе показалась? Где она?.. Ветер дует совсем в другую сторону. Гроза стороной идет.

Ибрагим. Ветер дует в нашу сторону, Абакар. Аян правильно говорит... Может случиться беда!

Астемир (смотрит вверх). По-моему, гроза стороной пройдет. Абакар прав... *(Все смотрят вверх.)*

Абакар (зло). Но надо же выдумать, хотя бы аварию, чтобы показать разницу: «я вот какой, о колхозе забочусь, а председатель дома сидит, хинкал кушает»... Джайран! Скоро ли ты там?

Аян. Разница наша не в этом, Абакар.

Мамаева. А в чем, товарищ Амаев?

Аян (холодно). В том, что мы с Абакаром по-разному понимаем свои обязанности в колхозе и отношение к людям.

Абакар (резко). Вот-вот, послушать его так он и умен, и прав во всем, а я виноват… Мальчишка! Ты еще без штанов бегал, а я уже руководил и большие дела делал… (*Ударяя себя кулаком в грудь*.) Десять лет я уже руковожу этим колхозом, а ты всего полтора года тут, и ты уже решил, что не я, а ты сдвинул колхоз с места. Ва-а, как поворачивается твой язык! Хоть бы скромность имел…

Аян (вспыхнув). В том-то и беда вся, что ты десять лет руководишь, и не можешь теперь перешагнуть достигнутое тобой за эти годы. Ты успокоился своими успехами. И зазнался. На колхоз ты смотришь как на свою вотчину… Что хочешь, то и делаешь. И даже не замечаешь, что люди, которыми ты руководишь, переросли тебя и далеко ушли вперед. Перестали тебя уважать. И если и подчиняются тебе, то только из-за того, что боятся тебя.

Астемир. Вот это уже неправда, Аян.

Аян. Пусть народ сам скажет, прав я или нет. И не тебе, Астемир, говорить за него. Ты – на чью арбу сядешь, того и песни поешь. В том, что Абакар скатился до такого положения, есть большая доля и твоего труда. (*Мамаевой*.) Прошу, извинить, что помешал вашему веселью. Идем, Абакар.

Абакар (кричит). Джайран!

Раздается тяжелый грохот и шум реки. В ауле волнение, мимо дома, к реке бегут люди.

Аян (метнулся к калитке. С отчаянием). Эх, прозевали, Ибрагим! Зови людей на помощь! (*Убегает, за ним бегут все остальные*.)

Сцена темнеет.

Джайран с плащом мечется по двору, прислушивается к крикам, которые доносятся с реки.

Голоса. – Наводнение, наводнение!
– Мост снесло!
– Идрис вернись, Аян плывет!
– Держи веревку, Аян!
– Правее, правее, Аян!

Джайран. Вай, Аллах, весь мир перевернулся, что ли?

Молния, раскат грома заглушил ее голос, она бежит в дом.

Занавес.

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Картина первая

Большая, скромно обставленная комната в квартире Аяна Амаева. Два окна, одно выходит в сад, другое – на улицу. Две двери, одна входная, другая ведет в смежную комнату. В комнате: письменный стол, заваленный газетами и журналами, на нем горит настольная лампа прикрытая салфеткой. Телефон. Над столом висит полка с книгами. Посредине комнаты, под висячим абажуром стоит небольшой круглый стол. Диван. На стенах висят: карта, схема полевых работ, пучки сухой пшеницы, на окнах – гардины, а на полу стоят горшки с комнатными цветами, ящики и горшки с зелеными всходами. Предрассветное время. С улицы доносятся резкие порывы ветра, и где-то вдалеке – слышатся глухие раскаты грома. Мимо окна шумно проходят колхозники, слышатся их возбужденные и радостные голоса.

Голоса.

- Вода пошла на убыль...

- Да, да, отступает.

- На сколько?

- Не знаю! Люди радуются, труд не пропал даром!

- Эй, Аян, отдыхай, друг! Спасибо тебе!

- Не будь тебя в ауле, затопило бы нас...

- Дорогой наш Аян!

- Будь здоров Аян!

В комнату входят в промокших плащах, измазанные грязью и песком, окоченевшие от холода Аян, Ибрагим и Исак.

Ибрагим (с упреком). Почему не зашел в больницу? Ва, как тебя знобит... Давай, переодевайся скорее.

Исак. Я сбегаю за спиртом, наша заведующая не откажет, дядя Ибрагим... *(Убегает.)*

Аян (с трудом снимает плащ). Воды бы горячей сейчас и стакан водки, Ибрагим.

Ибрагим. Водку найти можно было бы у Абакара. У него гости. Да просить у этого человека трудно.

Аян (хмуро). Не надо. Если Исак принесет спирт. Согреюсь, брат, не беспокойся! Ко сну клонит. Устал! А люди дружно работали. Ибрагим. Я рад, победу одержали. *(Бессильно опускается на стул.)*

Ибрагим. Люди, люди! А ты знаешь, что люди без вожака, что отара без козла... Надо еще уметь направить людскую силу. Абдурахман правильно сказал: не будь тебя в ауле, что было бы. Абакар только шуметь мастер. Давай переодевайся, дорогой, скорее!

Аян (хочет подняться и не может). Что это со мной? *(С тревогой.)* Ибрагим?

Ибрагим (качает головой). Что с тобой… Сколько времени ты в воде пробыл? Эх, Аян, Аян! Что-то с тобой неладное творится. Давай помогу. *(Помогает ему подняться. Аян, с трудом опираясь на Ибрагима, уходит в другую комнату.)*

Аян. Ничего, ничего, Ибрагим! На фронте и не такие ванны приходилось принимать. *(Уходят.)*

Входит Аминат.

Аминат. Аян, ты дома?

Ибрагим (выходит из комнаты). Аминат? К счастью ты пришла, соседка. Не сможешь ли ты вскипятить воды?

Аминат. Для Аяна?

Ибрагим. Промерз он, согреться бы ему надо.

Аминат. Я сейчас согрею чай.

Ибрагим. Вот-вот, это хорошо будет. (*Аминат уходит*.)

Ибрагим уходит в комнату и возвращается с одеялом, подушкой и простыней в руках. Стелит постель на диване. Входит Аян, он в теплой пижаме, без сапог, в домашних туфлях, шатаясь, он с трудом доходит до дивана и опускается на него.

Аян. Ты знаешь, Ибрагим, мне пожалуй уже ничего не нужно, друг. Спать хочу! Ты иди домой и отдыхай! Спасибо тебе за помощь.

Ибрагим. Ты обо мне не заботься. Я в реке неплавал. И одного я тебя не оставлю. А может быть все же доктора позвать, Аян?

Аян (ложится). Зачем доктора? Что ты выдумал?

Ибрагим. У тебя температура, Аян. *(Укрывает его одеялом)*.

Аян (стараясь улыбаться). Ты мне болезнь не пророчь... Времени нет у меня этим делом заниматься…

Входят Мамаева, Салимов, их вид говорит о том, что и они потрудились на берегу реки.

Мамаева (сбрасывает с себя плащ... Зябко потирает руки). Ну и погода! Леденящий ветер. И как выдержали люди! Ведь никто не ушел до конца. *(Аяну.)* Как чувствуете себя?

Аян (хочет подняться). Спасибо, очень хорошо… чувствую себя...

Мамаева. *(смотрит на него).* Лежите, лежите! Вид у вас не оправдывает ваших слов, товарищ Амаев.

Аян. Это пройдет.

Мамаева (улыбаясь). Не знаю с чего начать, ругать вас или хвалить? *(Салимову.)* Как вы думаете?

Салимов. Смелого, говорят, не бьют *(Аяну.)* И как вам пришли в голову эти мешки с песком? Ведь настоящую дамбу построили. И этим спасли положение. Я больше всего боялся, когда снесло мост. Груды бревен несло к плотине. И до глубины души поражен был энтузиазмом людей. Как они смело бросились с баграми к бревнам, разбивали заторы тянули их к берегу. Вас любит народ, Аян.

Аян. У нас, когда грозит опасность, никто не думает о себе. Ведь могли погибнуть посевы. Пшеница на полях. Сколько труда, надежд. Наводнение угрожало аулу.

Мамаева. Вам, Амаев, трудно говорить. Не бодритесь. Видно, что вам тяжело. Все кончилось хорошо. Переволновались и хватит.

Аян. На этом успокаиваться нельзя, товарищ секретарь. Горные реки, коварные реки. Это хорошо, что вода отступает. Но может начаться просос. Ибрагим, я дал распоряжение Ахмеду и Идрису следить за плотиной. Скажи Абакару, что надо привезти еще машины две песку и приготовить мешки. Держать их наготове. И от берега всем не следует уходить, надо установить дежурство.

Ибрагим. Хорошо, Аян!

Аян. Я надеюсь на тебя, Ибрагим. Ты знаешь, при таком ветре в горах могут быть обвалы.

Ибрагим. Знаю, Аян. В позапрошлом году так и случилось.

Аян (с трудом). В случае... Дашь мне знать... Но создавать паники… Надо беречь людей... Пробоина с левой стороны по течению... Понял?

Ибрагим. Понял, Аян. Лежи, ради Аллаха, спокойно. Теперь никто не растеряется. Если какая беда нагрянет, люди настороже.

Мамаева (Ибрагиму). Повторите все указания товарища Амаева вашему председателю. И скажите, что я требую принять все меры предосторожности.

Ибрагим. Очень вам благодарен. Ваше слово лучше на него подействует. А, наши советы он не любит слушать. *(Смотрит на Аяна.)* Уснул, кажется. Это хорошо! Я пойду. Скоро придет Исак. И соседи присмотрят заним, я попрошу их.

Мамаева. Идите Ибрагим! Я думаю, что не нужно будет беспокоить соседей. Мы заберем его в больницу.

Ибрагим (вздыхает). Это было бы надежнее. *(Уходит.)*

Мамаева (прикрыла простыней Аяна. Отходит к столу, рассматривает журналы). Ну, а вы, товарищ Салимов, сделали для себя какой-нибудь вывод в отношении дела Амаева?

Салимов (не сразу). Да,я ,кажется, начинаю понимать, что был введен в заблуждение. Это анонимное письмо...

Мамаева (хмуро).Не будем говорить о нем. Во-первых, оно уже опровергнуто,а во-вторых,анонимка не является для нас документом. Я считаю дело Амаева законченным.

Салимов. Пожалуй, что так...

Мамаева. А более конкретно?

Салимов (смутился). Согласен с вами, Амаева нужно восстановить на работе.

Мамаева (смотрит на Салимова). И поставить на партийном собрании колхоза вопрос о председателе.

Салимов (удивленно). Как, сменить Абакара? Мамаева. Вы не находите это нужным?

Салимов. Японимаю вас. Но найдется ли кандидатура лучше его?

Мамаева. Это будет решать общее собрание колхозников. Завтра я передам вам все документы, которые мне удалось собрать по заявлению Амаева. *(иронически)* за это короткое время, пока Алиев был занят важными государственными делами. Я побывала на фермах, на участках. По документам и вы убедитесь, какая могла бы произойти ошибка, если бы мы подошли к делу Амаева формально, и исключили бы честного коммуниста из партии.

Салимов. Да, вы правы! Кстати, этот Умаров, какой же он негодяй! Его мало гнать из партии, нужно отдать под суд!

Мамаева. Этот вопрос разберем, товарищ Салимов. Ну, на этом все. Идите отдыхайте.

Салимов. А вы?

Мамаева. Я подожду врача.

Салимов. Доброй ночи вам!

Мамаева (улыбаясь). Она уже, кажется, подходит к концу. *(Смотрит на ручные часы.)* Да! Скоро четыре часа. Всего хорошего, товарищ Салимов! *(Салимов уходит.)*

Входит Роза. Она с чемонданчиком, в белом халате, поверх которого накинут большой черный национальный платок.

Роза (тяжело дыша от быстрой ходьбы). Ой, и вы здесь, товарищ Асият-ханум! А Исак сказал, что никого нет... Извините! Я так спешила, Айбике занята больными. Ох, что наделала эта река!

Мамаева (с беспокойством). Что-нибудь случилось?

Роза (с улыбкой). Нет, что вы! Кто руку, кто ногу повредил, вот и задержалась с перевязками. *(Вынула медикаменты из чемоданчика, подходит с градусником к Аяну).* Спит?

Мамаева. Стоит ли беспокоить его, Роза?

Роза (сочувственно). Нужно, Айбике очень беспокоится. Я осторожно. *(Ставит Аяну градусник, Аян не просыпается.)* Вы ведь устали, товарищ Асият-ханум?*(Следит за пульсом Аяна.)*

Мамаева. Да, дорогая, прилегла бы… Да подожду Айбике.

Роза (с тревогой). Пульс учащенный... И неровный... Айбике скоро придет *(Берет градусник, смотрит, качает головой).* Сорок и две десятых... *(Смотрит на Аяна.)* Определенно воспаление легких схватил... Ах, Аян, Аян! Никогда он не думает о себе...

Входит Аминат с чайником и блюдом, покрытым полотенцем.

Аминат (увидев Мамаеву смутилась). Здравствуйте! Я принесла кипяток, Аян просил, и ужин мама приготовила ему... *(Снедоумением смотрит на Аяна.)*

Мамаева (ласково). Проходи, Аминат! Больной наш уснул. Ты зря беспокоилась, милая.

Аминат (с тревогой). Больной? Что с ним?

Роза. Ты что, не была на реке? Не видела, что там творится?

Аминат. Нет, не была. Мне нездоровилось. Но я не спала всю ночь, пока не пришла мама. Что же с Аяном? Ведь я была у него. Почему дядя Ибрагим ничего не сказал мне?

Роза. Что сказать? Простудился он. Заболел.

Мамаева (Аминат). Зачем же ты встала, дорогая, если тебе нездоровится?

Аминат (смутившись). Все уже прошло! Я думала, что Вы уехали...

Мамаева. Нет, дорогая. Ты написала заявление?

Аминат (решительно). Да! Я решила, если будет возможность в сельскохозяйственный. Но боюсь, выдержу ли экзамен. Вот и Аян заболел... Не повезло мне.

Мамаева. Завтра отдашь мне заявление. Я постараюсь помочь тебе. А сейчас иди, отдыхай, накапливай силенки. *(Аминат смотрит на Аяна.)* О друге совсем не беспокойся. Он будет в надежных руках.

Аминат (с улыбкой). Спасибо вам за все! До свидания!

Роза. Приходи утром в больницу.

Мамаева (стой же ласковостью). Будь здорова, Аминат! *(Аминат уходит.)*

Роза. Почему Айбике не приходит?

Мамаева. Придет! *(Аян тихо стонет.)* Спросите его, Роза, может быть ему нужно чего-нибудь?

Роза (ласково). Аян! Ты слышишь меня Аян? *(Берет его за руку, слушает, считает пульс, качает головой.)* Плохо дело!

Мамаева. Что?

Роза. Сто двадцать…Впрысну пенициллин. *(Отходит, готовит шприц.)*

Мамаева (садится около Аяна. Смотрит на него, Аян открывает глаза и невидящим взглядом смотрит куда-то в сторону, тяжело дыша, он *бредит).* Машину, Абакар! Не спорь, дорога каждая минута! Нужен песок! Что ты кричишь? Не шуми, не дергай людей! Нагружайте мешки!.. Спокойнее, спокойнее, друзья!

Роза. Аян! Дорогой, успокойся! Надо компресс холодный на голову положить.

Мамаева. Я сделаю, это Роза! *(Уходит на кухню и возвращается с мокрым полотенцем.)*

Роза. Аян! Я хочу тебе сделать укол. Ты меня понимаешь? *(Берет полотенце, кладет ему на голову.)* Слушай, Аян! *(В отчаянии отходит.)* Он без сознания.

Аян (бредит). Пошли людей к мосту... Абакар. Надо задержать. Абдулла, становись на мое место, здесь безопаснее. Айбике! Ты пришла?

Входит Айбике. Она торопливо сбрасывает одежду, бросается кАяну.

Роза. Бредит он...

Аян. Пришла? О, любимая! А Астемир? Нет, нет...
Я не мешаю вашему счастью. Девушка в серой шинели...
Я люблю тебя! *(Голос его дрогнул и оборвался, Аян затих.)*

Айбике. Аян! Родной мой! Асият-ханум! Неужели передо мной опять встанет преграда к счастью? *(Плачет.)*

Мамаева. Айбике, возьми себя в руки, дорогая... Ты же ему должна помочь...

Айбике (как бы очнувшись, с болью). Да, какая температура, Роза?

Роза. Сорок и две десятых. Пульс сто двадцать, слабый... Приготовила пенициллин.

Айбике. Подожди! Это сделаем в больнице. Приготовь камфору с кофеином. *(Мамаевой.)* Какая ужасная ночь!

Мамаева. Успокойся! Как же перенести его в больницу?

Айбике. Только на носилках. *(Берет у Розы шприц, делает укол.)* Роза, иди с Исаком, принесите носилки. *(Роза, накинув платок, уходит.)*

Аян (*тихо*). Воды! (*Мамаева наливает стакан воды, дает его Айбике*.)
Айбике (подносит стакан к губам Аяна). Пейте, пейте, дорогой!

Аян (пьет воду). Кто это?

Айбике. Айбике...

Аян (смотрит на Айбике, с трудом) А-а, доктор? Зачем беспокоились.

Айбике. Вы больны...

Аян. Да, что-то не ладно! Ну, это пустяки, пройдет! Как там на реке?

Мамаева. Как вы себя чувствуете, товарищ Амаев?

Аян (супреком). И вы еще не отдыхаете, товарищ секретарь? Я всем причинил беспокойство. Очень виноват перед вами... Прошу вас, не обращайте на меня внимания... Я хорошо себя чувствую и очень благодарю за заботу. Ибрагим не приходил?

Мамаева. Он уже отдыхает, у себя дома. Аян. Тогда значит все хорошо! Я рад.

Айбике. Товарищ Амаев! Вы должны лечь в больницу.

Аян. К вам? Ни в коем случае, доктор.

Айбике (струдом сдерживает слезы). Почему?

Аян (силясь улыбнуться). В гостях хорошо, а дома лучше!

Мамаева. В больницу вам лечь необходимо.

Аян (шутливо). Это что же – в порядке партийной дисциплины, товарищ секретарь?

Мамаева (улыбаясь.) Хотя бы и так.

Айбике. Вы скорее там поправитесь.

Аян. О, против меня целый заговор... Что же, придется сдаться.

Айбике (обрадованно). Ну, вот и хорошо!

Входит Абакар.

Абакар (укоризненно и льстиво Мамаевой). Ай, ай! Наш гость дорогой, совсем без отдыха и покоя. Всю ночь на ногах. Как это можно! Во всем виновата эта гроза. Она нарушила наш праздник. Но теперь надо отдохнуть. Я всюду искал вас, спасибо Ибрагим сказал. Жена ждет вас. Все приготовила, отдыхать будете, как на курорте, товарищ секретарь.

Мамаева. Спасибо, товарищ Алиев! Я пойду на свою квартиру.

Абакар. Вы мой гость, и я пришел за вами.

Мамаева (*холодно*). Извините, но не могу.

Абакар(подозрительно смотрит на Аяна и Айбике). Все же я должен просить вас, товарищ секретарь. У меня будет удобнее.

Мамаева (с упреком). Товарищ Алиев! Прекратим этот разговор. Видите, заболел человек.

Абакар (с иронией). Эту болезнь я знаю хорошо! Когда надо – он и

головой в воду бросится. Сам себе сделает плохо и людям покажет плохой пример.

Аян (тяжело дыша). Что ты говоришь, Абакар?

Абакар. Ты хорошо меня понял.

Айбике. Товарищ Алиев, зачем вы пришли сюда?

Абакар. А, ты уже стала в этом доме хозяйкой?

Аян (рванувшись вперед, с гневом). Как ты смеешь? *(Бессильно падает на подушки).*

Айбике (бросается к нему). Успокойтесь, Аян! Он сейчас уйдет. *(Абакару.)* Уходите!

Входят Ибрагим и Исак с носилками.

Ибрагим (Абакару). Слушай, Абакар, зачем шуметь в чужом доме. Сам видишь, человек очень больной.

Абакар (с обидой). Я – плохой председатель! Амаев – герой! Большое дело сделал. Ему почет, а мне унижение? Чем он оказался лучше меня? Язык хорошо работает? Успел наговорить на меня и больным прикинулся.

Ибрагим. Вай, Абакар, ты, видно, слишком много вина выпил, пьяный язык всегда говорит не то, что думает голова. Пойдем, я провожу тебя.

Абакар (отстраняет Ибрагима). Ты свой язык придержи, старый сплетник! *(Мамаевой.)* Очень прошу извинить меня, товарищ секретарь. От обиды сердце горит! Если он перед вами окажется прав, а я виноват, чуть он и займет мое место! А я свою правду найду! Выведу его на чистую воду в другом месте. Я восстановлю свою честь! *(Уходит.)*

Ибрагим (с гневом). Ты не человек, Абакар!

Мамаева (взволнованно). Да, я, кажется, не ошиблась в принятом решении! (*Айбике.)* Что с тобой? Что случилось?

Айбике (с отчаянием, сдерживает слезы). Скорей в больницу! Пульс едва прослушивается!

Исак и Ибрагим поспешно ставят носилки перед диваном, берут Аяна. Айбике отходит к окну, открывает его, и жадно вздыхает воздух. Розовые лучи утреннего солнца заливают ее поникшую фигуру. Мамаева подходит к ней, обнимает ее.

Мамаева. Крепись! Тяжело, я понимаю, но отчаиваться еще рано, Айбике!

Занавес.

Картина седьмая

Та же сцена спустя, две недели. Хороший солнечный осенний день, окна открыты. В комнате идет уборка. На окнах появились занавеси, на тахте – яркие вышитые подушки, салфетки, и комната, которая до того казалась нежилой, приобрела новый, уютный вид. Роза протирает тряпкой картины, из другой комнаты слышен стук молотка.

Роза. Ты скоро там закончишь, Аминат?

Аминат (из другой коматы). Скоро, скоро, Розочка!

Роза (поет, ей подпевает Аминат).

Что самое прекрасное?
Что лучше солнца ясного?
Что, как ручей бурлящий,
Клокочет и поет?
То юность наша вечная,
Горячая, сердечная!
Любовь, что зажигает,
Волнует, вдохновляет,
На подвиги зовет!

(В окне показывается Джайран).

Джайран (с легкой иронией). Счастливым был бы ваш труд, девушки!

Роза. Здравствуй, тетя Джайран! Спасибо тебе, заходи!

Джайран (ехидно). Я, милая, не охотница вычищать грязь в чужих домах. Своих дел хватает. С кем это ты распеваешь?

Роза (хмуро). С подружкой.

Джайран. Уж не с Аминат ли?

Роза. Разве кроме Аминат нет на свете других девушек?

Джайран. Кто же это?

Из комнаты выходит Исак с молотком в руках.

Исак. Это я, тетя Джайран!.. *(Роза сдерживает смех.)*

Джайран (с досадой). Тьфу! Бесстыдники! Хоть бы людей постыдились, где свидание устраивают!

Исак. Какое свидание? Сегодня из больницы выходит Аян. А мы хотим сделать ему сюрприз, что же тут плохого?

Джайран (насмешливо). Конечно, у вас своих дел не хватает, Айбике уехала, вы можете без нее хозяйничать по-своему и совсем на работе не появляться.

Исак. Да у нас же сегодня выходной.

Джайран. Вот приедет из райкома Абакар, он разберется, кто вам дает выходные среди недели. Ты не видел Аминат?

Исак. Нет.

Джайран. Куда она пропала. Дома нет ее. Скучно мне одной. Хоть бы из благодарности зашла родных навестить.

Исак. Увижу – скажу ей. *(Шутливо.)* Ай, ай, как можно забыть такую добрую тетю!

Джайран. Болячка бы тебе вскочила на язык, насмешник! *(Уходит.)*

Роза (смеется). Ты откуда взялся, Исак?

Входит Аминат.

Аминат. Спасибо, Исак, выручил! Он в окно влез, из сада.

Исак. А что же делать, девушки. Если бы она увидела здесь Аминат, раскричалась бы на весь аул.

Аминат. Хоть бы скорее уехать.

Роза. Уедешь, скоро уедешь, дорогая! Звонила же тебе Асият-ханум из райкома, чтобы ты была готова на этой неделе. Ой, какая ты счастливая, Аминат! Уедешь учиться – нас не забывай.

Аминат. Радуюсь, жду отъезда. А подумаю о вас и о разлуке с вами, грустно становится.

Роза. И правда, как мы сдружились за это время... Вот только Аян и Айбике никак не могут подружиться. И во всем я виновата.

Аминат. Больше всех виновата я. У меня не хватает смелости во всем признаться Аяну.

Роза. Как можно в такие дела вмешиваться? Он же не девушка, да и не ровесник нам. А может он и не любит Айбике?

Аминат. Любит!

Исак. Конечно любит. Я сам своими глазами его видел, когда он приходил в больницу и уходил обратно. Ва, какое у него было лицо и глаза, когда я сказал ему о свадьбе. Тогда я не понял его.

Роза (вздыхает). А я видела, как плакала Айбике, когда Аяну было плохо, хоть она и скрывалаэто.

Исак. Ну, девушки, от разговоров о халве сладко во рту не бывает. Надо что-то придумать, чтобы помочь им обоим.

Аминат. Ничего не придумаешь, Исак. Айбике любит Аяна, но какая девушка признается первой. А Аян ничего не знает. Придется все рассказать ему.

Исак. Если ты это сделаешь, за это я буду уважать тебя еще больше, Аминат.

Роза. Я буду ждать тебя, как сестру, Аминат, когда ты вернешься домой.

Аминат. Верю вам. Но я должна еще и по совести это сделать. Аян и Айбике сделали для меня столько хорошего. Я хотела бы уехать, увидев их счастливыми.

Роза. Кто не пожелает им счастья – тот не человек!

Исак (шутливо). Ой, Роза, если бы ты всегда была такая добрая, я был бы счастливейшим человеком на свете

Роза. Аминат, давай его поколотим?

Аминат *(смеется)*. Если мы его поколотим, Роза, он не принесет нам воды. *(Даетему ведро.)*

Исак (берет ведро). Спасибо, Аминат! Ты спасла мне жизнь. *(Убегает.)*

Аминат. Скажи, Роза, нравится тебе Исак?

Роза. Как тебе сказать, хороший парень.

Аминат. Выходи за него замуж, он любит тебя.

Роза. Раньше в старину было так: когда девушка одна поднимала перину, ее выдавали замуж. Ну, а я еще и перины не завела. *(Обе смеются.)*

Аминат. Что еще осталось сделать? Подмести пол и накрыть стол?

Роза. Убрать на письменном столе и принести из сада цветы. Ты займись, Аминат, столом, а я пойду в сад. *(Аминат убирает на столе. Роза уходит.)*

Входит Астемир.

Астемир. Добрый день, Аминат! Наконец-то я нашел тебя.

Аминат (обернулась, взволнованно). Здравствуй... Что тебе нужно от меня?

Астемир (с притворным волнением). Аминат... Я все эти дни рвался приехатьктебе... Я хочу поговорить! с тобой...

Аминат. Не о чем, Астемир *(Хочет уйти.)*

Астемир (преграждает ей дорогу). Не уходи, Аминат... Прошу тебя, выслушай меня... *(Аминат отошла к столу.)* Я виноват перед тобой... Но я столько пережил за это время... Если в твоем сердце осталась хоть одна капля любви ко мне – не презирай меня. Мне нелегко было придти к тебе... Но я не мог сдержать себя. *(Аминат молчит.)* Дороже тебя сейчас у меня нет никого на свете.

Аминат (стоит к нему спиной, сдерживает волнение). Как, ты уже забыл об Айбике?

Астемир. Поверь мне, это было увлечение. И оно прошло. В сердце осталась только ты! Аминат, дорогая.

Аминат (обвернулась, с болью). Отойди! Я уже не та Аминат, которую тебе так легко было подкупить ласковыми словами... Горе, которое я пережила, раскрыло мои глаза на многое. Говори, что хотел сказать.

Астемир (опустил голову, с нарочитым отчаянием). Прости меня!

Аминат (смотрит на него невидящими глазами. У меня на сердце лежит камень. Ты положил его... *(С болью.)* Но я все еще люблю тебя, Астемир. Мне очень трудно скрывать это.

Астемир (протянулруки). Аминат!

Аминат (отвернулась). Ты мне говорил всегда: «Время лучший друг». Я буду надеяться на него. Я буду учиться. А когда закончу институт, то стану работать. Как Аян и как Айбике. А ты устраивай свою жизнь по-своему.

Астемир (опустил руки). Ты так решила?

Аминат. Да. Мне помогли хорошие люди и друзья.

Астемир. Если так, пусть будет по-твоему, Аминат. Ты права. Закончив десятилетку, нельзя останавливатьсяна пол-пути! Но почему мы не можем расстаться друзьями?

Аминат. Ты плохой друг, Астемир. Джайран мне сказала, что ты советовал моему дяде Абакару заставить меня вернуться к мужу, к человеку, который видит во мне только рабыню.

Астемир (смутился и, овладев собой, с негодованием). Это клевета, Аминат! Кто не знает болтливой Джайран, тот может поверить ей. *(Аминат молчит.)* Ты еще не знаешь на что я способен, чтобы доказать тебе свои чувства. Клянусь тебе, мне нужна твоя дружба. Ты одна можешь спасти меня или погубить. *(Аминат молчит.)* У меня тяжелое положение, Аминат. Я стою на пути к пропасти. Помоги мне... Я хочу начать новую жизнь... И это сейчас от тебя зависит. *(Аминат не отвечает.)* Аминат, если ты только скажешь, что мы помирились, меня не исключат из партии. Пойми меня, я только что поднялся на первую ступень повышения! Но имею способность и возможность подняться еще выше. Я очень скоро могу стать человеком, который сможет помочь тебе, дорогая Аминат, увидеть настоящую жизнь. Я все сделаю для тебя.Даю тебе слово! Ты не раскаешься в том, что сейчас окажешь услугу мне.

Аминат (смотрит на Астемира. На ее лице отражается растерянность, боль и отчаяние) Услугу? И ты пришел за этим? Как ты мог? *(Закрывает лицо руками и убегает.)*

Астемир (зло). Ты сама же предала меня!

(Входит Роза с букетом цветов. Лицо Астемира мгновенно меняется). Здравствуй, Роза!

Роза (с удивлением). Ой, здравствуйте! А где Аминат?

Астемир. Не видел. Я зашел к Аяну. Думал он дома.

Роза. Он в больнице еще.

Астемир. А Айбике приехала?

Роза. Звонила, что сегодня приедет.

Астемир. До свидания, Роза! *(Уходит.)*

Роза (смотрит вслед ему, хмуро). До свидания! *(Наливает в вазы воды и ставит цветы на стол.)* Где ж Аминат? *(Заливистый телефонныйзвонок. Роза бросается к телефону.)* Алло! Алло! Слушаю! *(Тепло улыбается.)* Здравствуйте, Асият-ханум! Вам нужен Аян? Он еще в больнице. Да! Я могу сказать, что вы будете звонить ему... Хорошо! Как здоровье Аминат? Хорошо себя чувствует. Путевка? Она очень обрадуется. *(Радостно.)* Передам! Сегодня? Хорошо! Айбике уже выехала? Конечно, соскучилась! Приезжайте к нам... Завтра? Будем ждать. До свидания! *(Взволнованно и осторожно кладет трубку. В окне появляется Ибрагим.)*

Роза (обрадованно). Дядя Ибрагим! Со счастливым приездом вас!

Ибрагим. Верно пожелала, дочка! Аян дома или еще в больнице?

Роза. Он ждет Айбике. Но сегодня будет дома.

Ирагим. Тогда пойду в больницу. Обрадую его.

Роза. Ой, дядя Ибрагим, вы привезли для него радостную весть?

Ибрагим. Еще какую! *(Уходит.)*

Роза. Значит у Абакара ничего не вышло? Ой, как я рада! Побегу скажу Аминат. Ей сегодня выехать нужно. *(Убегает.)*

Входит Исак с ведром воды.

Исак (с недоумением оглядывает комнату). Куда разбежались эти девушки? Такие вести я принес им. Сердце разрывается от нетерпения. *(Ставит ведро на табуретку.)* Ва, Аллах, где они задержались! *(Смотрит в ведро и шутливо любуется своим изображением, лихо сдвинув на затылок шапку.)* Почему Роза, говорит некрасивый я? Очень даже красивый. Вот только нос подкачал. Попрямее надо бы! Да что делать, поскупилась природа.

Входит Роза.

Роза. Исак, что ты делаешь?

Исак. Гадаю, Роза. Выйдешь ты за меня замуж или нет?

Роза. Слушай, оставь шутки! Есть хорошая новость, для Аяна.

Исак. Ва, ты уже знаешь? Кто же это опередил меня?

Роза. Дядя Ибрагим приехал.

Исак. Тогда я тебе другую новость скажу.

Роза. Какую?

Исак. Аминат сегодня уезжает в город.

Роза. Откуда узнал?

Исак. Только что с начальством беседовал.

Роза. С каким начальством?

Исак. С товарищем Салимовым и Айбике Мурадовной.

Роза. Приехала, Айбике?

Исак. Я же говорю, беседовал.

Роза. А я по телефону с секретарем райкома беседовала и уже Аминат все передала. Понятно?

Исак (обескураженно). Ничем тебя не удивишь, Роза. Ты во всем всегда первая бываешь.

Роза. Полей цветы, Исак, я буду накрывать на стол. Знаешь что, Исак?

Исак. Нет, больше я ничего не знаю *(Берет ведро и кружку.)*

Роза. Мы должны встретить Аяна наполненными бокалами.

Исак. И опять ты опередила меня. Я только что об этом думал и уже приготовил бутылку шампанского.

Роза. Так и сделаем. Давай твое вино, закуску сейчас Аминат принесет.

Исак (подает ей вино. Роза ловко, красиво накрывает стол. Исак наблюдает за ней). Чем больше я приглядываюсь к тебе, Роза, тем больше убеждаюсь.

Роза. В чем?

Исак. Что ты подходящая невеста для меня.

Роза. А я, чем больше гляжу на тебя, тем больше убеждаюсь, что ты не подходящий жених для меня. *(Лукаво).* Вот Абдулла, он и шофер, и красивый парень.

Исак (поливает цветы). У тебя, Розочка, наверное, плохое зрение. Лучшего жениха, чем я, тебе не найти. Ты только приглядись ко мне, как следует *(Шутливо поет и танцует.)*

Я собою некрасивый,
У меня длиннющий нос.
Но зато я парень милый
И примерный водовоз!

Роза (смеется). И шут гороховый.

Исак. Ва, зачем такие слова говоришь! Ты знаешь, Роза, я скоро уже стану фельдшером. Я уже изучаю русский язык.

Роза. Хвастунишка ты.

Исак (обидчиво). Кто хвастунишка? Я хвастунишка? Давай спорить. Ты можешь спеть какую хочешь частушку, а я переведу ее.

Роза (подметает веником пол). Знаю, что ты переведешь...тарелку хинкала.

Исак. Ах так, спорим!

Роза. На что?

Исак. Если ты выиграешь, ты меня поцелуешь.

Роза. Ты в уме, Исак?

Исак. Хорошо! Тогда я тебя поцелую.

Роза (подымает веник). Что?

Исак, (поднял руки вверх). Исдаюсь! Исдаюсь *(Серьезно.)* Флакон духов, согласна?

Роза. Согласна.

Исак. Пой.

Роза (смеясь, поет).

На арбе сидела я,
Ничего не делая.
Ты глядел на меня,
Взором полного огня,
Поминутно вздыхал.
Как же быть, если ты
Для меня ростом мал?

Исак (принимает обиженный вид. Поет).

Ты садился на арба,
Прикасался на торба,
Двадцать разом говорил,
Что меня полюбил!

(Бросается к Розе). Я выиграл! Давай поцелую.

Роза (подымает веник). Попробуй!

Исак (*садится на тахту и с шутливой серьезностью качает головой*). Ай, ай! Какая ты будешь злая жена! Что будет, если у нас будут дети похожие на меня. Тихие, пугливые, ты будешь бить их веником.

Роза (со смехом ударяет его по спине веником). Вот тебе, пугливый папаша! Не болтай языком что попало. (*Исак вскочил, Роза гоняется за ним вокруг стола.)*

Исак. Ой, ой, не буду, Роза! Слово даю – не буду!

Роза (грозно держа веник в руках). Что не будешь?

Исак (потирает спину). Не буду говорить, что ты плохая жена будешь.

Роза. Ты опять за свое взялся? (*Хочет ударить его веником, Исак берет стул, обороняется.)*

Исак. Что ты, я радоваться буду! Хорошая жена скажу, любить буду! Как голубки жить будем! *(Бежит к дверям, Роза бросает в него веником. Открывается дверь, входят бледный и похудевший Аян и Ибрагим. Исак пригибается, и веник попадает в Аяна. Он ловит его. Роза и Исак от неожиданности пятятся назад.)*

Аян (улыбаясь, смотрит на Розу и Исака). Самая торжественная встреча для нас, Ибрагим.

Ибрагим (Смеется). С салютом!

Роза (смутилась). Извините, это получилось нечаянно!

Исак (прячась за Аяна). Конечно, нечаянно! Роза подметала пол, а веник сам выскочил из ее рук и побежал за мной к дверям. *(Смех.)*

Аян (оглядывает комнату, шутливо). Ибрагим, куда мы попали? Что-то я не узнаю своей квартиры.

Ибрагим (в тон ему). Потому тебе и попало, как следует. Не ходи по чужим квартирам. *(Смех.)*

Роза. Мы хотели тебя, Аян встретить иначе. Ты очень скоро пришел.

Исак. Я даже не успел раскупорить вино.

Аян (обнимает Розу и Исака). Спасибо, друзья! Не огорчайтесь. То, что вы сделали, неожиданная радость для меня. И я готов расцеловать вас обоих. *(Прижимает их к себе).* Но когда же я погуляю на вашей свадьбе?

Исак. Скоро, Аян!

Роза (смущенно). Исак!

Исак. Что, Исак? Я сказал, что я думал. Ты скажи, что ты думаешь!

(*Смех.)*

Аян. А по поводу чего здесь происходил бой?

Исак. Видишь ли, Аян, я хотел кое-чему Розу научить.

Роза. А я, за его науку, решила его проучить *(Все смеются.)*

Аян. Ясно! Давайте объявим перемирие. И укрепим вечный мир за столом, с бокалами в руках!

Входит Аминат. Она нарядная, готовая к отъезду. В руках у нее блюдо с пирогом.

Аминат (ставит на стол пирог, бросается к Аяну). Поздравляю тебя, Аян, с выздоровлением! И благополучным концом твоего дела!

Аян. Спасибо, Аминат! Я слышал ты уезжаешь сегодня? Поздравляю тебя, дорогая!

Аминат. Если бы ты знал, Аян! Как я счастлива!

Аян. Понимаю, Аминат! И рад за тебя.

Роза (она уже все приготовила ждет). Мы все рады за Аминат.

Аян. Ну что же, друзья, к столу?

Ибрагим. Погоди, Аян. У меня тоже есть подарок для тебя. Сейчас я его принесу. Пусть и твои друзья то же попробуют его.

Аян. Тогда мы подождем. *(С грустью смотрит в окно.)*

Аминат (тихо Исаку и Розе). Самый подходящий момент. Вы идите за Айбике, а я останусь и подготовлю Аяна.

Роза (тихо). Айбике ни за что не пойдет, если мы будем ее приглашать.

Исак. Я придумал. Скажем, что Аяну стало плохо. И нужна медицинская помощь.

Аминат. Ой, молодец, Исак! Идите скорее!

Аян (обернулся). Что это там у вас за совещание, друзья?

Роза. Извини Аян, мы сходим с Исаком в больницу искоро вернемся.

Аян. Уговор, не задерживаться! Роза. Очень быстро вернемся. (*Уходят.)*

Аминат. Аян, почему ты такой грустный?

Аян (с улыбкой). Что ты, Аминат. Я просто взволнован. Столько приятных новостей и все в один день.

Аминат. Но я ведь знаю тебя. Ты думаешь о чем-то другом и тебе не совсем весело сегодня.

Аян. Ты права, Аминат. Мне сегодня радостно и рустно. Радостно, от того, что у меня такие хорошие друзья! И грустно, что я скоро с ними расстанусь.

Аминат. Как растанешься? Ты хочешь уехать?

Аян. Да, Аминат. Я уже получил предложение в другой район.

Аминат. Почему ты не хочешь остаться здесь?

Аян. Есть причина.

Аминат. Ты не хочешь работать с дядей Абакаром?

Аян (не сразу). Абакара и Астемира исключили из партии. *(Аминат опустила голову.)* Прости Аминат, тебе тяжело это слышать. Но в этом они виноваты сами. Астемир был у меня в больнице, каялся, просил, чтобы я забыл все, и помог ему в восстановлении в партию. Я мог бы это сделать Абакару, но не ему.

Аминат (отвернулась к окну). Не говори о них, Аян.

Аян. Ты должна быть справедлива, Аминат. Партия прощает ошибки, но не приспособленцев, каким оказался Астемир и не поощряет хищений, которыми занимался Абакар.

Аминат. Ты не понял меня. Мне тяжело оттого, что стыдно за дядю. Все плохое кончается плохим.

Аян (берет гитару). Не будем переживать за тех, кто справедливо наказан. Спой что-нибудь на прощанье, Аминат, как другу.

Аминат (улыбнулась). Твою любимую Фархад и Ширин?

Аян. А ты помнишь?

Аминат. Да!

Аян (с грустной улыбкой). Спой!

Аминат (играет и поет).

О, любимая, где ты.
С глазами полными огня?
Показавшись, ты,
Скрылась, забыла меня?

Аян сел на тахту, облокотившись на подушки, опустил голову, слушает, не замечает, как вошла Айбике с чемоданчиком, Исак и Роза. Роза дает знак Айбике – не мешай. Аминат, заметив вошедших, продолжает петь, делая вид, что не видит их.

Моя нежная лань, о, явись снова мне,
Ты заставила сердце гореть на огне.
Бог премудрый, где радость найду я свою?
О, судьба, погубила ты душу мою!
Разлучившись с любимой, я стал, как больной,
И рассудок, и разум утеряны мной.
Где же счастье мое? Как вода утекло...

Аян поднял голову и увидел Айбике, вскочил и пошел ей навстречу.
Аминат с лукавой улыбкой положила гитару.

Аян (радостно-взволнованный). Айбике Мурадовна? Очень рад видеть вас гостьей в моем скромно доме.

Айбике (с недоумением, смущенно). Я пришла помочь вам.

Аян (не менее удивленный). В чем?

Айбике. Мне сказали... *(в замешательстве смотрит, на Розу, Исака, а они, чувствуя развязку своей затеи, подошли к Аминат и умоляюще смотрят на Аяна.)*

Аян (понимающе улыбнулся, мягко и сердечно). А-а, простите, Айбике Мурадовна, друзья мои немного поспешили. Уже все прошло! Но уж раз вы пришли – не откажитесь провести с нами время и по случаю отъезда нашего друга, поднять бокал за его здоровье и благополучную дорогу.

Аминат. Если Айбике хочет мне счастья, она, конечно, останется.

Роза (благодарно взглянув на Аяна) Айбике наш друг.

Айбике (смущенно). Аминат я желаю большого счастья! Значит я должна остаться. *(Аминат целует Айбике, Роза и Исак ухаживают за ней, не замечая пытливого взгляда Аяна.)*

Входит Ибрагим. В руках у него тарелка с яблоками, покрытая полотенцем.

Ибрагим (берет одно яблоко, весело). Смотри, Аян, это яблоко с привитого тобою дерева. *(Всем.)* Новый сорт. Мы будем теперь размножать его и нам уже никто не помешает.

Аян (рассматривает большое яблоко, взволнованно). Значит привилась! *(Шутливо).* Я должен его подарить, Ибрагим. Но оно одно. Подарив его одной девушке, я не хочу обидеть других. Как же быть, друзья?

Роза (шутливо поет):

Зачем свою радость делить между нами?
Пусть она будет достойна одной
Пусть принесет оно счастье любимой,
Лучшей из нас, наш Аян дорогой.

Аян (с теплой улыбкой). Совет твой, Роза, правильный. И я послушаюсь его. Но подскажи: кто же из вас троих достойнее?

Роза. Айбике!

Аян. Кто лучшая, любимая для нас?

Роза. Айбике!

Исак. Я тоже присоединяюсь к вашему голосу и дарю его Айбике Мурадовне. *(Дает ей яблоко.)* Это за ваш труд и здоровье, которое вы вернули нам с Аминат.

Все аплодируют.

Ибрагим. Примите и мой голос! Я тоже уважаю нашего доктора!

Аян. Охотно!

Айбике (берет яблоко, взволнованно и смущенно). Что вы, товарищи, спасибо! Но мы разделим его на три части.

Роза и Аминат (вместе). Нет! Нет! Нет!

Исак разливает шампанское

Аян. Друзья, выпьем за счастливый отъезд Аминат! *(Все поднимают бокалы.)* Пожелаем ей доброго пути, успеха в учебе и попросим ее не забывать своих друзей, оставшихся в ее родном ауле.

Аминат. Спасибо Вам! Пусть сбудутся ваши пожелания и пусть мое сердце всегда бьется для вас. *(Пьют. Звоно ктелефона. Аян подходит к телефону.)*

Аян. Слушаю! *(Тепло улыбаясь.)* Привет и вам, товарищ Мамаева! Самочувствие отличное. Настроение? Прекрасное! Очень рад и благодарю вас! Да мне передали. Но все же – я должен уехать. Причина? Уважительная. Подумать? Хорошо. Завтра? Будем ждать. До свидания! (Кладет трубку, задумался, все смотрят на него.)

Ибрагим. Ты, Аян, никуда не поедешь. Ты обидишь людей нашего аула, а они хотят доверить тебе свои жизни и свои надежды! *(Аян стоит, опустив голову.)* Партия и народ оказывают тебе доверие. *(Раздается гудок машины. Вбегает Салимат.)*

Салимат. Доченька! Машина за тобой пришла. Время ехать. Абдулла говорит, что как раз к поезду подъедете. *(Все встают из-за стола.)*

Аминат (подходит к Аяну, смотрит ему в глаза, взволнованно). Аян, друг и брат мой! Спасибо тебе за мою дальнюю и светлую дорогу!

Аян. Аминат, оправдай мои надежды! *(Берет букет со стола и дает его Аминат.)* Не забывай, Аминат, мы, друзья твои, будем думать о тебе. Трудно будет, не скрывай от нас. Помни. Очень трудный и длинный путь учебы. Но какое счастье и радость, когда его пройдешь. Какую силу чувствуешь в руках. Жить и бороться за новую жизнь!

Аминат. Я дала тебе слово, Аян, и сдержу его. Прощай! Будь здоровым и счастливым, брат!

Аян. Добрый тебе путь, сестренка!

Аминат (бросается к Айбике, обнимает и целует ее). Айбике! Дорогая моя! Прощай, не забывай свою глупую Аминат! *(Целует ее.)* Желаю тебе очень большого счастья!

Айбике. Пиши обо всем, дорогая Аминат!

Аминат. До свидания, дядя Ибрагим! Поскорее выращивай свой новый сорт. Когда я вернусь агрономом домой, я буду соревноваться с тобой и Аяном.

Ибрагим. Смотри, Аминат, учись как надо. Чтобы колхозу не совестно было за тебя! Что будет надо, сообщи, поможем.

Аминат. Спасибо, дядя Ибрагим! Я беспокоюсь за маму. Старенькая она.

Ибрагим. О матери не беспокойся. О ней побеспокоится колхоз. О себе думай. Добрый путь тебе!

Роза. А мы тебя провожать поедем с Исаком на вокзал.

Исак. Я пойду за твоими вещами, Аминат *(Уходит.)*

Аминат (оглядывает комнату, радостно и возбужденно). Пусть в этом доме поселится счастье! Прощайте, друзья! *(Убегает.)*

Салимат (идет за ней, плачет). Ох, доченька, дожить бы до твоих светлых дней. (Все уходят за Аминат).

Где-то вдали тишину прорвала песня без слов, как ветер. Под звуки комуза она взлетает и ширится над аулом. Входят: А я н, Айбике, Салимов.

Салимов (Аяну). Прежде чем проводить партийное собрание, товарищ Мамаева предложила мне согласовать с вами этот вопрос и получить ваше согласие. Завтра она приедет сама проводить перевыборы.

Аян. Доверие, которое оказал мне райком партии – это большая честь для меня, товарищ Салимов. Смогу ли я оправдать его? Разрешите мне подумать и дать вам ответ на партийном собрании?

Салимов. Хорошо, я буду ждать. Не забудьте, партийное собрание начинается через час. *(Уходит.)*

Айбике (берет свой чемоданчик, взволнованно). Пора и мне идти, товарищ Амаев, как чувствуете себя?

Амаев (лицо его темнеет). Айбике Мурадовна… Я хотел бы спросить вас... Мысли так разбросаны... Все так свалилось неожиданно. Понимаете, борьба на душе!

Айбике (дрогнувшим голосом). Вы, все-таки, хотите уехать?

Амаев. От вашего ответа зависит мое решение. Я люблю вас, Айбике!

Айбике (лицо ее светлеет, взволнованно она смотрит на Аяна, тихо) Аян, милый, не уезжайте от меня!

Аян (рванулся к Айбике, тихо, с силой). Айбике! Счастье мое! Жизнь моя! *(Тихо.)* Любимая моя!

Оба, радостно взволнованные, некоторое время молча смотрят друг на друга. Обняв Айбике, Аян подходит к окну. В комнату врываются звуки музыки и радостная песня с улицы.

Айбике. Как долго шла наша любовь к счастью, Аян.

Аян. Она шла трудными дорогами,

Айбике. Но никакие трудности и препятствия не погасили нашей любви! Ты моя! Навеки моя! Единственная, любимая девушка в серой шинели!

Айбике (тихо). Исполнилась моя мечта, Аян! Слышишь, как радуются люди... Поют, веселятся, они идут сюда поздравить тебя с выздоровлением и победой!

Песня под звуки кумуза приближается и нарастает. Слышатся хлопки в ладоши и лихие выкрики танцоров: «Асса! Асса! Асса!» Залитые солнцем, счастливые и радостные, Айбике и Аян стоят, прижавшись друг к другу.)

Затемнение.

Конец.

Содержание

Вступление ……. 4

Н. Алиев. «Итальянская баллада» ……. 6

Г. Бодарыкин, С. Челка. «Ахтунг, Ахтунг! В небе Султан!». …..…… 59

А. Боков. «Мы вернемся, Нана!». ……. 85

В. Гаглоев. «Сказ о матери». ……. 119

А. Сулейманов. «Айбике». ……. 153

В Год литературы РДНТ предлагает методические издания в помощь КДУ-Центрам традиционной культуры народов России, выходящие в свет в 2015 году:

- ✓ «Год литературы» в помощь КДУ-Центрам традиционной культуры народов России. – *Махачкала: РДНТ МК РД, 2015. – с. 370.*
- ✓ Информация о деятельности *РДНТ МК РД, 2014-2015 гг. – Махачкала: РДНТ МК РД, 2015. – с. 74.*
- ✓ Антология традиционной культуры народов Дагестана. – *Махачкала: РДНТ МК РД, 2015. – с. 300.*
- ✓ «Центры традиционной культуры народов России». Информационный журнал-вестник. – *Махачкала: РДНТ МК РД, 2015. – с.210.*
- ✓ Поэзия Расула Гамзатова в песенном творчестве советских и дагестанских композиторов. – *Махачкала: РДНТ МК РД, 2015. – с. 86.*
- ✓ Поэтическое слово Р.Г. Абдулатипова, обращенное к народу. – *Махачкала: РДНТ МК РД, 2015. – с. 112.*
- ✓ «23 февраля – Отечества достойные сыны…». – *Махачкала: РДНТ МК РД, 2015. – с. 138.*
- ✓ «8 марта – День радости и красоты». – *Махачкала: РДНТ МК РД, 2015. – с. 118.*
- ✓ «Салют Победы». – *Махачкала: РДНТ МК РД, 2015. – с. 133.*
- ✓ Методическое пособие для народных театров республики, посвященное 70-летию Великой Победы в ВОВ КДУ-Центрах традиционной культуры народов России. – *Махачкала: РДНТ МК РД, 2015. – с. 222.*
- ✓ Сценарно-репертуарный сборник в помощь агитбригадам для КДУ-Центров традиционной культуры народов России. – *Махачкала: РДНТ МК РД, 2015. – с. 61.*
- ✓ Центры традиционной культуры народов России – диалог культур. Ставрополь – Кизляр. – *Махачкала: РДНТ МК РД, 2015. – с. 110.*
- ✓ «Русский язык как язык межнационального общения». – *Махачкала: РДНТ МК РД, 2015. – с. 75.*
- ✓ «День Конституции Республики Дагестан». – *Махачкала: РДНТ МК РД, 2015. – с. 78.*
- ✓ «Русский мир в Дагестане». – *Махачкала: РДНТ МК РД, 2015. – с.120.*
- ✓ «Развитие инструментального исполнительства в Дагестане». – *Махачкала: РДНТ МК РД, 2015. – с. 56.*
- ✓ Дагестанские школы духовной красоты. – *Махачкала: РДНТ МК РД, 2015. – с.100.*
- ✓ Методическое пособие по развитию народных художественных промыслов – *Махачкала: РДНТ МК РД, 2015. – с.95.*
- ✓ Камнерезное искусство Дагестана. – *Махачкала: РДНТ МК РД, 2015. – с.120.*
- ✓ Горский костюм и национальная одежда дагестанцев в творчестве европейских, русских и дагестанских живописцев. – *Махачкала: РДНТ МК РД, 2015. – с.150.*
- ✓ Куклы – игровая картина мира. – *Махачкала*: *РДНТ МК РД, 2015*.
- ✓ «От Щазы до Фазу». – *Махачкала: РДНТ МК РД, 2015. – с. 115.*

МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ РЕСПУБЛИКИ ДАГЕСТАН
РЕСПУБЛИКАНСКИЙ ДОМ НАРОДНОГО ТВОРЧЕСТВА

РЕПЕРТУАРНО-МЕТОДИЧЕСКОЕ ПОСОБИЕ ДЛЯ НАРОДНЫХ ТЕАТРОВ РЕСПУБЛИКИ, ПОСВЯЩЕННОЕ 70-ЛЕТИЮ ПОБЕДЫ В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ

(репертуарный сборник для КДУ-Центров традиционной культуры народов России)

Редакционная группа:
Мугадова М.В.,
заслуженный деятель искусств РФ,
кандидат филологических наук

Заварзина Е.А., заслуженный работник культуры РД,
Ахмедова И.С., заслуженный работник культуры РД,
Муртузалиева С.М., заслуженный работник культуры РД,
Терехова Н.В., к.ф.н., заслуженный учитель РД,
Султанова Г.А., заслуженный деятель искусств РД, театровед,
Закуева Г.М., заслуженный работник культуры РД,
Мурщиева Г.Ш., заслуженный работник культуры РД
Мурадова М.Р.

РДНТ МК РД
367010, г. Махачкала,
ул. О.Кошевого, 35 «а»
☏ 8(8722) 62-99-87, факс: 62-39-68
e-mail: rdnt35@yandex.ru
web-site: www.dagfolk.kultura.ru

Для заметок

Для заметок

Для заметок